

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 42/43

14 ноября—21 ноября 1928 г.

№ 42/43

Привет Всесоюзному совещанию рабселькоров — помощников органов юстиции в борьбе за революционную законность.

1944

Крепче связь.

Мощным оживляющим потоком влилось рабселькоровское движение в советскую общественность. Тысячи и десятки тысяч добровольных активных помощников нашла Партия в лице рабселькоровской армии.

На самом сложном участке борьбы и строительства передовую позицию заняли рабселькоры, вооруженные одним из самых действенных, самых мощных оружий нашего времени—пером.

Там, где происходит наиболее напряженная, страстная, хотя порою малоприметная борьба между старым и новым, там, где мертвый хватает живое, там активное место занял борец—рабселькор.

Бюрократ, насильник, всякий мешающий социалистическому строительству в нашей стране увидел упорного, настойчивого и умелого врага в лице рабселькора. Недаром поэтому такой яростью горит все антисоветское, все противящееся социалистическому строительству в нашей стране против рабселькоров.

Нередко рабселькорам приходится первым принимать на себя тяжелые удары от классовых врагов, и не мало жертв понесло рабселькоровское движение за последнее время.

Наибольшая уязвка существует между работой органов юстиции и рабселькоровским движением. В лице рабселькоров органы юстиции имеют наиболее добросовестную, работоспособную, ценную и нужную армию, которая все больше и больше становится опорой в работе.

Там, куда прокуратуре и суду еще трудно добраться, рабселькор связанный теснейшими нитями, условиями своего положения в данной производственной среде, находит, вскрывает, те язвы и язвочки, те большие и малые недочеты, которых еще так много.

Рабселькоры—первые и надежнейшие помощники суда и прокуратуры, и совершенно естественно, что лозунгом дня должно стать—крепче связь между органами юстиции и рабселькорами, больше действительной помощи, быстроты со стороны органов юстиции рабселькорам, больше активной защиты рабселькора в его борьбе.

Это особенно становится лозунгом дня сейчас, когда в условиях обострения классовой борьбы роль рабселькора приобретает еще более серьезное, еще более значительное место во всей нашей работе.

Уже имеются достаточно яркие показатели того, что обострение классовой борьбы сказывается и в усилении гонений, преследований рабселькоров. За последнее время мы имеем немало случаев возмутительнейшей расправы с рабселькорами. Кулак, всякий противящийся социалистическому строительству действует по отношению к рабселькору двумя метрами—физическим уничтожением данного рабселькора, как злейшего противника, и одновременно методом устрашения по отношению к рабселькорам вообще.

Опыт показал, что методы устрашения на армию рабселькоров не действуют. Твердо стоит на своих позициях эта огромная революционная армия. 4-е совещание, созванное в Москве, продемонстрирует перед всей страной, и не только перед страной советов, но и далеко за пределами наших границ, огромные достижения рабселькоровского движения, гигантское значение движения, его рост, неслыханные трудности его работы и его дальнейшие задачи.

4-е совещание, на ряду со всеми решениями по дальнейшему укреплению, развертыванию и углублению рабселькоровской работы, должно дать четкое указание по укреплению связи между органами юстиции и рабселькорами.

Необходимо тщательное расследование дел о преследовании рабселькоров.

По имеющимся данным редакций центральных и московских газет, количество преследований рабселькоров за первую половину текущего года значительно превосходит количество преследований за соответствующую половину прошлого года. По некоторым газетам оказывается, что за половину 28 года число преследований рабселькоров превышает все то число, которое они имели за целый 27 год. Как общее явление мы имеем в этом году непреклонный рост преследований из месяца в месяц, в то время как в прошлом году мы наблюдали совершенно обратную тенденцию.

В подтверждение указанных выводов приведем несколько сравнительных цифровых данных.

«Рабоче-крестьянским корреспондентом» за первую половину 27 года было отмечено яркое снижение количества преследований: в январе было 32, в апреле—9 и в июне—6, а в отдельных месяцах первой половины текущего года мы имеем следующий рост: январь—8, май—23, и июнь—27 случаев преследования. Или по газете «Гудок» в 27 году было 59 случаев преследований, а за половину 28 года—96.

«Крестьянской Газетой» за 27 год было зарегистрировано 21 случай преследования, а за половину 28 года—23 случая. Примерно такое же положение мы имеем и по другим редакциям газет.

Эта же тенденция видна и из материалов расследования дел о преследовании рабселькоров, приведенных Московской губпрокуратурой. За весь 27 год в Мосгубпрокуратуру поступило 27 дел, а за одну первую половину 28 года—19 дел.

Причины роста преследований несомненно объясняются 1) углублением классовой линии в работе наших партийно-советских органов и всей советской общественности в особенности в деревне; 2) развернутой самокритикой, борьбой против извращений в нашем советско-хозяйственном аппарате, против рутины, бюрократизма, бесхозяйственности и нечуткости к предложениям масс со стороны администраторов, в ряде случаев разложившихся, а иногда и прямо переродившихся в тормозящие элементы советской общественности, в особенности в городе, и в 3) выросшей активностью широких масс города и деревни, масс весьма чутко отзывающихся на правильно поставленные и проводимые в жизнь Партией задачи социалистического строительства и борьбы со всякого рода извращениями в нашей практической работе.

В связи с ростом количества преследований рабселькоров нам особенно необходимо просмотреть самую форму этих преследований на основе имеющихся у нас примеров.

Рассмотрение этих форм преследований необходимо для облегчения работы судебно-следственных и конфликтных органов профсоюзов по проверке и расследованию дел о преследованиях и защите рабселькоров. Вывод в отношении форм преследования также очевиден.

Вместо открытых преследований путем убийств или прямых незамаскированных увольнений с работы, как это мы наблюдали раньше, мы имеем сейчас, правда, те же результаты, но к этим результатам формы подхода утончены, замаскированы, приняли такой характер, что они требуют самого внимательного расследования и наблюдения, особенно в городе, где на первый взгляд трудно

сказать, имеются ли тут элементы преследования, сведения личных счетов или передвиги и увольнения рабочего, исходя из правильного рационального размещения сил внутри предприятий.

Приведем несколько примеров из опыта расследований.

Активный рабкор, член завкома, написал разоблачительную заметку о бюрократизме головки заводских организаций. Чтобы избавиться от этого рабкора, его выдвигают и командируют на курсы за несколько дней перед переборами завкома, а завком начинает проводить работу за введение в его состав прежних работников. Рабкор пока не уходит из заводской организации и выступает на собраниях против намечаемых старых работников, и дело доходит до того, что этому активисту-рабкору вдобавок к выдвигению выносят выговор, не обсуждая вопроса о причинах, заставивших рабкора выступить против решения фракции.

Или за непрестанную рабкоровскую работу товарища постоянно «рационализируют». На том же самом заводе его несколько раз передвигают с одного места на другое. В результате передвиги по ступенькам рационализации у этого аккуратного товарища снижают заработную плату постепенно со 186 руб. до 50 рублей, не имея все же смелости прямо выгнать его из завода, а сам он несмотря на эти притеснения с завода не уходит. Тогда этому партийцу предъявляется обвинение в краже. Для подтверждения кражи на квартире у него делают обыск, обнаруживают несколько килограмм имевшихся у него гвоздей, торжественно заявляют о краже перед вышестоящими организациями и увольняют.

Или администрация завода, желая избавиться от рабкора и редактора местной стенгазеты, предварительно в парторганах согласовывает принципиальный вопрос—можно ли в числе других сокращаемых уволить с работы рабкора, а потом ему заявляют, что его разрешили уволить.

Не редки и такие случаи, когда активных рабкоров—рядовых рабочих вадвигают на ответственную работу, явно непосильную для рядового рабочего, зная наперед, что он с этой работой не справится. И через непродолжительное время действительно оказывается, что данный товарищ не может справиться с порученным ему делом, а это дает администрации право на снятие со всякой работы такого «выдвигенца», получается, что все тут в порядке и цель достигнута.

В деревне мы точно также наблюдаем переход от открытых форм преследования селькоров к скрытым. Непосредственные выступления кулачества против селькора стали встречаться в деревне все реже и реже.

Мы имеем такие факты, что кулачество, разоблачаемое селькором, начинает постепенно готовить расправу. Вербует на свою сторону пособников, снаивает местного фельдшера, дает ему указание отравить селькора; селькора приглашают на деревенское собрание для доклада, фельдшер в воду прибавляет яд, ее подают селькору пить и отравляют. Или путем распространения самых нелепейших слухов среди населения об активном общественном работнике добиваются невозможности его работы в данной местности и нередко при содействии местных низовых соработников добиваются перевода этих работников в другие районы.

Вот примерные завуалированные формы преступной линии к избавлению себя от обстрела рабселькора.

Наши общественные органы (профессиональные и даже партийные) зачастую не в состоянии проследить этой

линии и к предложениям о перемещениях и даже снятиях относятся без достаточной внимательности и проверки, давая согласие на «рационализаторские» действия администрации.

Наши следственные органы нередко все внимание обращают на формальную сторону дела, невольно идут по линии формальных согласований и решений администрации и конфликтных и других органов в отношении преследуемого рабселькора и, убедившись в наличии соответствующего постановления конфликтного или иного органа по данному делу, подошьют к производству все копии решений и постановлений, опросят пару лиц, нередко заинтересованных в деле, и считают преследование рабселькора неустановленным и прекращают расследование.

Такое расследование результатов дать не может. Ведь совершенно очевидно, что, увольняя рабкора или переводя его на нижеоплачиваемую работу, администрация всегда постарается облечь свои действия в строго законные формы.

В расследовании дел о преследовании рабселькоров задача следственных органов заключается не в проверке правильности действий администрации с точки зрения ее формальных прав, а в проверке правильности использования ею своих прав.

Характерным примером одностороннего и формального дознания может служить дело о преследовании рабкора на Нижне-Ходынской фабрике. В двух напечатанных корреспонденциях «Голоса текстилей» и из показаний самого рабкора видно, что после того, как в газете появились заметки о плохой работе фабкома, о безобразиях секретаря ячейки и о грубости мастера, и после того, как на общем собрании рабочих фабрики 30 июня с. г. рабкор поддерживал эти заметки, его стали преследовать. Вначале эти преследования выразились в общего характера угрозах секретаря ячейки, в отказе со стороны фабкома и ячейки выдать рабкору рекомендацию для добровольной работы в РКИ, а затем в переводе его мастером на непосильную работу и объявлении строгого выговора с предупреждением за отказ работать на незнакомой ему машине.

Работник, производивший дознание, допросил председателя фабкома, секретаря ячейки и указанного мастера, которые категорически отрицали какое бы то ни было преследование рабкора. К этим допросам он присоединил выписку из постановлений РКК, бюро ячейки, выписанное по докладу секретаря, и еще пару других постановлений и решил дело расследованием прекратить, не опросив ни одного рабочего, кстати подавших коллективное заявление о поддержке рабкора.

Не редки в расследовании дел о преследовании рабселькоров и такие случаи, что расследование все внимание направляет на выяснение тех преступлений, о которых писал рабселькор, тянутся такие расследования чрезвычайно большое время и заявление о преследовании просто уплывают из поля зрения расследователя. Яркий пример этому дало расследование дел в одном ЕПО Богородского уезда. Дознание по газетной заметке и по заявлению, содержащему указания на преследования со стороны администрации к рабкорам, длилось почти год. Дознание с самого начала получило неправильное направление: преимущественное внимание было уделено вопросам бесхозяйственности в ЕПО, в то время как указания рабочих на неправильное их увольнение, в связи с их рабселькоровской деятельностью, совершенно не проверялись.

Вполне понятно, что расследование дел о преследовании рабселькоров представляет в современных их формах особую трудность, но при внимательном подходе и при помощи пролетарской общественности, имея в виду указанные формы преследования, следственные органы смогут справиться с возлагаемой на них задачей.

Для выполнения директивы, данной НКЮ в этом направлении, органам прокуратуры, следствия и суду необходимо:

По делам о преследовании рабселькоров добиться максимальной срочности, как в стадии следственной, так и в стадии судебной. Систематически наблюдать за качеством и полнотой расследования.

В каждом отдельном случае возбуждения уголовного преследования необходимо тщательно обсуждать вопрос о наиболее целесообразном направлении материалов для расследования тому органу, который в данных условиях в состоянии скорее и наиболее полно произвести расследование.

Привлекать к ответственности не только прямых виновников преследований, но и тех, кто потворствовал преследованиям или злостно не принимал мер к защите рабселькоров.

Судебным органам при вынесении по этим делам приговоров о лишении свободы, до вступления их в законную силу, избирать, согласно директив НКЮ и Верховного суда, меру пресечения—как правило—в виде содержания под стражей, а судебные решения, вынесенные в пользу рабселькора, обращать к немедленному исполнению.

Придавая большое общественное значение делам о преследовании рабселькоров, ставить по наиболее характерным из них показательные процессы.

Считая, что пролетарская общественность в деле расследования этих дел может дать наилучшую помощь, необходимо директивы НКЮ наиболее широко популяризовать в местной печати. Органам прокуратуры, следствия и суду увязать свою работу с рабселькоровскими организациями и привлекать их представителей к выявлению противоправных действий лиц, намеренно противодействующих выполнению директив нашей Партии.

Низовые профорганы ко всякого рода взысканиям по отношению к рабселькорам и товарищам, выступающим с критикой действий администрации, должны относиться с сугубой осторожностью, вдумчивостью и проверкой.

Соединение усиленной работы общественных организаций и следственно-судебных органов в значительной степени будет способствовать выполнению директивы последнего Пленума ЦКК ВКП (б) — «...обеспечить возможность критики недочетов каждому рабочему и работнице на предприятии и во всей системе советских, партийных, профессиональных и других организаций».

А. Федяев.

Лжеопровергатели рабкоровских замечаний.

Совершенно понятно, что в последние месяцы количество как рабкоровских корреспонденций, так и статей по отдельным вопросам рабкоровского движения значительно увеличилось. Таков путь самокритики через печать. Недавно на страницах одной московской газеты была проведена дискуссия по одному из таких вопросов, выдвинутых впервые только в период развернутой самокритики: об ответственности лжеопровергателей рабкоровских замечаний. Работников суда и прокуратуры этот вопрос дол-

жен интересовать вдвойне: с одной стороны, он интересен для нас, как и вообще для всех трудящихся, понимающих важное значение самокритики и, в частности, работы рабкоров, а с другой стороны, как вопрос юридический, вопрос нашей непосредственной работы. В газете последняя сторона вопроса, естественно, отступила на второй план. Что же касается общего отношения массы читателей и рабкоров (речь идет о газете «Рабочая Москва») к лжеопровергателям рабкоровских заметок, то оно, как и следовало ожидать, оказалось резко отрицательным. Все в один голос требуют привлечения к ответственности лжеопровергателей, вводящих в заблуждение печать и органы власти, треплющих имя рабкора и противодействующих самокритике снизу. Я остановился здесь на вопросе о том, какой должна быть эта ответственность. Нужно ли предавать лжеопровергателей суду, привлекать ли их к дисциплинарной ответственности или какими-нибудь иными путями воздействовать на них (через ту же печать, через профсоюз и т. п.)? В основной дискуссионной статье «Рабочей Москвы», принадлежащей перу тов. Арсеньева (б. зам. прокурора Московской губернии), высказана такая точка зрения. Лжеопровержения социально опасны, вредны для нашей общественности и потому они должны влечь за собой те же последствия, что и прочие социально опасные действия, т. е. уголовную ответственность; квалифицировать же лжеопровержения нужно, как ложный донос, по ст. 95 УК, так как подобными опровержениями вводятся в заблуждение и направляются на неверный путь судебно-следственные органы. Я же указал, что эта точка зрения не обоснована юридически и нецелесообразна по существу. Мне представляется необходимым обсудить этот вопрос в нашем журнале, так как отдельные прокуратуры, в частности Московская, уже ставят его перед собой практически.

Основная предпосылка тов. Арсеньева о социальной опасности лжеопровержений не вызывает возражений, но не соглашался и не соглашаюсь с его выводом относительно судебной ответственности лжеопровергателей. Не всякое социально-опасное действие влечет за собою передачу суду. В нашем распоряжении для борьбы с социально-опасными действиями и явлениями имеется еще ряд других средств. При выборе этих средств решающее значение имеет целесообразность. Можно указать массу таких явлений, которые по существу наносят обществу гораздо больший вред, нежели какое-нибудь оскорбление, самоуправство или неподчинение органу власти, преследуемые в уголовном порядке. Возьмем хотя бы пьянство, которое, несомненно, задерживает рост социалистического строительства, понижая и трудоспособность и общий культурный уровень трудящихся, которое порождает ряд самых возмутительных, самых безобразных преступлений. Кто усомнится в том, что пьянство—одно из наиболее социально опасных явлений? Почему же мы не привлекаем пьяниц к судебной ответственности? Да потому, что не одной социальной опасностью определяется преступление, а еще и целесообразностью уголовного преследования. Пьянства судом не искоренишь и потому закон не считает его преступлением, оставляя для борьбы с ним другие средства, имеющиеся у государства и общества. Пьянство и лжеопровержения, конечно, ничего общего между собою не имеют. Я на этом примере хотел лишь показать, что от одной социальной опасности явления делать заключение к необходимости уголовной борьбы с ним нельзя. Вот если мы убедимся в том, что степень социальной опасности лжеопровержений настолько велика, что требует уголовного преследования, и одновремен-

но убедимся в том, что уголовное преследование достигнет цели, тогда мы должны будем согласиться с необходимостью привлекать лжеопровергателей к судебной ответственности. Однако, целесообразность этого привлечения под большим сомнением. Я уже и в «Рабочей Москве» указывал, что если бы восторжествовала точка зрения сторонников уголовного преследования лжеопровергателей, то мы столкнулись бы с таким нелепым положением. Рабкор разоблачил в печати растратчика государственных сумм. Заметка идет на расследование. Тем временем растратчик «опровергает» рабкоровскую корреспонденцию. В результате расследования заметка подтверждается и растратчик предается суду за растрату и за ложное опровержение. Как бы последнее ни квалифицировать, очевидно, что в большинстве случаев мера социальной защиты, назначенная за лжеопровержение, будет поглощена мерой социальной защиты, назначенной за основное преступление—растрату (при квалификации же лжеопровержения, как простого доноса, по ст. 95 УК, суд вообще не может назначить более 3 месяцев лишения свободы). Реально же лжеопровергатель нес бы ответственность лишь в тех случаях, когда рабкор разоблачил какой-либо незначительный его проступок, ответственность по которому была бы ниже ответственности за лжеопровержение. Таким образом, мы получили бы одну боковую и в корне несправедливую борьбу с лжеопровергателями мелкого калибра.

Затем не следует забывать, что лжеопровержение по существу является не чем иным, как самозащитой. Один вопрос, насколько такая самозащита нравственно допустима; другой вопрос, возможно ли судебной репрессией с нею бороться. Наше уголовное законодательство не только не требует от преступника сознания в совершенном преступлении, но и не преследует его за упирательство за ложные показания.

На этом вопросе я более подробно остановился в статье «Заметки по вопросам судебной практики» («Е.С.Ю.» № 26, 1928 года), в которой я пришел к выводу, что «обвиняемый не несет ответственности за ложные показания в судебно-следственных органах во всех случаях, когда эти показания делаются с целью избежать ответственности или добиться применения более мягкой меры социальной защиты». А такую именно цель (обычно—первую) преследует и лжеопровергатель. Следовательно, все те принципиальные соображения, которые относятся к ложным показаниям обвиняемого, относятся и к лжеопровержениям. Разница между обвиняемым и «опровергателем» лишь в том, что одного уже судят, а другого будут судить. Психические же законы в обоих случаях одни и те же. Итак, привлекать за лжеопровержение рабкоровской заметке к ответственности это значит идти вразрез с принципом ненаказуемости ложных показаний обвиняемого.

Мысль, что ложное опровержение является ложным доносом или аналогично ему, неверна. Под ложным доносом разумеется заведомо ложное сообщение органу власти, имеющему право возбуждения уголовного преследования о чем-либо преступлении. При этом я полагаю, что в делах частного обвинения донос не может иметь места, т. е. заведомо ложное обвинение кого-либо в нанесении оскорбления, в клевете и т. п. не должно рассматриваться, как ложный донос. Не считая возможным подробнее развить эту мысль в настоящей статье, укажу только, что по способу возбуждения уголовных дел частного обвинения они уподобляются подавляющему большинству гражданских дел, так как дела эти начинаются

по заявлению заинтересованной стороны. И как в гражданских делах недобросовестный истец не привлекается к уголовной ответственности, так и в делах частного обвинения недобросовестный обвинитель не может отвечать в уголовном порядке. Лжеопровержение в чистом виде не есть сообщение о чем-либо преступлении: оно представляет собой возражение «опровергателя» против предъявленного ему обвинения, оно является не нападением, а обороной. Уже по одному этому лжеопровержение нельзя квалифицировать, как ложный донос, предполагающий активность доносчика. Правда, нередки случаи, когда лицо, разоблаченное рабкором, не ограничивается отрицанием указанных рабкором фактов или своей вины, а становится на путь официального обвинения рабкора в уголовно-преследуемых поступках. Но в этих случаях мы имеем дело не только с простым лжеопровержением, но и с активным преследованием рабкора. Последнее же может вылиться в самые разнообразные формы: оно может идти по линии трудовых взаимоотношений с рабкором (нарушение КЗоТ), оно может быть направлено непосредственно против жизни или здоровья рабкора (контр-революционное преступление), оно может выразиться в угрозах (вымогательство) и, в частности, может принять форму ложного доноса. Итак, ложный донос это одна из форм преследования рабкора. Ложное же опровержение рабкорской заметки не есть преследование рабкора и потому не является ложным доносом.

Некоторые рабкоры рассуждают так: «Нас за заведомо вымышленные сообщения привлекают к судебной ответственности, как за клевету. Почему же лжеопровергателей не судят?». В том-то и дело, что между ложным разоблачением и ложным опровержением—существенная разница. В первом случае мы имеем активность вымысла, обычно, на почве мести, с целью привлечения «разоблачаемого» к ответственности; во втором случае—вымысел для самозащиты с целью избежания ответственности.

Таким образом, я прихожу к выводу, что лжеопровержение нельзя не только квалифицировать по ст. 95 УК, но и вообще преследовать в уголовном порядке, так как по существу оно является ложным показанием обвиняемого и так как такое преследование нецелесообразно.

Как же бороться с этим социально-опасным явлением? Мне представляется, что для борьбы с ним у нас имеются три возможности, которыми нужно пользоваться одновременно.

Во-первых, необходимо улучшить качество расследования рабкорских корреспонденций. Нужно признать, что в этой области нам предстоит сделать еще очень многое. Такая постановка расследования, при которой ни одно указанное рабкором и в действительности имевшее место преступление не останется недоказанным, привела бы к тому, что у разоблаченных отпал бы стимул к лжеопровержениям, так как они знали бы, что органы дознания и следствия достаточно квалифицированы для того, чтобы обнаружить истину. Кроме того, эти лжеопровержения потеряли бы свою опасность, которая теперь велика именно потому, что органы расследования недостаточно уверенно и верно ведут свою работу.

Во-вторых, лжеопровергателей необходимо разоблачать в печати. Их нужно отдавать на суд общественного мнения, приговор которого не только не оправдывает их, но даже не найдет никаких смягчающих их вину обстоятельств.

В-третьих, с лжеопровергателями, как и с бюрократами, не прислушивающимися к голосу масс и противодействующими ему, нужно бороться мерами воздействия,

имеющимися в распоряжении органов Рабоче-Крестьянской Инспекции. В этом отношении постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 июля 1928 года («Известия ЦИК и ВЦИК» от 8/VIII 1928 года) должно сыграть значительную роль. Это постановление дает местным органам РКИ право снимать с работы лиц, повинных в бюрократизме.

Вот где непечатый край возможностей для борьбы с лжеопровергателями.

Отрицание возможности уголовной репрессии не говорит о том, что борьба эта не должна быть суровой. Наоборот, она должна быть беспощадно суровой в соответствии с той опасностью, которую представляют для нашей общественности ложные опровержения рабкорских корреспонденций. Не нужно только увлекаться уголовной репрессией: не всегда и не везде она применима.

А. Азов.

Различие полезной деятельности селькоров от преступной работы подпольной адвокатуры.

«Осуществление решений XV Партсъезда в деле дальнейшего наступления на капиталистические элементы деревни обязывает всю Партию и всех коммунистов вести настойчивую и систематическую работу по усилению политической активности и организованности бедноты и подъема ее хозяйства». (Из резолюции июльского пленума ЦК ВКП(б) о политике хлебозаготовок).

Призыв Компартии о вовлечении широких слоев трудящихся масс в социалистическое строительство СССР всколыхнул огромные слои рабочих и крестьян. С каждым днем усиливается работа над советской стройкой как постоянной армии селькоров, так и всего трудового народа страны.

Это обстоятельство бесспорно констатируется сильно увеличивающимся притоком из деревни в редакции газет селькорских и крестьянских писем. Для наглядности иллюстрируем это увеличение цифрами. «Крестьянская Газета» за первое полугодие 1927 года получила 262.129 писем, а за первое полугодие 1928 года—341.157 писем. Таким образом, приток крестьянских писем за шесть месяцев увеличился больше, чем на 79 тысяч. Вместе с тем, сильно возросла и ценность этих писем по содержанию затрагиваемых в них вопросов.

Во всем этом ворохе крестьянских писем находит свое отражение как деловая и беспощадная критика работы советского аппарата, партийных и общественных организаций, так и наши достижения в различных областях социалистического строительства. Наряду с тем по разного рода вопросам политического и экономического характера получаются сотни тысяч разумных и ценнейших предложений. Все эти крестьянские предложения основательно изучаются высшими партийными и советскими органами и имеют огромное значение при определении и применении политики, регулирующей в интересах трудящихся всю хозяйственную жизнь СССР. Это доказывает огромный культурный и хозяйственный рост деревни.

Этому росту сильно содействуют крестьяне-передовики—селькоры, которые являются основными глашатаями и застрельщиками проведения директив Компартии в деревне по усилению политической активности и организованности бедноты. Селькор—это действительные носители новых форм землепользования, коллективизации кре-

стьянских масс, вызывающей общий подъем сельского хозяйства. Вместе с тем, селькоры являются проводниками справедливости и революционной законности в деревне.

Суммируя в одно целое, деятельность селькоров можно характеризовать как могучую силу, способствующую культурному и хозяйственному росту бедноты, превращающую ее в систематически работающую организацию, осуществляющую в процессе своей текущей повседневной работы подлинный контроль над работой советского госаппарата и соответствующих партийных, кооперативных и хозяйственных организаций.

Бурный рост вовлечения трудового крестьянства в советское строительство и быстрое развитие социализации страны учитывают реакционные элементы деревни—кулачество, бывшие купчики, интеллигенция из бывших помещиков и прочие отбросы пролетарской революции, враждебно настроенные к Советской власти. Все эти элементы в силу своей буржуазной природы и враждебных нам настроений стремятся вредить социалистическому строительству. Этой злой целью они хитрыми маневрами пытаются в разных местах нажать на наши слабые участки фронта.

Мы недавно пережили такой нажим кулачества и других реакционных элементов деревни по линии хлебного фронта. Как только мы почувствовали, что на нас жмут, сейчас же собрались с силами и дали такой контрпор, который напомнил всем врагам Советской власти, что не притупилось еще оружие пролетарской диктатуры.

Однако, хитрый враг—кулак-мирод, научившийся многому за 11 лет пролетарской революции и имеющий над трудовым крестьянством преимущество не только экономическое, но и культурное, не складывает оружия и продолжает отчаянно бороться с нарастающей новой советской общественностью всеми силами и средствами.

В настоящее время нам грозит серьезная опасность на другом участке фронта, а именно—на чрезвычайно важной линии развития селькоровского движения. С момента провозглашения Компартией самокритики усилилась активность этой области трудящихся масс и селькоров. Одновременно кулачество и другие реакционные элементы повели на них решительное наступление. По всему СССР участились случаи убийства, незаконные и несправедливые осуждения, травля и избиения селькоров.

Пишущим эти строки в процессе борьбы с этими явлениями пришлось раскрыть в последнее время ряд вопиющих, по своему безобразию, «дел». По этим делам активные старейшие селькоры «Крестьянской Газеты» невинно осуждены, благодаря взяточничеству судей. Установлено, что обычно в преступной авантюре по удушению деятельности селькоров участвуют кулак со своей толстой мощью, бандит и проходимец-судья или прокурор. Это обстоятельство удваивает опасность.

Чтобы не быть голословными, приведем пару наиболее ярких фактов.

Первый. В БССР активный селькор «Крестьянской Газеты» Лобковский и крестьянин-общественник Богданов осуждены Полоцким окружным судом невинно. За крупную взятку, полученную председателем окрсуда Шалимовым и членом Фроловым от бандитов Заборских и Хоткевича, решила эта преступная компания уничтожить двух борцов с пережитками старого строя—сель-

коров. А окружной прокурор Лейланд и его помощник Мозгин, зная о получении взятки Шалимовым и Фроловым, не только не приняли никаких мер по преданию суду взяточников, но их укрыли.

Второе. Активный селькор Королев осужден невинно Смоленским губсудом па почве сведения личных счетов.

В обоих случаях наказание применено: 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества, то-есть самая сильная репрессия, какая только допускается советским уголовным законодательством, кроме расстрела. Приведенные факты бесспорны, доказаны и приговоры по первому делу Верхсудом БССР, а по второму Верхсудом РСФСР отменены.

Это далеко не все факты, имевшие место в окружных и губернских судах. Что же касается народных судов, то в них ненормальностей еще больше. Не имея возможности останавливаться на отдельных фактах в виду ограниченного размера журнальной статьи, перейдем к наиболее частому злободневному явлению.

За последнее время на-ряду с привлечением к уголовной ответственности лиц, действительно занимающихся подпольной адвокатурой, очень часто практикуются случаи привлечения к той же ответственности якобы из-за занятий «подпольной адвокатурой» активных селькоров-общественников. В то время, как на самом деле в деятельности селькора никаких признаков подпольной адвокатуры, могущих повлечь за собой привлечение к уголовной ответственности, нет.

Такие случаи уголовного преследования селькоров тревожат их широкие круги и в редакцию «Крестьянской Газеты» и журнала «Селькор» в большом количестве поступают селькоровские письма. В этих письмах содержатся просьбы разъяснить три следующих вопроса.

1. Что такое «подпольная адвокатура»?

2. В каких случаях селькор может быть привлечен к уголовной ответственности за занятие подпольной адвокатурой?

3. Когда деятельность селькора-общественника, оказывающего юридическую помощь населению, не может рассматриваться как деятельность подпольного адвоката?

В связи с тем, что привлечение к уголовной ответственности селькоров за занятие «подпольной адвокатурой» нередко применяется как травля селькоров, как средство удушения их полезной общественной деятельности, то во всех селькоровских письмах чувствуется тревога за свою судьбу. Сквозит неуверенность в том, может ли вообще селькор оказывать юридическую помощь обращающейся к нему крестьянской бедноте, не будет ли он за это привлечен к уголовной ответственности и ошельмован по суду, как «подпольный адвокат».

Правильный ответ на поставленные выше вопросы редакция «Крестьянской Газеты» и журнал «Селькор» считают настолько важным, что предполагается внести вопрос о подпольной адвокатуре на обсуждение IV' съезда селькоров. Крайне необходимо, чтобы на страницах авторитетного журнала «Е. С. Ю.» высказались по затронутому вопросу судебные работники и работники органов прокурорского надзора, работающие как в центре, так и на местах.

Эта необходимость вызывается еще и тем, что недостаточно четкое понятие «подпольной адвокатуры» как уголовно-наказуемого действия, отсутствие исчерпывающих и конкретных разъяснений по этому вопросу со стороны Верхсуда, а также неустойчивая практика по делам о «подпольной адвокатуре» в работе народных, губернских

и окружных судов ставит каждого селькора перед большой опасностью оказаться на скамье подсудимых в качестве «подпольного адвоката». Эта опасность еще усугубляется тем, что на такой неосновательной почве обвинения в занятии подпольной адвокатурой легче всего могут быть сведены с селькором кулацкими элементами и местными бюрократами личные счеты.

Гонение на селькоров, прокатившееся в последнее время широкой волной по всему Союзу ССР под видом указанной формы привлечения их к уголовной ответственности, объясняется двумя причинами: 1) наступлением на них кулацких элементов и 2) отсутствием конкретной и четкой линии в вопросе борьбы с подпольной адвокатурой. Последнее обстоятельство дает самую благоприятную и широкую возможность инсценировки процесса «подпольного адвоката», так как каждый почти селькор-общественник, исполняя свой долг с целью удовлетворить законные просьбы трудового населения, выступает как крестьянский юрист.

Тут-то и возникает важный и сложный вопрос—как же определить кто такой подпольный адвокат и как ответить на все интересующие и волнующие селькоров вопросы. Попробуем это частично, насколько сможем, сделать, подходя к разрешению этих вопросов не столько с юридическо-правовой, сколько с общественной точки зрения, полагая, что юридическую сторону вопроса осветят другие.

Прежде всего ответим на вопрос, что такое «подпольная адвокатура», когда «подпольный адвокат» и при каких моментах его деятельность должна рассматриваться как преступление и преследоваться судом и прокуратурой по всем строгостям закона.

Мы полагаем, что преследованию в уголовном порядке за занятие «подпольной адвокатурой» подлежат лица, занимающиеся оказанием юридической помощи населению как профессией, не состоящие в коллегии защитников и не призванные по своему служебному положению к этой деятельности, если их деятельность, как «подпольного адвоката», основывается на темноте трудящихся масс и на использовании их темноты в целях личной наживы.

Для успешной борьбы с «подпольной адвокатурой» необходимо каждому прокурору и низовому судебному работнику научиться четко различать полезную классовую деятельность селькоров по оказанию юридической помощи трудовому крестьянству от преступной работы «подпольной адвокатуры», часто выражающейся не только в обмане крестьян, но и в травле селькоров-общественников.

Огромная вредность «подпольной адвокатуры» для советского государства вполне очевидна. «Подпольному адвокату» совершенно чужды вопросы о том,—защищает ли он правое или неправое дело, интересы бедняка или кулака. «Подпольному адвокату» наплевать на то, что он неосновательными жалобами и заявлениями загромождает судебный аппарат, прокуратуру и административные советские органы. «Подпольному адвокату» важно лишь получить за оказанную «помощь» возможно больше денег и других жизненных благ. С этой целью подпольный адвокат и старается использовать темноту трудового крестьянства, обращающегося к нему за юридической помощью.

Каждый проходимец адвокат-подпольщик берется писать жалобу по любому безнадежному и заведомо правильно решенному делу. Он строчит кляузы во все местные и центральные учреждения советского аппарата, разводит волокиту вместо того, чтобы дать крестьянину

правильный совет и отказаться от содействия ему, если дело его разрешено правильно. Отсюда вытекает правильный вывод, что матерых подпольных адвокатов нужно преследовать самым решительным образом и предать суду.

Классовое лицо подпольного адвоката, какой бы личиной он ни прикидывался перед широкими кругами своих «клиентов», всегда легко разоблачить. В споры бедняка с кулаком подпольный адвокат всегда будет держать сторону кулака, потому что не общественный интерес руководит «подпольным адвокатом», а интерес грабительской личной наживы. А кулак, конечно, всегда может заплатить дороже, чем бедняк.

В своей статье «Нужна ли нам борьба с подпольной адвокатурой» (ЕСЮ № 5 за 1924 г.) мы ставили этот вопрос. За это время ситуация в деревне резко изменилась к лучшему и борьба с подпольной адвокатурой приобретает теперь особое значение и является одной из важнейших задач судебных органов и прокурорского надзора. Результаты работы «подпольной адвокатуры» подрывают авторитет Коммунистической Партии и Советской власти среди крестьянского населения, засоряют госаппарат бесконечным потоком неосновательных жалоб и ходатайств по безнадежным и явно правильно решенным делам, выкачивают от трудового крестьянства значительные суммы денег, что ведет к неизбежному упадку сельского хозяйства и подрыву экономического состояния республики. Следовательно, в борьбе с «подпольной адвокатурой», как уродливыми пережитками старого рабского строя, в нашей деревне необходимо применять самые суровые меры уголовных репрессий.

Совершенно другой характер носит и должна носить деятельность селькоров-общественников, оказывающих юридическую помощь трудовому крестьянству.

Крестьянин постоянно идет за советом к селькору потому, что больше ему пойти некуда. К настоящему адвокату он не идет потому, что в деревне их почти нет, а где они и есть, то по цене недоступны. К избачу крестьянин часто не идет потому, что избач нередко находится в зависимости от того должностного лица, действиями которого крестьянин обижен и на которого он жалуется. Кроме того, сеть избачителен со справочными столами не везде еще в достаточной степени в деревне развита.

Крестьянство все это хорошо учитывает и идет к селькорам за разного рода юридическими и не юридическими советами, зная, что селькоры являются представителями начала советской общественности в деревне, что за селькорами стоит партийная и советская пресса, что селькоры—свободные и независимые от местных влияний люди, которые по своему положению призваны быть головами широких трудящихся масс бедняцко-средняцкого крестьянства и проводниками идей советского строительства и революционной законности в деревне.

Крестьянство хорошо знает, что селькор крепко стоит на страже классовых интересов бедноты. В споре между кулаком и бедняком селькор всегда решительно встанет на защиту интересов бедняка. Выслушав жалобу на неправильные действия местного бюрократа, селькор не боится поднять голос в защиту обиженного трудовика-крестьянина. Селькор-общественник останется общественником в своей безупречной деятельности и в роли крестьянского юриста.

Наличие этого элемента общественности в деятельности селькоров по оказанию юридической помощи населению исключает всякие основания для привлечения их к уголовной ответственности за занятие «подпольной адвокатурой».

Однако, нередко против селькоров такие комбинационные и неосновательные обвинения возводятся, хотя в их деятельности совершенно нет тех отрицательных черт социально-опасных моментов, которыми характеризуется «работа» матерого «подпольного адвоката».

Далее мы сталкиваемся еще с одной сложной и трудно разрешимой проблемой — о платности оказываемой селькорами юридической помощи. Многим товарищам возможно будет казаться правильным такой взгляд: раз взял селькор с крестьянина за составленную бумагу хоть гривенник, значит он «подпольный адвокат», значит его нужно брать за это во все тяжкие. Мы считаем, что такой взгляд будет неправильным и вот почему. Селькор в подавляющем большинстве случаев бедняк. Обыкновенно он нигде не служит. Работает в своем хозяйстве и живет только на то, что заработает своим трудом. Для бедняка такая роскошь, как занятие благотворительностью, не всегда доступна. Селькор часто сам полуграмотный человек. Для него составить обстоятельное заявление по сложному крестьянскому делу — труд не одного дня и ночи, не считая уже стоимости канцелярских принадлежностей.

Поэтому, если селькор за оказанную юридическую помощь возьмет посильную плату с крестьянина, если для селькора взимание платы за оказание юридической помощи не является корыстной целью, если работа селькора проходит под знаком советской общественности, — то единственный случай получения платы за оказываемую помощь ни в коем случае не может служить основанием для обвинения селькора в занятии «подпольной адвокатурой». Вот почему к «делам» о преследовании селькоров за занятие «подпольной адвокатурой» органы следствия, суда и прокуратуры должны подходить с особой осторожностью.

Для обвинения селькора в занятии «подпольной адвокатурой» недостаточно установить, что он в целом ряде случаев оказывал юридическую помощь населению. Недостаточно установить то, что в некоторых случаях им взималась плата за оказанную помощь. Необходимо тщательно исследовать и изучить всю работу селькора в целом, проследить ее общественное значение в жизни деревни, выявить ее классовый характер и только тогда уже выносить свое решение о виновности или не виновности селькора и возможности привлечения его к уголовной ответственности.

Только при условии достаточной четкости и ясности классовой линии борьба органов суда и прокуратуры с подпольной адвокатурой может иметь успех. Только при условии правильного определения полезной деятельности селькора по оказанию юридической помощи трудовому населению большое зло деревни — «подпольная адвокатура» — будет изжито. Только при этих условиях селькоры-общественники смогут быстро развивать и углублять свою полезную деятельность. Внимание к селькорам даст возможность организовать из них одно из крепких основных звеньев непрерывной цепи, именуемой смычкой между городом и деревней.

В. Садовец и Корень.

Как бороться с волокитой по расследованию заметок¹⁾.

Заметки рабкоров и селькоров для прокуратуры имеют огромное значение, поскольку они помогают последней вскрывать преступные действия и принимать меры к пресечению их.

Прокуратура не менее, чем сами рабселькоры, заинтересована в скорейшем расследовании заметок, ибо быстрая ликвидация преступных деяний — задача прокуратуры. Здесь мы встречаемся с целым рядом дефектов, которые существенно мешают выполнять эту задачу прокуратуры. Но вот кто виновник этих дефектов и как их изжить?

Передо мной заметки, поступившие в Калужскую губпрокуратуру 18 октября. Что же в них характерного.

1. Заметка из редакции «Крестьянская Газета» (московская) № 211305/034 от 10/X—28 г. Цикалов М. Как видно, в редакцию она поступила 6 сентября. Послана к нам 10/X, хотя на другой бумажке о проверке исполнения числится исполненной 3 октября.

Другими словами, месяц без 3 дней лежала в редакции, а затем по рассмотрении 7 дней в ожидании направления. Чья же тут вина? А ведь прокуратуре будут ставить в вину эти 7 дней, поскольку в редакции пойдет учет по контрольному листу, а не по заметке, которая со штампом получения находится у нас.

2. Заметка той же редакции № 211405/1 26 года от 16/X—28 г. о преследовании селькора. Здесь срок небольшой, всего 8 дней хождения в регистратуре, но поражают слова самой заметки о том, что аналогичный материал находится у помпрокурора по Малоярославецкому уезду, что селькор просил лишь проследить за скорейшим расследованием дела. Что же хочет редакция — поручить губпрокуратуре надблюдности за помпрокурора, подстегнуть его? Казалось бы, у редакции нет оснований не доверять помпрокурору и общему повседневному надзору губпрокуратуры. Очевидно, обратное. Но и в этом случае было бы достаточно послать лишь запрос о положении дела, имея в виду, что в прокуратуре заводятся по каждому делу о преследовании рабселькоров особые наблюдательные производства. Надо еще сказать, что запрос этот целесообразнее было бы послать не в губпрокуратуру, а непосредственно участковому помпрокурору, от которого можно получить наиболее полные и свежие сведения о положении дела, не создавая лишней передаточной инстанции и лишней переписки.

3. Заметка той же «Крестьянской Газеты» № 250000/020 от 13/X—28 г. Резолюция на заметке 2 октября: передать ее в архив «за отсутствием юридического вопроса». Очевидно, сделана юрисконсульту по предыдущей резолюции (от 10 сентября 1928 г.) одного из работников редакции. Не говоря уже о безобразном путешествии заметки по редакционным столам, надо сказать, что резолюция неверна и по существу и свидетельствует о том, что юрисконсульт не знает ни задач нашего государства, ни директив Партии, ни самих законов, ибо в заметке приводятся конкретные случаи обхода закона (положения о ВСНХ), недообложения кулаков, сокрытия ими имущества и определенного зажима бедноты. Хорошо еще, что редакция не вполне согласилась с «просвещенным» мнением юрисконсульта и прислала нам заметку на рас-

¹⁾ Редакция просит местных работников высказаться о способах устранения указанных в настоящей статье недочетов. Редакция.

поряжение. Заметка эта для нас чрезвычайно ценна, даст возможность своевременно исправить искривление, а если потребуется и призвать к порядку того, кого следует.

4. Но вот в этой же почте другая, совершенно не требующая расследования заметка, но направленная той же редакцией «Крестьянской Газеты» за № 21/208/057 от 16/VII—28 г. с предупреждением об ответственности за разглашение фамилии автора, с назначением определенного срока для исполнения и т. д. Эта заметка гр. Миронова, оспаривающего правильность оценки имущества при разделе гр. Михайловой. Вопрос этот чисто гражданского характера и может разрешаться исключительно судом. Прокуратура рассматривает эти дела лишь в порядке надзора по окончании судебного дела по жалобам сторон со взысканием полагающихся по закону 2 руб. герб. сбора. Послать эту жалобу под видом заметки равносильно освобождению Миронова от гербового сбора, нанесению ущерба государству.

Но это было бы понятно и верно, если бы Миронов был действительно пострадавшей стороной, бедняком, а то ведь, наоборот, женщина (Михайлова) изгоняется из дома, поставлена Мироновым в чрезвычайно тяжелые условия, вынуждена отыскивать с него 200 руб. (стоимости имущества, которое он отказался добровольно отдать). Мы все же дело затребовали, просмотрели и Миронову отказали, ибо ясно, что он лишь пытался оттянуть уплату той суммы, которую правильно требовала Михайлова и определил суд. Мы, ведь, при получении заметки 23/VII—28 г. поставили вопрос перед редакцией о неверном направлении подобного рода жалоб в качестве заметок, рассчитанных на освобождение от герб. сбора и сутяжничество. Между тем, несмотря на такую постановку вопроса, редакция 20 августа и 19 сентября посылает поощрения о расследовании, теряя производительно средства и создавая ничем не оправдываемую загрузку, отражающуюся на действительно необходимой работе прокуратуры по расследованию ценных заметок и в других отраслях ее деятельности.

5. Заметка № 211701/055 от 10/X—28 г., полученная редакцией 25/IX и рассмотренная ею 26/IX (судя по резолюции), направлена в губкамеру, а не участковому помпрокурору. Автор заметки Солдатенков жалуется на неправильные действия финорганов, причисляющих его к торговцам, и изъятие у него за неуплату урвсбора имущества. Губпрокуратура эту заметку естественно отправляет на расследование помпрокурору в общем порядке.

6. Заметка № 1627 от 9/X местной газеты «Коммуна» прислана в губпрокуратуру, тогда как касается Спасо-Деменского уезда, и мы принуждены послать ее туда. Этот случай не единичный, хотя есть определенная договоренность с местной редакцией о направлении материалов непосредственно участковым помпрокурору, и налицо недостаточное внимание.

7. Заметка № 17948 от 15/X—28 г. газеты «Коммуна» направлена для сведения военному прокурору. Содержание заметки—отказ от приема на работу уволенного из РККА по месту прежней службы на Кондровской фабрике. Несмотря на то, что посылается для сведения, имеется предупреждение об ответственности за разглашение фамилии автора, хотя нет никаких оснований к тому, чтобы ставить вопрос в секретном порядке. Отсюда первая ошибка—направление в секретном порядке, что отзывается на продуктивности работы секретной части, требующей четкости и бесперебойности,

путем загрузки совсем не относящимся к ней материалом.

Вторая ошибка та, что заметка направлена военному прокурору, что повлекло излишнее хождение переписки и волокиту. Военный прокурор 17/X прислал ее прокурору губернии. Здесь она через день попала на доклад к автору настоящей статьи, и им направляется помпрокурору уезда по принадлежности. Отсюда третья ошибка—направление военным прокурором материала не по прямому назначению, что создало задержку в расследовании не менее чем на 6 дней.

8. Заметка «Крестьянской Газеты» № 211201/1—21 от 19/III—28 г. ск. 211201/1 послана в адрес ГИК. Президиум ГИК 2/IV—28 г. за № 3186/ож направляет для расследования в прокуратуру. Губпрокурор 12/IV за № 2п27с—помпрокурора по 3 участку. Там она передается в органы дознания и маринуется в виду отсутствия главного свидетеля Тихонова, ушедшего на отхожие заработки и не оставившего адреса. Об этом помпрокурора сообщает лишь 13/IX—28 г., при чем в губпрокуратуру ответ поступает лишь 24/IX, хотя почта идет всего 3 дня. Помпрокурора камеры рассматривает ответ лишь 2 октября (когда ему передано на доклад, к несчастью, неизвестно), и губпрокурор по докладу его предлагает срочно закончить расследование, наложив одновременно на помпрокурора участка дисциплинарное взыскание. Теперь получен ответ от 12/X—28 г. от помпрокурора: местопребывание Тихонова неизвестно, и дело поручено другому лицу под личным наблюдением нач. УРО. Выводы очевидны: 1) редакция неправильно направила заметку, 2) помпрокурора участка не наладил учета и наблюдения за заметками, чтобы своевременно реагировать на задержку и ставить вопрос как полагается, 3) в губпрокуратуре этот учет тоже хромает, делопроизводитель проявил излишние рационализаторские способности, и нет вообще достаточной четкости, 4) как и раньше, неправильное направление заметок не непосредственно в участок.

9. Неопубликованная заметка селькора за № 2473 (какой газеты—неизвестно) 2/IV—28 г. присылается ГОГПУ в губпрокуратуру для негласной проверки с просьбой о результатах сообщить. Прежде всего недоуменный вопрос, кому же как не органу ГПУ производить негласную проверку по делам с контрреволюционным оттенком? Если же допустить, что этого оттенка нет, то какие основания посылать заметку и требовать ответа по делам, ГОГПУ не касающимся. Между тем создана волокита: не проще ли было послать все производство уч. прокурора по принадлежности. Более подробное исследование по этой заметке произвести трудно из-за неполноты материала.

10. Неопубликованная заметка газеты «Правда» № 111—382 а от 24/III—28 г. направлена опять-таки в губпрокуратуру, а не уч. помпрокурора. Нами после получения справки губкомхоза о том, что там дела нет, отслано 6/IV—28 г. в участковую камеру. Заметка подтвердилась и возбужден иск в н.суде.

Другие 3 заметки, бывшие на докладе 18 октября, не содержат упомянутых ошибок, и по двум лишь наблюдается затяжка органами дознания и расследования. О последней уже много говорилось, и приходится лишь повторить, что при настоящих условиях милиция не в силах справиться с исследовательской работой, будучи перегружена работой административной. Единственный отсюда выход—выделение особой судебной милиции.

Вот опыт проверки всех 13 заметок, поступивших лишь 18 октября на доклад. Ясно, что приведенные данные не исчерпывают ошибок и ненормальностей, имею-

щихся во всей массе заметок. Их очень много. Эта попытка, мне кажется, должна послужить началом дальнейшей аналитической работы и проверки всего производства, ибо даже по этим 10 случаям следует призадуматься над тем, как много мы делаем такого, чего при достаточном внимании и при критическом подходе можно было бы избежать, разгрузив самих себя.

Необходимо высказаться и о всех иных недочетах, стремясь изжить их общими усилиями.

Брид. зам. прокурора губернии *Кобяков*.

г. Калуга.

Ревизионные заметки.

(Продолжение¹⁾)

Плановое начало потихоньку проникает во все отрасли государственной и общественной деятельности; начинается оно и в судебной работе. Явление это можно только всячески поощрять и приветствовать. Однако, для того, чтобы плановое начало сыграло действительно положительную роль и дало максимум полезного результата, совершенно необходимо, чтобы, во-первых, планы составлялись разумные с учетом реальных возможностей учреждения, а во-вторых, чтобы исполнение плана не было механическим выполнением полученных свыше директив, а было бы ограниченно связано с критической оценкой плана в целом и его деталей с точки зрения особенностей проведения плана при данных местных условиях, силах и средствах.

Трудность осуществления любого плана при настоящих условиях заключается в том, что обычно полное его осуществление требует не только максимального напряжения сил и средств учреждения, но и творческой работы лиц, исполняющих план, над устранением лежащих на пути выполнения плана препятствий.

Цель настоящей заметки рассказать, как по-разному можно проводить один и тот же план. Дело идет о проведении плана работ, составленного Главсудом Крымской АССР для парсудов Крымской АССР. Вся Крымская Республика разделена на районы. На каждый район назначается уполномоченный Главсуда, являющийся вместе с тем и парсудьей 1 участка, который и объединяет всю судебную работу в данном районе. В 1927 г. и в предыдущие годы основной трудностью в работе народных судов Крым. АССР являлась перегрузка участков делами. Для некоторых районов остатки дел на 1 января 1928 года превышали двухмесячную их пропускную способность. В связи с этим план работ парсудов на 1928 г. назначил жесткие предельно-большие нормы месячного рассмотрения дел, проведение в жизнь которых обеспечило бы полную ликвидацию остатка нерассмотренных дел в течение 1928 года и дальнейшее своевременное рассмотрение поступающих дел. Были также назначены сроки для рассмотрения дел различных категорий в зависимости от их общественной значимости. Для Феодосийского и Керченского районов норма рассмотрения дел была назначена в 200 дел в месяц. Не нужно детально знать работу народного судьи, чтобы сказать, что рассмотреть внимательно и вдумчиво 200 дел в месяц можно только с полным напряжением всех сил, в особенности, если принять во внимание, что по плану парсудья обязан не менее двух раз в месяц устраивать выездные сессии в наиболее удаленные от

места нахождения его камеры населенные пункты, и что на народном судье, кроме рассмотрения дел, лежит исполнение еще целого ряда важных задач и обязанностей.

Все это вместе взятое и целый ряд других причин, на которых останавливаться в целях наибольшей краткости мы не будем, создали в некоторых районах Крымской АССР необходимость принятия экстраординарных мер, обеспечивающих выполнение плана. И вот Феодосийский и Керченский районы приступают к выполнению плана разгрузки. Когда мы приехали в Феодосию, то уполномоченный и парсудья района с гордостью нам заявили, что загрузка делами по району в корне ликвидирована, что городские дела рассматриваются в среднем не позже 3—5 дней после их поступления в суд, а деревенские дела хотя и задерживаются, но не более двух недель. Казалось бы, оставалось только радоваться такому блестящему исполнению плана. Когда же мы приступили к детальной ревизии и просмотрели ряд дел, в частности дела 2-го участка Феодосийского района, то мы убедились, что блестящее исполнение плановых заданий достигнуто, главным образом, за счет понижения качества рассмотрения дел. По многим делам можно было видеть стремление судьи во что бы то ни стало закончить дело рассмотрением в одном судебном заседании. Само по себе это стремление и закономерно и похвально. Однако, если по обстоятельствам дела ясно, что дело может быть правильно разрешено только путем отложения его и доставления дополнительных сведений, то стремление к разгрузке должно уступить место неизмеримо более важному стремлению к правильному разрешению дела. Приведем парочку примеров. По делу о заработной плате истец настаивает об уплате ему заработной платы со дня поступления на службу. Ответчик оспаривает дату зачисления на службу и просит об отложении дела для представления документов о дне зачисления. Иск удовлетворяется в том же судебном заседании, при чем удовлетворяется из расчета данных истца. Конечно, Главсуд дело отменил и передал на новое рассмотрение с предложением истребовать документы о времени зачисления на службу.

А вот другой пример. По голословному заявлению истца выносится решение об удовлетворении иска, при чем по делу не видно даже, послана ли была ответчику повестка. По кассационной жалобе ответчика дело рассматривается вторично и в нем отказывается уже по голословному заявлению ответчика, несмотря на то, что сведений о вручении истцу повестки в деле нет. Дальнейшая судьба этого дела нам неизвестна, однако, если бы оно и впредь рассматривалось бы подобным образом, то нетрудно допустить бесконечное движение этого дела из парсуда в Главсуд и обратно. Вот к каким почти курьезам приводил в Феодосийском районе разгрузочный уклон. Цель в Феодосийском районе достигнута, но нам далеко не безразлично, какими средствами это сделано. Задачу разгрузки судов от дел только тогда можно считать разрешенной правильно, когда это сделано без понижения качества рассмотрения каждого конкретного дела. Было бы несправедливо не отметить, что в том же Феодосийском районе проведен и целый ряд совершенно правильных мероприятий по разгрузке участков от дел (хорошо налажена работа выездных сессий парсуда, упрощен способ передачи новостей, правильно распределена работа между отдельными участками парсуда и т. п.). Однако, наибольшие результаты по разгрузке достигнуты, несо-

¹⁾ См. «Е. С. Ю.» № 40/41.

мненно, за счет некоторого понижения качества рассмотрения дел.

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что Феодосийский район, несмотря на блестящее исполнение плана, может служить примером того, как не надо выполнять план.

Иную картину мы застали в Керченском районе. Несмотря на приблизительно такую же, как и в Феодосийском районе, среднюю месячную разбираемость и среднее месячное поступление (200 дел) во всех участках Керченского района была, примерно, месячная загрузка, а в одном участке даже более чем двухмесячная (последнее, правда, в связи с продолжительным отсутствием двух нарсудей—запасного и участкового). Когда мы указали на ненормальность такого положения и на необходимость скорейшего изжития этого явления, уполномоченный Главсуда Керченского района доложил нам, что уже было специальное совещание как судебных работников, так и всех заинтересованных в бесперебойной работе суда учреждений, обсудившее создавшееся положение и наметившее необходимые мероприятия по разгрузке нарсудов, и что такое же совещание соберется в ближайшее время вновь. Мы заинтересовались составом совещания и темп мероприятиями, которые оно наметило. Оказалось, что совещаниями этими стоило заинтересоваться. Вот примерный перечень состава одного из совещаний: 1) прокурор, 2) нарсуды, 3) следователи, 4) представители милиции, 5) нотариусы, 6) представители коммунального хозяйства, 7) представитель союза жилищных товариществ, 8) представитель правления касс взаимопомощи. Что же решило это совещание по вопросу о разгрузке? Перед нами резолюция совещания. В интересующей нас части она гласит следующее:

«...1. Принимая во внимание, что в нарсуд поступает много гражданских дел от коммунального хозяйства, жалоб о взыскании квартирной платы и касс взаимопомощи о возврате ссуд лишь потому, что руководители этих организаций не оформляют расчетных документов и пропускают сроки на взыскание означенных платежей в беспорядочном порядке через нотариуса, просить Керченский райисполком, правление Керченской жилищной кооперации и правление касс взаимопомощи о принятии соответствующих мер к изжитию указанных выше ненормальностей.

2. Учитывая, что Керченская нотариальная контора отказывается делать исполнительные надписи о взыскании в беспорядочном порядке пени за просрочку платежей квартплаты, что подобный порядок теряет смысл обращаться в нотариальную контору за исполнительной надписью на взыскание квартплаты, ибо после получения упомянутой надписи взыскатель должен обращаться в нарсуд с иском о взыскании пени за просрочку платежей, просить Главсуд Крыма о принятии мер к изжитию указанных выше ненормальностей в работе нотариальной конторы.

3. Принимая во внимание, что в каждую камеру нарсуда от ОМХ'а поступает не менее 30 дел в месяц о взыскании арендной платы за торговые помещения, что несклонны эти основаны на письменных договорах, что большинство означенных дел судом разрешается в отсутствие ответчиков, что со стороны последних в течение 1927/28 г. не было подано ни одной кассационной жалобы на упомянутые решения (из приведенных мотивов ясно, что арендная плата за торговые помещения может быть взыскана ОМХ'ом безболезненно в беспорядочном порядке через нотариальные конторы), просить Главсуд Крыма о возбуждении этого вопроса перед ИКЮ РСФСР на

предмет представления последним соответствующего законопроекта во ВЦИК РСФСР.

4. Учитывая, что в Керченском районе большинство напимателей (в том числе госорганы и общественные организации) не выдают рабочим и служащим расчетных книжек, а если и выдают, то эти книжки не заполняются требуемыми законом записями (условия найма, сколько уплачено, сколько причитается зарплаты, входит ли спецодежда), вследствие чего рабочие и служащие, не имея возможности зарплату взыскивать в беспорядочном порядке через нотариуса, обращаются в суд и в суде упомянутые дела, за отсутствием доказательств, часто затягиваются на несколько месяцев, чем вызывается недовольство со стороны трудящихся и загромождают суды, просить Главсуд Крыма, чтобы последний поставил вопрос перед ИКТ Крыма об усилении надзора за соблюдением напимателями рабочих и служащих ст. 29 КЗоТ и усилении репрессий к нарушителям этого закона».

Мы далеки от мысли считать, что проведение в жизнь только что указанной резолюции само по себе есть разрешение проблемы разгрузки. Однако, мы не склонны и преуменьшать значение таких совещаний. Важность и значение совещания—в правильной организации его. Для того, чтобы выполнить план работ, керченские работники сосредоточили свое внимание на причинах очень большого поступления дел и на способах уменьшить это поступление. Это привело их к мысли устроить совещание совместно с заинтересованными в скорейшем производстве по делу учреждениями и организациями. В результате обмена мнениями действительно удалось наметить не только пути к уменьшению количества поступающих дел, но и пути к упрощению разрешения ряда дел (см. п. 4 о трудовых делах).

Это приводит нас к выводу, что Керчь не механически отнеслась к исполнению плана, что керченские работники серьезно взялись за дело разгрузки и наметили, в общем, правильный путь для достижения цели.

Разные пути, по которым шли Феодосийский и Керченский районы при выполнении плана, приводят нас и к следующим выводам. Учреждение, составляющее план и следующее за его выполнением, должно зорко следить за тем, чтобы исполнение плана не было связано с понижением качества работы. В частности, в отношении Главсуда Крым. АССР следует отметить как минус то обстоятельство, что он, подстегивая отстающие в выполнении плана районы, не обратил должного внимания на причины невыполнения и на пути выполнения плана, не использовал опыт одних районов для других, а ограничился получением от районов цифровых данных об уменьшении или увеличении загрузки участков делами.

Н. Немцов, Д. Карницкий.

Об арбитражных комиссиях, о метафизике и диалектике тов. Радус-Зеньковича¹.

Прежде, чем говорить относительно основных вопросов, затронутых в статье тов. Радус-Зеньковича, о необходи-

¹ Помещал статью т. Овсянникова. Редакция оговаривает, что ее точка зрения по вопросу об арбитражных комиссиях высказана помещением статьи т. Радус-Зеньковича, но что она считает необходимым дать место настоящей статье, излагающей противоположную точку зрения.

мости самостоятельного существования арбитражных комиссий и об их задачах, следует исправить целый ряд неточностей и ошибок, вкравшихся в его статью. Приходится заранее извиняться перед читателями, что это опровержение выйдет несколько длинным, но вина не на арбитражных комиссиях, а в тех неуровнях, которые допустил автор статьи, написанной «по материалам обследования НК РКК СССР».

Автор предупреждает, что «вопрос об арбитражных комиссиях ставится и решается, конечно, не в разрезе плохой или хорошей работы арбитражных комиссий или общего суда». Тем не менее, дальше он всюду подчеркивает «плохую» работу арбитражных комиссий. Конечно, в работе арбитражных комиссий есть много дефектов, как и везде, но тов. Радус ищет их не там, где надо. Он пишет: «Обращает на себя внимание полное отсутствие досудебной подготовки, притом не только в работе местных арбитражных комиссий, но и Высшей Арбитражной Комиссии при ЭКОСО. Исключением является ВАК СТО, где специальные консультанты заняты этой работой». И дальше: «С этим связан затяжной характер решений дел». Все это совершенно неверно. Предварительная подготовка дел в арбитражных комиссиях велась и ведется. Так, до заседания решаются вопросы о привлечении третьих лиц, об истребовании от сторон недостающих документов, о разрешении целого ряда предварительных ходатайств сторон, требуются соответствующие объяснения (на исковое заявление, на данные экспертизы и т. д.). Такая предварительная судебная подготовка дел в 1928 году была произведена приблизительно по половине всех находящихся в производстве ВАК дел (по остальным она не требовалась). Та же работа производилась и в 1927 г.

Тов. Радус-Зенькович отмечает большой процент отложения дел в арбитражных комиссиях «по причине неподготовки», при чем имеются «случаи отложения по пять-шесть раз». На самом деле по делам первой инстанции ВАК ЭКОСО лишь 4 дела откладывались свыше 3 раз.

С этим вопросом тесно связан и другой вопрос — о скорости разрешения дел. Автор статьи пишет, что дела редко разрешаются «в срок до одного месяца, чаще в сроки три-четыре месяца и даже в шесть месяцев». Из дел, имевшихся в ВАК ЭКОСО в 1927 году, было вынесено решений в срок до одного месяца—35%, в срок до двух месяцев—80% всех дел. Сведения товарища Радус-Зеньковича и здесь весьма грешат. Интересно отметить, что, произведя обследование Северо-Кавказской арбитражной комиссии, РКК дает следующие данные по вопросу о скорости движения дел в этой комиссии по сравнению с соответствующими данными в Северо-Кавказском крайсуде:

Продолжительность нахождения дел	В арбит. ком. в %	В крайсуде в %	В сессиях крайсуда в %
До 1 месяца	45,0	5,7	16,5
от 1 до 2 месяцев	25,0	21,0	20,0
свыше 3 месяцев	18,4	61,7	44,6

В результате официальный исследователь отмечает, что «окончание дел в АК происходит значительно быстрее, нежели в краевом суде или его сессиях», но официальный журналист об этих цифрах молчит, предпочитая ограничиться неопределенными и неверными утверждениями. Правда, он признает, что в этом вопросе «положение в арбитражной комиссии несколько лучше, чем в общем суде». Как на причину лучшего движения дел в АК в отношении скорости, автор указывает на «меньшую нагрузку делами» работников АК и на более многочисленный и бо-

лее подготовленный аппарат АК. Но тогда, спрашивается, почему же он дальше обвиняет АК в том, что личный состав АК недостаточно хорош, не «коммунизирован», не «орабочен» и т. д. Если этот аппарат более «подготовлен», как говорит тов. Радус, то едва ли приходится говорить о том, что этот состав надо еще изменять, тем более, что, как указывает сам т. Радус в своей статье, процент коммунистов в арбитражных комиссиях вовсе не так мал (по ВАК ЭКОСО—78%, по ВАК СТО—90% и т. д.).

Далее тов. Радус характеризует «плохую» работу АК (о чем он не хотел сначала говорить) процентом отмены дел в отношении местных арбитражных комиссий. Он указывает весьма значительный процент отмены дел в отдельных (худших) арбитражных комиссиях, но почему-то молчит о работе лучших, совершенно забывая сопоставить процент отмены решений по кассационным делам арбитражных комиссий с соответствующим процентом отмены решений губсудов. В действительности же оказывается, что средний процент отмены по арбитражным комиссиям, подведомственным ВАК ЭКОСО, с 1 января 1927 года по 1 января 1928 г. составляет 21,8%, тогда как процент отмены Верховным судом решений соответствующих низших инстанций в 1927 году составлял 36,8%, а по Северо-Кавказской арбитражной комиссии, согласно данным обследования РКК, этот процент за последний квартал снижается до 8%. Интересно было бы, если бы тов. Радус нашел аналогичный пример в каком-либо губсуде.

При этом надо отметить, что в этом отношении замечается несомненное улучшение в работе арбитражных комиссий: процент отмены в 1924 г. (средний) был 45%, в 1925—26 году—29%, в 1927 году, как мы видели,—21,8%. Таким образом, нельзя не признать направление работы арбитражных комиссий в этом вопросе здоровым. Следует добавить, что именно так и должен был бы подойти т. Радус-Зенькович к разрешению этого вопроса, разбирая тенденцию роста или падения процента отмены по годам, если бы он интересовался диалектическим подходом на самом деле, а не только ради полемики. И здесь сведения и данные т. Радус-Зеньковича, как видим, не выдерживают критики.

По вопросу о том, что большинство дел арбитражных комиссий не превышает парасудовской подсудности по цене иска, достаточно привести следующие данные: средняя цена иска на одно дело в 1927 году по Ленинградской АК составляла 4.817 рублей, по Сев.-Кавк. АК—4.388 р. и по ВАК ЭКОСО—13.661 руб.

Не более доказательны и данные т. Радуса по вопросу о стоимости работы арбитражных комиссий. Тов. Радус-Зенькович делит общую сумму стоимости содержания аппарата ВАК ЭКОСО и других арбитражных комиссий на количество находившихся у них в производстве дел. Между тем, само обследование отмечает совершенно различный характер производящихся в арбитражных комиссиях дел, начиная с самых незначительных и несложных до весьма больших и запутанных. Нельзя вычислять стоимость среднего дела тем путем, как это делает автор статьи. Такая средняя есть наихудший пример «метафизического» подхода к делу.

Для исчисления того, какова стоимость производства дел в АК, уже лучше прилагать другой способ вычисления, как это указывала в свое время ВАК, а именно: по стоимости искового рубля, т. е. деля стоимость содержания аппарата на общую исковую сумму всех производящихся в данной арбитражной комиссии дел. Исчисленная таким образом стоимость искового рубля по Ленинградской АК даст 2/3 копейки, по Московской АК—1/2 коп.,

по сев.-Кавк.— $\frac{3}{5}$ коп. и по ВАК ЭКОСО— $\frac{3}{10}$ коп., т.е. в последнем случае каждый исковой рубль стоит всего $\frac{3}{10}$ коп., что никак нельзя признать большим расходом. Если сравнить соответствующую стоимость искового рубля по ВАК ЭКОСО в 1925, 1926 и 1927 годах, то соответственные цифры будут: $\frac{2}{3}$ коп., $\frac{1}{3}$ коп. и $\frac{3}{10}$ коп., т.е. замечается значительное улучшение в работе ВАК ЭКОСО и в этом направлении. Нечего говорить о том, что если бы тов. Радус желал подходить к делу действительно не «метафизически», то этот именно метод, метод сравнения по годам, хотя бы и при его исчислении стоимости одного дела, он и должен был бы применить, а не основывать свои критические выводы на абсолютных цифрах.

Приведенные данные заставляют отметить, что, хотя т. Радус-Зенькович и делает свои выводы на основании обследования НК РКИ, однако эти данные совершенно лишены той необходимой объективности, которой сопровождаются выводы РКИ обычно. Очень часто, как видно выше, цифры т. Радуса просто неверны. Тов. Радус подчеркивает и усиливает, не считаясь с фактами и цифрами, отрицательные стороны в работе АК, и затушевывает те положительные данные, не сказать о которых он не может. Тот «узковедомственный дух и задор», в котором т. Радус обвиняет руководителей высших арбитражных комиссий, гораздо больше присущ самому т. Радусу, чем им. Ссылки т. Радуса на то, что у этих руководителей происходят какие-то ожесточенные споры с руководителями ведомственных арбитражных комиссий и т. д., разумеется, лишены всякого основания,—и не случайно, что т. Радус не приводит никаких данных в подтверждение этого своего заявления. В результате надлежит признать, что от официального руководителя следственной группы РКИ хотелось бы большей объективности и беспристрастия.

Извиняясь перед читателем за длинное опровержение фактической стороны, изложенной в статье т. Радуса, мы должны теперь перейти к разбору основных положений, на которых построена эта статья. Надо, прежде всего, оговориться, что все полемические выпады т. Радуса «об оборончестве» и проч. надо отбросить, они, разумеется, не имеют под собой никакой почвы. Под понятие «оборончество» нельзя подводить защиту хорошо работающего советского учреждения, которое т. Радус (решения НК РКИ еще нет) хочет закрыть на основании указанных выше данных. Еще более непонятным является обвинение защитников существования АК в «метафизичности» их доводов. Подставляя придуманные им самим «построения», он потом сам же их и опровергает. Но не будем заниматься спором по этому поводу. Основной вопрос: причина возникновения АК и нужно ли их самостоятельное существование теперь? Тов. Радус начинает с утверждения, что арбитражные комиссии были нужны в момент их возникновения для того, чтобы «обеспечить госорганам и предприятиям особо преимущественное место, внимание, скорость разбора и ближайший глаз и заботу СТО в центре, ЭКОСО...». При этом «организующее и регулирующее внимание и предписание государства и в ту пору стояло перед госорганами, как определенное, твердое указание и обязательство...» Рисуя дальше изменившиеся общие условия, т. Радус по видимому считает, что в силу этих «изменившихся» условий арбитражные комиссии являются «пережитком». В этом он и видит диалектику своих рассуждений. Но диалектика никогда не заключалась в том, что только в силу изменившихся условий (независимо от того, в чем это изменение заключается) надо признавать пережитками те или другие учреждения. Диалектика всегда

говорила о том, что эти изменившиеся условия надо рассмотреть конкретно и из самого характера изменений их вывести необходимость пересмотра системы учреждений. Вот этого-то момента, чисто диалектического, выведения необходимости уничтожения системы АК из изменившихся условий, у т. Радуса в его статье как раз и нет. Что изменилось, в самом деле? Обследователь говорит: гражданские взаимоотношения госорганов представлены в общем суде, в их руках и руках кооперации сосредоточен весь основной торговый оборот, существует плановое начало и руководство и т. д. Следует ли отсюда, что делу рассмотрения споров между госорганами в настоящее время не нужно отдавать особого внимания и, не считаясь с важностью их работы и специфичностью этой работы, разбирать их споры в общей системе судебных учреждений, не подчиненных СТО, ЭКОСО и т. д.? Стоит поставить вопрос так, чтобы ясна была вся несостоятельность аргументации т. Радуса.

Он же сам в конце своей статьи пишет о том, что «новоявленные метафизики вынуждены перепрыгивать через законы развития, чтобы обосновать «перемену фронта». О каких законах развития и о какой перемене фронта он говорит? Сторонники существования арбитражных комиссий не переменяют фронта, ибо они считают, что условия, вызвавшие необходимость существования арбитражных комиссий, не отпали, следовательно, о перемене фронта с их стороны говорить не приходится. Точно также необосновано обвинение их в перепрыгивании законов развития.

Чтобы разобрать всю путаную аргументацию т. Радус-Зеньковича по этому поводу, следует несколько подробнее остановиться на вопросе о причинах, вызвавших существование АК. Теория т. Радуса о возникновении арбитражных комиссий совершенно несостоятельна. Арбитражные комиссии были образованы не потому, что надо было защитить споры госорганов между собой от влияния слабой работы общих судов в момент возникновения эпоха, а вследствие того, что в спорах госорганов между собой есть целый ряд особенностей, которые заставляют выделить эти споры из общей подсудности. Напрасно сторонники поглощения арбитражных комиссий общими судебными установлениями усиленно подчеркивают значение правового момента при разрешении споров между госорганами. Пора признать, что правовые моменты в этой области должны отступить перед применением начал хозяйственной целесообразности. Если правовые моменты при переходном характере нашей экономики не могут не применяться и должны применяться в спорах между частными лицами и этими последними, с одной стороны, и госорганами—с другой, то применение чисто правовых норм в отношениях между государственными учреждениями все более и более должно отходить на задний план. Государственные учреждения—это части одного и того же государственного хозяйства. Еще раз обнаруживается недостаточность обследования тов. Радус-Зеньковича в том, что он не уяснил себе характера производства дел в арбитражных комиссиях по сравнению с характером разбора споров в общих судах. В арбитражных комиссиях разрешаются не столько правовые споры госорганов между собой, сколько целый ряд весьма запутанных и сложных отношений чисто бухгалтерского, планового и т. д. характера, лишь в результате разрешения которых могут возникнуть те или иные правовые вопросы спорного характера. Вот этого основного отличия споров в АК от споров в общих судах т. Радус совершенно не учел. Но и самое

разрешение правовых вопросов носит также совсем другой характер, чем это имеет место при разборе дел в общих судах. При усиленном развитии плано-регулирующей деятельности со стороны высших государственных органов (что подчеркивает и сам т. Радус в своей статье) разрешение дел, лишь на основе чисто правового подхода, без учета хозяйственной целесообразности, явилось бы совершенно «метафизическим». Когда договор между госорганами заключается по предписанию планирующих органов, когда он видоизменяется вместе с изменением планов и других регулирующих моментов (что при живом развитии хозяйства происходит беспрестанно), то правовой момент, основанный на твердых и точных нормах (несмотря на все оговорки, которые имеются в статьях ГК и других законоположений), не может найти себе полного применения в том виде, как это происходит в частных спорах. Вот то, что усиленно твердили т. Радусу и другим сторонникам единой системы «судебных» учреждений так называемые, по терминологии т. Радуса, «оборонцы», «метафизики» и проч., и чего он до сих пор не усвоил. Между тем, как раз его статья указывает и подчеркивает эту усиленную плано-регулирующую деятельность государственных учреждений в последнее время, следовательно, признает наличие в хозяйственной жизни значительных сдвигов в указанном направлении. А отсюда вывод мог бы быть лишь один: если понадобилось учредить арбитражные комиссии в 1922 году, когда регулирование было только в зародыше, то тем необходимее они в 1928 году, когда социалистический сектор обобществленного народного хозяйства сверху донизу подвергнут регулированию и строится по заранее выработанному плану. Иная точка зрения т. Радус-Зенковича объясняется, быть может, незначительностью рассмотренных по существу дел арбитражных комиссий (по ВАК ЭКОСО, например, было рассмотрено лишь 30 решений).

Должны ли существовать АК? Ответ может быть лишь положительным. Желание ввести при разрешении споров госорганов между собой строго правовые моменты (хотя бы и с теми ограничениями, которые есть в соответственных статьях ГК и других законоположениях—ст. 3 и т. д.), это есть желание юрицизировать те отношения, которые не должны подвергаться такому юрицизированию. Это значит внести в хозяйственные отношения спорящих госорганов начала, им чуждые и нарушить необходимые для их правильного функционирования регулирование их хозяйственных отношений. Правда, т. Радус говорит о необходимости в то же время какой-то увязки работы хозяйственных сессий общих судов со СТО, ЭКОСО и проч. Но едва ли это будет возможно. Подчинив деятельность учреждений, разбирающих споры госорганов между собой, Наркомату, основные задачи которого сводятся к руководству учреждениями, которые призваны разрешать чисто правовые моменты (хотя бы подходя к ним и более свободно, чем это делают законы буржуазных государств), нельзя будет оставить связь на деле с высшими хозяйственными органами. В лучшем случае это приведет к ряду конфликтов и недоразумений.

Тов. Радус отмечает в своей статье недостаточную увязку в работе арбитражных комиссий с соответствующими хозяйственными учреждениями (СТО, ЭКОСО Наркомторг, ВСНХ и пр.). Но почему он думает, что эта увязка будет больше, если арбитражные комиссии вольются в общие суды и будут подчинены Наркомюсту?

Выводы тов. Радуса и сами полны противоречий (при том, к несчастью, «метафизических»). Он проектирует

включение арбитражных комиссий в общие суды в виде особых хозяйственных сессий последних. Таким путем не достигается даже единственно возможный результат—некоторое сокращение аппарата при влитии арбитражных комиссий в общие суды на общих основаниях. Очевидно, да и сам т. Радус это предполагает, в таком случае понадобятся специальные постоянные судьи, постоянный аппарат и т. д.

В подходе т. Радуса в этом случае выражается неизбежная половинчатость и нерешительность. Весь вопрос сводится в конце концов к вопросу о подчиненности—Наркомюсту или СТО и ЭКОСО, т. е. к весьма вредному, как мы отметили выше, стремлению юрицизировать спорные отношения госорганов между собой. Таким образом, вся позиция противников арбитражных комиссий является в конечном итоге позицией узковедомственной, и борьба ими ведется только из-за принципа подчинения НКЮ.

Также непонятно и предположение т. Радус-Зенковича об оставлении ведомственных комиссий. Сам же т. Радус весьма нелестно аттестует работу АК ВСНХ. С другой стороны, непоследовательно признавать, что споры внутри одного ведомства будут разрешаться в одном порядке и в ином порядке межведомственные споры госорганов между собой.

Наконец, в заключение надо отметить совершенно недопустимое замечание т. Радуса о том, что между судом и арбитражными комиссиями существует «соперничество и непрестанное состояние вражды». Нельзя бросать такие упреки, абсолютно ни на чем не основанные и непонятно откуда взятые. Сам же тов. Радус отмечает, что во главе ВАК ЭКОСО и ВАК СТО стоят работники соответственных верхсудов. Никогда, ни с самими собой, ни с другими членами верхсудов, ни с Верхсудами СССР и РСФСР ни в какой вражде они не находились. Надо надеяться, что мнение т. Радус-Зенковича, не основанное на действительных, фактических данных и, как мы видели выше, защищающее принципы, не соответствующие развитию советской хозяйственной жизни, не найдет многочисленных сторонников.

*Н. Овсянников.
В. Фирсов.*

Судебное делопроизводство и проект нового Уголовно-Процессуального Кодекса.

Задачей настоящей статьи является освещение проекта нового Уголовно-Процессуального Кодекса с точки зрения судебного делопроизводства.

Трудно сомневаться во всей важности такой постановки вопроса. Если сейчас признается, что делопроизводство является значительной общественной проблемой, то справедливость этого положения особенно очевидна в отношении судебного делопроизводства. Иные типы делопроизводства не всегда касаются интересов отдельных граждан и широкого круга учреждений. Регулируя документооборот между ограниченным числом канцелярий, такие системы делопроизводства не возбуждают широкого общественного интереса. Совсем иначе обстоит дело с судебным делопроизводством. Последнее, имея исключительно большую сферу корреспондентов, затрагивая не только интересы учреждений ведомства юстиции, но также и права отдельных физических и юридических лиц, естественно нуждается в законодательной регламентации.

Поэтому изменение законодательства об уголовном процессе влечет за собой изменение техники судебного делопроизводства.

Задачей настоящей статьи является освещение вопроса о рациональности этих изменений. Попутно попробуем указать на отдельные неточности в проекте нового закона, которые, хотя и не относятся непосредственно к судебному делопроизводству, но во всяком случае заслуживают быть попутно отмеченными в целях последующего устранения или разъяснения. Перед изложением дальнейшего, необходимо установить, какие требования должны применяться к новому УПК с точки зрения законодательной регламентации судебного делопроизводства. Требования эти на наш взгляд сводятся к следующему:

1) Судебное делопроизводство должно быть наиболее экономным.

2) Судебное делопроизводство должно быть твердо регламентировано. Если та или другая статья УПК упоминает о каком-либо документе, должно быть обязательно вскрыто содержание этого документа (хотя бы в основе), его социально-правовая значимость и оперативная целесообразность.

Такая регламентация совершенно необходима, ибо в противном случае не исключена возможность того, что в различных органах юстиции нормы уголовного процесса будут пониматься различно. Только регламентированная делопроизводственная форма может служить гарантией однообразного понимания и применения новых норм уголовного процесса. Чтобы пояснить сказанное, возьмем в виде примера 14 ст. нового проекта УПК («Е. С. Ю.» № 28, стр. 800). Статья эта гласит: «Приступая к расследованию или принимая к производству уже начатое дело, следователь составляет постановление и уведомляет об этом прокурора».

Таким образом, статья определяет существование 2 документов:

1) постановления о приступе к предварительному расследованию;

2) извещения наблюдающему органу.

Между тем, содержание этих документов не определяется текстом названной статьи.

Легко усмотреть, что «содержание» постановлений будет отличным в разных органах расследования. Одни из них будут помещать в постановления подробную формулировку существа преступления, времени и места его совершения (поскольку они известны). Другие будут отмечать в постановлениях только № статьи УК, предусматривающий данное преступление и наименование материала, на основании которого возникает расследование (показание очевидцев, потерпевших, явка с повинной и т. п.). Таким образом, очевидно, что под одним и тем же заглавием «постановление» будут изготовляться документы, глубоко различные по содержанию, а, следовательно, и по тому оперативному значению, которое они смогут занять в уголовном процессе. Следует усомниться в том, чтобы такое разнообразие понимания и применение закона было целесообразным. Идея законодателя, требующего определенных документов для оформления процесса, дискредитируется тем, что документы эти, сохраняя наименование, присвоенное законом, будут наполняться произвольным содержанием. Это становится неизбежным, ибо разбираемая 14 ст. УПК, не касаясь существа требуемых документов, регламентирует только их название.

Следует, правда, отметить, что во многих случаях проект нового УПК становится на точку зрения регламентации формы судебного делопроизводства [см., напр.,

ст. 141, 142 проекта нового УПК («Е. С. Ю.» № 29, стр. 822), где подробно определяется содержание приговоров суда]. Конечно, приговор является одной из наиболее важных форм судебного делопроизводства, однако, из этого не следует, что закон, касаясь других форм делопроизводства, может ограничиться лишь перечислением наименований таковых, не заботясь о регламентации содержания. Та же ст. 14 проекта нового УПК требует, чтобы орган, производящий расследование, извещал о приступе к таковому наблюдающий орган. Однако, содержание «извещения» остается неопределенным. В отношении этого документа можно повторить те же суждения, которые были высказаны о «постановлении».

Переходя к дальнейшему обозрению проекта нового УПК, будем руководствоваться порядком статей. Ст. 33 («Е. С. Ю.» № 28, стр. 801) предусматривает составление «особого постановления» при приобщении к делу вещественных доказательств следователем. Так как закон предусматривает в дальнейшем случаи «мотивированных определений» (см. ст. 97, 114) и так как в отношении постановления о приобщении к делу вещественных доказательств не говорится, что оно должно быть мотивированным, возникает сомнение в надобности этого документа, тем более, что та же ст. 33 предусматривает и иной порядок приобщения к делу вещественных доказательств (отметка в протоколе обыска, осмотра), если приобщение производится не следователем, а другим органом расследования. Изъятия из этого порядка, устанавливаемые для следователя, становятся непонятными, ибо неясно, чем же будет отличаться (по содержанию) составляемое следователем немотивированное постановление о приобщении к делу вещественных доказательств от тех пометок, которые делают иные органы расследования, согласно той же 33 статьи.

Ст. 34, касаясь производства обысков и принудительного отобрания предметов, могущих иметь значение для дела, указывает, что «...о производстве этих действий составляется особое постановление». Между тем, содержание такого постановления упомянутой статьей не предусмотрено. Остается только предположить, что постановление об обыске или принудительном отобрании будет немотивированным, поскольку обратное не предусматривается. Цель составления такого немотивированного постановления об обыске нам представляется неясной. Трудно предположить, какое оперативное значение может иметь такой документ в уголовном процессе.

Ст. 54 проекта нового УПК («Е. С. Ю.» № 28, стр. 802) указывает, что в случае избрания мерой пресечения заключение под стражу, извещение об этом направляется в место заключения, наблюдающему органу, а также по месту службы подследственного.

Не касаясь вопроса о направлении извещения в место заключения и по месту службы подследственного, так как значение этих действий, очевидно, попробуем вскрыть смысл направления этого извещения наблюдающему органу. Следует предположить, что это мероприятие имеет целью дать возможность наблюдающему органу контролировать применение столь важной меры пресечения, как содержание под стражей. Однако, такой контроль не может быть совершенным. Поскольку в извещении не будет указываться основания заключения под стражу (как это делается в применяемых ныне постановлениях), орган, ведущий наблюдения, не сможет установить, правильно ли применяется эта мера пресечения. Таким образом, весь контроль за правильным содержанием под стражей сведется лишь к периодической проверке сроков заключения путем просмотра «извещений», хранящихся в камере на-

блюдающего органа. Основания же самого факта заключения под стражу окажутся непроверенными. Следует предположить, что замена существующего ныне мотивированного постановления простым извещением имеет целью интересы экономии. Однако, достижение последней при вновь вводимом порядке представляется более чем сомнительным. Следует заметить, что заключение под стражу весьма часто обжалуется подследственными. Такие жалобы будут направляться органу, ведущему наблюдение за расследованием. Но каким образом этот орган будет проверять основательность поступивших жалоб? Раньше, например, прокурор имел возможность обратиться к наблюдательному производству и найти в нем мотивированное постановление, из которого были ясно видны причины заключения под стражу. Просмотрев такое постановление, можно было вынести то или другое решение по поступившей жалобе. При вновь вводимом законе положение вещей меняется. Наблюдающий орган получает лишь «извещение» о заключении под стражу. Из этого заключения не видны основания заключения, виден лишь факт заключения и дата выбора названной меры пресечения. Как же быть с жалобой, поступившей на неправильное избрание меры пресечения? Для разрешения таковой остается запросить орган расследования о причинах заключения под стражу. Органу расследования, получив такой запрос, придется составлять мотивированное объяснение, т. е. по существу говоря, то же самое постановление, которое должно составляться следователем в настоящее время при заключении подследственного под стражу.

Из описанного видно, насколько новый порядок выбора меры пресечения усложняет технику работы. Если раньше процесс избрания мерой пресечения заключения под стражу оформлялся одним документом—мотивированным постановлением, то теперь, в случае жалобы заключенного под стражу, будут составляться уже три документа: а) во-первых, извещение о выборе названной меры пресечения в порядке ст. 54; б) во-вторых, предложение наблюдающего органа сообщить о мотивах избрания этой меры (после поступления жалобы от заключенного под стражу); в) в-третьих, мотивированный ответ на упомянутые предложения органа, ведущего расследование.

Не говоря уже о том, что составление трех документов потребует большой работы и тройного увеличения почтовых расходов, следует отметить также и то обстоятельство, что самый разбор поступившей жалобы затянется, благодаря такой переписке, на 2—3 недели, а то и больше.

Жалобы на неправильное заключение под стражу поступают очень часто. Ясно, что эта мера пресечения, в наибольшей степени затрагивающая права подследственного, будет всегда служить предметом самых настоящих жалоб. Поскольку же наш следственный аппарат не может считаться безупречным, возможны случаи неправильного выбора этой меры пресечения. Указанное обстоятельство заставит органы надзора особенно бережно относиться к разрешению жалоб на неправильное заключение под стражу, и требовать, если не по всем жалобам, то по крайней мере по большинству из них, мотивированных объяснений от поднадзорных органов. Насколько эта операция осложнит технику работы и замедлит разрешение жалоб, было указано выше. Но этого мало. Отказ от написания мотивированных постановлений о заключении под стражу и замена их простыми «извещениями» имеет еще одно в высшей степени неблагоприятное последствие. Если при существующем порядке, например, пом. прокурора имел возможность проверить по мотивированным постановлениям основательность заключения под стражу

каждого подследственного, в отношении которого такая мера пресечения избиралась, то при введении проекта нового закона указанная проверка сохранится лишь в отношении подследственных, обжаловавших избранную меру пресечения. Ясно, что от такого порядка пострадают в первую очередь неграмотные крестьяне, которые зачастую даже не подозревают о своем праве обжаловать действия следователя или иного органа «расследования». Пострадают также подследственные, не сумевшие достаточно ясно и убедительно изложить свои жалобы, в результате чего по последним не будет истребовано объяснений от органов расследования, а сами жалобы останутся без последствий. Некоторые товарищи указывали на то обстоятельство, что при вновь вводимом порядке избрания меры пресечения главное внимание будет обращено на непосредственное инструктирование органов «расследования» путем возможно частого посещения и обозрения дел поднадзорного органа, что даст возможность исправить ошибки, возникшие в процессе расследования, в том числе заключение под стражу. Неосновательность изложенного мнения более чем очевидна. Никто не станет отрицать пользы непосредственного инструктажа, как метода надзора. Но необходимы ведь реальные условия для осуществления такой формы надзора! А таких условий нет, ибо пом. прокурора приходится наблюдать за 3—4 следователями, расположенными зачастую за 30—40 километров от его местонахождения. По Сибири и Уралу дело обстоит еще сложнее. Там радиус, соединяющий участок прокурора с периферийными камерами поднадзорных следователей, достигает нескольких десятков километров. В свою очередь, народный следователь также отдален от поднадзорных ему органов расследования (милиция и др.), расположенных в населенных пунктах его периферии. Так, например, из акта обследования камеры народного следователя 1 участка Барнаульского округа видно, что названная камера находится на следующем расстоянии от наиболее крупных, обслуживаемых ею, населенных пунктов: от села Дуличено—70 верст, от села Акулово—72 версты, от села Ново-Чесноковка—40 верст и т. д., а от села Ново-Еловка—95 верст (!).

Касаюсь условий связи, обследователь говорит, что «...большая часть этих сел расположена в различных направлениях от с. Белоярского (местонахождение следователя). Железная дорога может быть использована только до Озерок и Тальменки. Во всех остальных случаях—передвижение на лошадях. Распутица бывает только весной, в апреле месяце, когда некоторые селы бывают совершенно отрезаны до 1 месяца... Дороги весьма неудобные. Летом овраги и обвалы, переправа через Чумыш, по ту сторону которого расположена целая половина участка, не палажена; моста нет, а понтоны часто сносит. Зимой передвижение затрудняют бураны...». Можно ли наличие таких условий считать способствующим непосредственному инструктажу, как реальной формой надзора!

При слабом развитии путей сообщения, неблагоприятных климатических условиях, длительных периодах, когда сообщение становится прямо невозможным, вследствие распутицы и т. п., будут выпадать целые месяцы, в течение которых тот или другой поднадзорный орган расследования окажется оторванным от органа надзора. Даже при наиболее благоприятных условиях можно рассчитывать, в среднем, лишь на ежемесячное посещение следователя пом. прокурором (и в свою очередь органа дознания следователем), при чем такое посещение, в виду достаточной нагрузки пом. прокурора и следова-

теля, вряд ли может длиться больше одного рабочего дня. Ясно, что при таких условиях не представляется возможности рассчитывать на быстрое исправление такой ошибки расследования, как неправильное заключение под стражу. Подследственный, не обжаловавший эту меру пресечения, может «сидеть» 1—2 месяца, пока пом. прокурора или следователь при очередном ежемесячном посещении не доберется до его дела. Вряд ли такая форма надзора может считаться приемлемой! Конечно, ничего не поделаешь, если географические и иные объективные условия препятствуют воплощению идеи законодателя в желательной форме непосредственного инструктажа поднадзорных органов. Но это обстоятельство необходимо учесть и отыскать другие формы для осуществления надзора за правильным избранием меры пресечения. Одной из таких форм было существующее ныне мотивированное постановление о заключении под стражу. Какие неудобства создает устранение этого документа из процесса расследования, было указано выше. Но где искать выгоды, проистекающие из устранения названного документа? Мы их не видим. Единственное сокращение работы заключается в том, что органы расследования будут освобождены от составления постановления, каковое составление требует 15—20 минут. Взамен этого они будут составлять извещение, что потребует, вероятно, около 5 минут. Таким образом, вся экономия выразится в... 10—15 минутах. Расходы по пересылке «извещения» и «постановления» одни и те же. Вот и все. Правда, некоторые товарищи указывают, что процесс составления «постановления» довольно длителен, ибо приходится придумывать формулировку избрания мерой пресечения заключения под стражу, чего, якобы, можно не делать при вновь предлагаемом проекте. Это совершенно неверно. Ст. 50 нового проекта закона («Е. С. Ю.» № 28—стр. 802) прямо указывает:

«При разрешении вопроса о необходимости принять меры, должно быть принято во внимание: тяжесть преступления и имеющиеся против подследственного улики, вероятность уклонения от расследования и суда или препятствование раскрытию истины, род занятий и т. п.». Из приведенной цитаты видно, что и проект нового закона заставляет мотивировать избрание той или другой меры пресечения. Разница заключается лишь в том, что при существующем порядке такая мотивировка оформляется в виде документа, а при вновь проектируемом законе она делопроизводственного оформления не получает. Итак, вся сложность существующего порядка по сравнению со вновь вводимым заключается лишь в том, что уже продуманное решение должно быть записано! Нам думается, что эта сложность явно мнимая. Если мотивировка заключения под стражу основательно продумана, изложение ее на бумаге займет, как было указано выше, максимум 15—20 минут. Если же мотивировка заключения под стражу продумываться не будет, каковая небрежность становится возможной в виду отсутствия мотивированного постановления, то экономия во времени получится, конечно, большая, но зато работа органа расследования обесценится, вследствие явного нарушения ст. 50 проекта нового закона.

Предположим, что через следователя проходит в год до 100 арестантских дел, с числом заключенных до 150. Значит, следователю придется составить в год 150 постановлений, или в среднем одно постановление в два дня. Таким образом, максимальная ежедневная экономия, достигаемая в камере следователя при введении нового порядка (замена «постановления» «извещением») рав-

няется 5—7 минутам. Эта мизерная экономия ни в коем случае не может оправдать тех осложнений процесса, которые были описаны выше. Ст. 62 нового проекта УПК регламентирует порядок предъявления подследственному законченного производства. Между тем статья отредактирована таким образом, что не представляется возможности судить, должно ли предъявление законченного следственного производства оформляться протоколом, как это делается теперь. Правда, ст. 20 УПК упоминает, что «...о всех следственных действиях составляются протоколы...». Из этого как будто видно, что и при предъявлении производства должен составляться протокол. Однако, если рассмотреть другие статьи УПК, легко убедиться, что в каждом отдельном случае, когда требуется составление того или другого документа, таковой прямо упоминается в соответствующей статье. Поэтому, поскольку ст. 62 не упоминает о составлении документа, можно сделать вывод о том, что последний составляться не должен и что предъявление законченного следственного производства оформляться не будет. Во избежание различных толкований, необходимо уточнить редакцию 62 статьи.

Переходя к 8 главе проекта нового закона («О подсудности» «Е. С. Ю.» № 29, стр. 818 и 819), необходимо указать на следующие неясности и неточности:

1. Не видно, кому подсудны члены губернских судов и помощники губпрокуроров. Из ст. 74 усматривается тот принцип, что судебные работники подсудны суду высшей инстанции. Так, например, члены окрсудов, окружные прокуроры и т. п. подсудны краевому суду. Применяя аналогию, следует прийти к выводу, что члены губсудов и помощники губпрокуроров должны быть подсудны Верхесуду. Однако, пункт «в» ст. 76, определяющей подсудность этой инстанции, содержит указание на то, что Верхесуду подсудны дела о председателях губсудов и их заместителях, губпрокурорах и их заместителях. Подсудность же членов губсуда и пом. губпрокуроров ни 74 ни 76 статьей УПК не определена. Остается сделать вывод, что упомянутые должностные лица подсудны губсуду. Во избежание недоразумений и отступлений от принципов, устанавливаемых ст. 74, необходимо точно регламентировать подсудность членов губсудов и помощников губпрокуроров. Это необходимо также и потому, что ст. 74 предусматривает подсудность членов окрсудов и даже участковых пом. прокуроров, т. е. лиц, занимающих более низкое служебное положение, чем члены губсуда и пом. губпрокуроров.

Ст. 82 проекта нового УПК («Е. С. Ю.» № 29 стр. 819) указывает, что «...дела о преступлениях, по которым не может быть назначено лишение свободы, в случае сознания привлеченного к ответственности, обязательно передаются в народный суд той местности, где проживает привлеченный к ответственности...». Таким образом, сознание привлеченного является фактором, определяющим подсудность некоторых категорий дел. Сказанное относится также и к ст. 152 УПК («Е. С. Ю.» № 29, стр. 823. Глава 14 «Особые производства»). Эта статья, между прочим, гласит следующее: «В дежурные камеры направляются дела, по которым, по мнению органов, производящих задержание совершивших преступление, не требуется особого расследования, или по которым задержанный сознался в совершении преступления...». Конечно, сознание является обстоятельством, упрощающим судебное разбирательство. Но о каком сознании говорит ст. 82 и 152 проекта нового закона? Они касаются сознания привлеченного, при чем само собой разумеется, что привлеченный, превратившийся в подсудного, может в любой

момент отказаться перед судом от ранее сделанного признания. Как же быть в таком случае? Поскольку сознание отпадает, отпадает также и фактор, определяющий подсудность, ибо отсутствие сознания, конечно, усложняет процесс. Неужели надо сделать вывод о том, что дело, начатое в данном нарсуде в порядке ст.ст. 82 и 152, после отказа подсудимого от ранее сделанного сознания, должно передаваться в другой нарсуд, где и слушаться в порядке ст. 79 УПК? Такое положение в высшей степени усложнит процедуру судебного делопроизводства и явится причиной больших проволочек.

Переходя к главе 11 («О судебном заседании» — «Е. С. Ю.» № 29, стр. 820 и 821), следует отметить некоторую неувязку между ст. 102 и 117 проекта нового УПК. Ст. 102 указывает на то обстоятельство, что «...Судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно...». Статья же 117 (вторая половина) гласит: «При неявке свидетеля без уважительной причины, а также при отказе от дачи показаний, суд вправе в том же заседании возбудить преследование по первой части ст. 92 Уг. Кодекса и вынести приговор».

Таким образом, получается, что в одном и том же судебном заседании будет слушаться два дела и вынесено два приговора, вопреки ст. 102, указывающей на то обстоятельство, что судебное заседание по каждому делу должно быть непрерывным. Может ли считаться принцип непрерывности соблюденным, если в одном заседании будет заслушано и решено два дела? В целях устранения противоречий между ст.ст. 102 и 117, необходимо внести соответствующие коррективы.

Ст. 106 («Е. С. Ю.» № 29, стр. 820), касаясь вопроса об удалении из зала заседания подсудимого, определяет порядок удаления таким образом: «При нарушении подсудимым порядка судебного заседания и неподчинения распоряжениям председателя, по определению суда, он может быть удален из зала заседания».

Поскольку закон знает случаи «мотивированных определений» и во всех случаях, когда мотивировка требуется, это обстоятельство прямо оговаривается (напр., «Определение суда об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств должно быть мотивировано» ст. 114 — «Е. С. Ю.» № 29, стр. 821), а в указанной ст. 106 мотивировка определения не оговорена, следует сделать вывод о том, что удаление подсудимого происходит немотивированным определением. Такой способ удаления подсудимого кажется странным, и, конечно, чреват вполне очевидными последствиями. Например, при обозрении дела в кассационном или ревизионном порядке нельзя будет даже догадаться о том, по каким мотивам подсудимый был лишен своего основного права — права присутствовать в заседании и давать объяснения.

Заключив настоящий обзор, считаем необходимым остановиться на одном, по нашему мнению, неудачном слове, которое повторяется в проекте нового закона довольно часто. Это слово — «обязательно», прибавляемое в отношении ряда норм нового кодекса. Благодаря этому создается невольное впечатление о том, что остальные положения Кодекса, обязательность коих не огово-

рена, не имеют обязательного характера, что совершенно неверно, ибо всякий закон, а, значит, и Уголовно-Процессуальный Кодекс, носит обязательный характер, при чем обязательность вытекает из самой природы закона и в оговорках не нуждается. Прибавление же к некоторым нормам закона слово «обязательно» излишне, и может создать нежелательную путаницу. Возьмем в виде примера две статьи проекта нового закона — 54 и 103. Из ст. 103 видно, что «В судебном заседании обязательно ведется протокол». В ст. 54 указано, что «...Об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу производящий расследование посылает извещение наблюдающему органу...», и т. д. «Обязательность» составления документа в ст. 103 оговорена. «Обязательность» в ст. 54 не оговорена. Значит ли это, что норма, предписанная 54 статьей, не имеет обязательного характера? Конечно, нет. Обе нормы, предписываемые ст. 54 и ст. 103, одинаково носят обязательный характер, ибо они — закон. Поэтому нет никакой надобности прибавлять ненужное слово «обязательно». Статью же 103 можно изложить, опустив это слово, от чего она ничего не потеряет. Следует просто сказать: «В судебном заседании ведется протокол».

В заключение позволю себе сделать несколько общих выводов о необходимых поправках, подлежащих внесению в проект нового закона с точки зрения судебного делопроизводства.

Во-первых, необходимо регламентировать хотя бы в кратких словах содержание отдельных делопроизводственных форм, упоминаемых статьями проекта УПК (в тех случаях, когда такая регламентация не произведена).

Во-вторых, ни в коем случае нельзя отказаться от составления «постановления об избрании мерой пресечения заключения под стражу», каковое мероприятие проектируется новым проектом, и не может не быть чревато теми неблагоприятными последствиями для судебного делопроизводства, которые были указаны выше.

В-третьих, необходимо внести уточнения в текст некоторых статей с целью разъяснения неясностей и неудачных редакций, которые в проекте попадают нередко и в процессе судебного делопроизводства будут требовать специального разъяснения.

Некоторые из указанных мероприятий, быть может, и удлинит проект нового закона как в части количества статей, так и в части текста каждой из них.

Авторы нового проекта, проникнутые желанием сделать закон наиболее популярным, стремились в то же время и к наибольшей краткости изложения, упустив, по видимому, то обстоятельство, что краткость изложения вопроса очень часто достигается в ущерб общедоступности. Поэтому мы полагаем, что некоторое увеличение числа статей (или текста последних) будет вполне оправдано, если проект закона приобретет, благодаря этому, исчерпывающую ясность и популярность.

А. Фрадкин.

Пути развития законодательной инициативы в автономных республиках.

(Опыт ревизии Отдела Законодательных Предположений НКЮ Казахской ССР).

Среди различных мероприятий в деятельности НКЮ автономных республик, несомненно, огромное значение имеет поступательное развитие законодательной инициативы.

Такое положение вытекает из целого ряда хозяйственно-политических и социально-экономических особенностей автономных республик. Достаточно указать, что в народном хозяйстве, напр., Казахской АССР мы встречаем самые разнообразные хозяйственные уклады. Здесь и типичное кочевое хозяйство с его крайне отсталыми, примитивными формами, сохраняющими элементы натурального хозяйства; здесь и полукочевое хозяйство, куда уже проникли некоторые элементы товарности; здесь, наконец, и оседлые земледельческие скотоводческие хозяйства в их товарной форме.

Характерной особенностью первого типа хозяйства (кочевого) является то обстоятельство, что торгово-ростовщический капитал, подчиняя и овладевая казахским хозяйством в кочевых районах, не перестроил производства, не изменил его способа в казахском хозяйстве.

На базе этих пестрых хозяйственных форм, естественно, действует такого рода «надстройка» — бытовые особенности, родовые отношения, — которые не могут не интересовать пролетарского законодателя. Мы сознательно подчеркиваем, именно, пролетарского законодателя, т. е. нигде в такой жесткой и упорной форме родовые отношения не вступают в отчаянную борьбу с пролетарской классовой политикой, как в кочующем, по преимуществу, ауле.

Сохранившиеся родовые отношения в ауле являются одним из главных орудий бая-кулака в деле эксплуатации им трудящихся и особенно, бедноты. Бай, умело используя родовые отношения в своих интересах, затупевывает свои классовые интересы в глазах бедноты, главным образом, «своей» бедноты (принадлежащей к его роду) и превращает свою эксплуатацию и господство над трудящимися в «добродетель», создавая свою классовую мораль, организацию общественного мнения аула в свою пользу. Из истории народнов мы знаем, что каждый господствующий класс или группа создавали свою мораль, правила поведения, и всегда свои классовые интересы и эксплуататорские вождения превращали или в «добродетель» или в «обычное явление», как должное и необходимое. Бай Казахской степи, будучи «господами положения в ауле», господствующей группой казахского населения, создали свою мораль и правила поведения в ауле точно так же, как и другие эксплуататорские группы и классы.

Существующие нормы УК, касающиеся бытовых отношений и составляющие т. н. бытовые преступления, лишь крайне в незначительной степени касаются указанной «надстройки» в ее особо специфических моментах.

Наличие же широкого поля деятельности торгово-ростовщического капитала в степи в крайне резких эксплуататорских формах, кабальные сделки в их весьма своеобразной форме, различного рода влияния «общественного мнения аула», скрывающие за собой классовые интересы эксплуататоров — баев, сложность уголов-

ного и гражданского процесса и мн. др. — все это такие области казахской действительности, к которым законодатель еще вовсе не подошел.

Действующая же 173 ст. УК никак не реагирует на целый ряд своеобразных социальных отношений, укрепляющих определенную «политику» определенных классовых группировок в ауле. Несомненно, что перечисленные выше хозяйственные уклады Казахского народного хозяйства сами по себе требуют известной урегулированности и соответствующего диктатуре пролетариата направления в своем развитии в виде законодательных актов, в значительной части не имеющих прецедента в союзном или республиканском законодательстве и особенно по линии определенного воздействия на последствия социальной дифференциации аула, затрагивающей интересы трудящихся масс казахской бедноты и середняков аула, киблака и деревни. И в этом случае мы подчеркиваем огромное значение законодательной инициативы.

Однако, эти и другие вполне реальные перспективы в области развития законодательной инициативы упираются до сих пор еще в надлежащей мере не разрешенный вопрос о законодательных функциях автономных республик.

Это последнее обстоятельство удерживает в известных пределах степень развития законодательной инициативы и определяет собой весь характер деятельности Отдела Законодательных Предположений.

Однако, обратимся к рассмотрению состояния работы Отдела Законодательных Предположений НКЮ Казахской ССР и посмотрим, какое конкретное выражение нашла в его деятельности законодательная инициатива.

Деятельность НКЮ в лице Отдела Законодательных Предположений протекает, главным образом, по линии дачи заключений и разъяснений по вопросам законодательства Союза ССР и РСФСР, применительно ко 2 ч. ст. 149 Положения о Судостроительстве и лишь в крайне незначительном виде в порядке ст. 48 Конституции РСФСР.

Это последнее обстоятельство находит свое объяснение в том, что вопрос о законодательных функциях автономных республик до сих пор союзным или федеративным законом не разрешен. НКЮ еще в начале 1926 года сделал попытку разрешить вопрос о законодательных правах республики путем составления проекта Конституции КАССР. Проект этот был рассмотрен ЦИК'ом и СНК КАССР, одобрен и направлен во ВЦИК, где, к сожалению, и застрял.

Однако, было бы неправильным полагать, что НКЮ вовсе не было проявлено законодательной инициативы.

И в развитие законодательства СССР и РСФСР и самостоятельно НКЮ был разработан ряд законодательных актов, о которых будет сказано ниже.

Конечно, эта инициатива вытекала из актуальных, не терпящих никакого отлагательства практических вопросов, настоятельно требовавших своего разрешения; наличие исключительных особенностей, как в области народного хозяйства, так и в области культурно-общественной жизни коренного населения (пережитки родового быта) ставили перед НКЮ ряд законодательных проблем, от которых нельзя было уйти, или оставить их неразрешенными.

Та же законодательная инициатива, которая исходила уже не под давлением во весь рост ставших практических вопросов, не разрешив которые сегодня, — завтра уже

нельзя было работать, а вытекала и вытекает из ясности принципов революционного социализма, на которых построена Федерация трудящихся классов отдельных наций, как объединение на основе культурной и политической автономии рабочих и крестьян и, как таковое, дает широкие возможности для проявления законодательной инициативы в национальных республиках—эта инициатива дремала, не была проявлена.

Повидимому, эти, никакими точными рамками не ограниченные возможности проявления законодательной инициативы, с одной стороны, и те главные и основные линии хозяйственного, управленческого и др. видов государственного строительства, которые находят достаточное выражение в узаконениях и распоряжениях Правительства СССР и РСФСР, с другой, обусловили собой то положение о пределах законодательной инициативы, о котором только что сказано выше.

Из опубликованных в порядке ст. 48 Конституции РСФСР Правительственных распоряжений КАССР широкое государственное и общественное значение может быть признано за следующими актами:

а) 1925 года—«Временные правила» по проведению земельных съездов казакского населения.

б) 1926 г. 1) «Распределение сенокосных и пахотных угодий», 2) «О припртышской десятиверстной полосе», 3) Положение о союзе «Кошчи» и о льготах, предоставленных этому союзу и 4) «О комиссиях по ликвидации барамтачества».

Первый из указанных декретов в виду исключительной важности затрагиваемого им предмета (земреформа) потребовал предварительной и тщательной подготовки, вследствие чего к проведению его в жизнь приступлено было лишь в мин. году.

в) 1927 г. «Об устраниении окончательного срока для перевода делопроизводства казакских аулсоветов и виков на каз. язык».

Значение перечисленных актов видеть можно из самого их наименования,—они затрагивают наиболее важные стороны Казахстана: народное хозяйство, язык и быт.

Помимо указанных имеется и еще целый ряд актов, изданных КАССР в 1925 и 1926 г.г. Однако, поскольку большинство актов за указанный период являются менее самостоятельными, а больше всего представляют из себя переложение законодательства СССР и РСФСР—с самыми незначительными изменениями, постольку нет надобности в их перечислении.

Законопредположительная работа ОЗП (разработка и рассмотрение законопроектов) проводилась по трем основным направлениям:

1) законопроекты, носящие кодификационный характер (проект водного кодекса, изменения материальных и процессуальных кодексов, о бытовых преступлениях), 2) законопроекты по вопросам текущего порядка и 3) систематизация действующего законодательства, имеющего непосредственное отношение к КАССР.

Всего по указанной выше линии, таким образом, в 1926 году через ОЗП прошло 43 законопроекта и среди них некоторые достаточно значительные, особенно «водное законодательство». Далее, необходимо отметить, что некоторые законопроекты прорабатывались по предложениям органов РСФСР в целях уточнения текущего законодательства последней, в применении к условиям авто-

номных республик; из работ этой категории могут быть отмечены, как наиболее значительные: 1) «о реорганизации союза «Кошчи», 2) «о дополнительных льготах для специалистов», 3) «о красных юртах», «об особых землеустроительных совещаниях», «о водных обществах и их съездах» и пр.

Наконец, следует заметить, что ОЗП принимал деятельное участие и в разработке некоторых ведомственных положений, например, положение о Центральной Коллегии по земельным делам при КНКЗ; положение о комиссии законодательных предположений при КазЦИК'е и КСНК. В области систематизации законодательства также был проведен ряд работ и среди них: перечень постановлений и распоряжений Правительства КАССР за 1925 г.; перечень постановлений и распоряжений правительства бывш. Туркесреспублики, утративших силу на присоединенных (по нацразмежеванию) к Казахстану территориях, перечень таких же актов по РСФСР.

В минувшем году законопредположительная работа делилась между ОЗП и КЗП¹⁾. Первый период деятельности КЗП в отношении к ОЗП характеризуется материалами последнего, как период «оттягивания» к себе ряда мелких функций, принадлежавших НКЮ. Стадию предварительной проработки и просмотра за м. г. через ОЗП прошло 14 законопроектов и среди них:

1) по УК—14 статей (в том числе по бытовым преступлениям 13); УПК—4 ст.ст.; ГК—9 ст.ст.; ГПК—4 ст.ст.

2) «Временное положение о волостных статистиках».

3) «Об уездных (районных) отделах здравоохранения».

4) «О ветеринарно-исполнительных комиссиях».

5) «Временные правила о водах».

6) «О порядке проведения на территории автономных республик распоряжений НКФ РСФСР» и проч.

Необходимо подчеркнуть, что потребность в законодательстве, регулирующем водные отношения—для южных районов Казахстана (хлопководство) особенно велика. Между тем, все попытки кодифицировать водное законодательство, даже в виде «временных правил», при самом снисходительном к ним отношении, не могут быть признаны удачными и достигающими своей цели.

«Водный Кодекс» все еще остается в плане законопредположительных работ и требует много забот и большого к себе внимания.

Основную часть работы ОЗП составляет «истолкование законодательства этой республики и дача заключений по вопросам органов власти и учреждений автономных республик» (ст. 149 Положения о Судостроительстве).

Просмотр материалов по разъяснению и толкованию законов за период 1925—1927 г.г. показывает, что эта работа ОЗП должна быть разделена на два периода: 1) 1925/26 г., когда ОЗП занимался не столько истолкованием законов, сколько выполнял консультационную функцию, обслуживая, таким образом, ряд учреждений и организаций и 2) 1927 г., когда была сделана реальная попытка отказаться от рассмотрения таких вопросов, которые носят консультационный характер, полагая, что с этой работой учреждения могут справиться непосредственно, через своих юрисконсультов. В этот последний период, таким образом, практика ОЗП начинает выравниваться (ближе к содержанию ст. 149 Положения о Судостроительстве). Только указанным обстоятельством

¹⁾ КЗП спустя два месяца после своей организации была упразднена.

и нужно объяснить, что в 1926 г. ОЗП было дано заключений и разъяснений 360, а в мин. году 151.

Если обратиться к вопросу, какие органы и учреждения обращаются к НКЮ по ОЗП с запросами, проектами, предположениями или представлениями, то получается следующая картина: (в 1926 г.) по заданиям ЦИК, СНК и Госплана КАССР—125:

по линии административно-правовой и социально-просветительной—54;

по линии наркоматов хозяйственных—102;

по запросам местных органов—62;

в том числе КАО—17.

Эта же работа в мин. году представляется в следующем виде:

По каким вопросам обращались за разъяснением, толкованием закона.	Какие учреждения.				
	Высш. закон. орг. и наркоматы	Суд. орг. и органы КАССР и нотар.	Парт. орг., профсоюз. и общ. орг.	Кооперат. и хоз. организации	Всего
Админ.-правовые	47	20	2	4	
Земледелие	11	2	—	1	
Финансовые	11	2	1	2	
Торговые	6	—	2	14	
Трудовые	3	—	—	2	
Народн. образ.	13	—	—	—	
Здравоохран.	4	—	—	—	
Соц. обесп.	3	—	—	—	
Избират. право	1	—	—	—	
Итого	99	24	5	23	151

Заключений 73, юридических справок и разъяснений—78.

Из анализа приведенной таблицы надо сделать выводы: а) ОЗП обслуживает преимущественно высшие органы республики и б) юридич. справки и разъяснения составляют 50% всей работы в рассматриваемой области.

За истекшие три месяца—(январь—март) с. г. эта же работа получила следующее развитие (см. след. таблицу):

По каким вопросам обращались за разъяснением, толкованием закона	Какие учреждения				
	Высш. закон. орг. и наркоматы	Суд. органы КАССР и нотар.	Парт. орг., профсоюз. и общ. орг.	Кооперат. и хоз. орг.	Всего
Админ.-правовые	11	—	—	3	
Земледелие	6	—	—	—	
Финансовые	6	—	—	1	
Торговые	2	—	—	5	
Трудовые	6	—	—	—	
Народн. образование	4	—	—	1	
Здравоохран.	4	—	—	1	
Соц. обесп.	3	—	—	—	
Избир. право	1	—	—	—	
Итого	43	—	—	11	54

Заключений 15, разъяснений и юрид. справок—39.

Наиболее характерными или существенными разъяснениями и заключениями являются следующие из них:

а) «О взаиморасчетах ликвидируемого предприятия с его дебиторами».

б) «Об охране заросли дикорастущего кедря».

в) «О праве лиц, лишенных избират. прав, состоять членами научных обществ».

г) «Об ответственности лиц, частно-правовых организаций, выполняющих общественные функции».

д) «О пределах применения ст. 254 ГПК по трудовым делам».

В текущем году перед ОЗП были поставлены высшими органами Республики и Госпланом ряд вопросов из области хозяйственного, торгового и промышленного права.

Что касается самой линии в деле толкования законов Союза ССР и РСФСР, в смысле соответствия этой работы упомянутому законодательству, то надо признать эту линию достаточно твердой и четкой.

Кодификация проведена в полной мере, а именно, кодифицировано:

а) законодательство Союза ССР и РСФСР, ведомственные распоряжения и циркуляры Наркоматов РСФСР (НКВД, НКЮ, НКФ, НКТорг, НКТруд и др.);

б) постановления КазЦИК'а и КСНК, отражающие собой законодательство Союза ССР и РСФСР.

В мин. году КСНК издавались Собрания Узаконений и распоряжений Правительства, в которых главным содержанием были декреты Союза ССР и РСФСР и, между прочим, постановления КазЦИК'а и КСНК. Опубликованием этих законов в виде «Собрания Узаконений» ведал ОЗП.

С первого января с. г. КСНК за отсутствием кредитов прекратил издание Собр. Узак. и Распор. Правительства.

Таковы пути, характер и объем работы ОЗП. Выводы об этой работе мы дадим в конце настоящей статьи, а сейчас остановимся еще на нескольких моментах и вопросах работы ОЗП, имеющих непосредственное к нему отношение.

Прежде всего об участии ОЗП в заседаниях высших органов республики.

ОЗП непосредственного участия в заседаниях ЦИК'а и СНК не принимает. По заключениям и толкованиям закона, а также проектам закона в ЦИК'е и СНК в качестве докладчиков выступают Нарком, Зам. или Пом. Прокурора Республики.

В этом смысле и осуществляется, главным образом, связь ОЗП с Отделом Прокуратуры.

В условиях КАССР одним из важнейших моментов в работе ОЗП должно быть установление учета текущей законодательной деятельности в ее практическом применении на местах. Этот учет должен был получить выражение в форме установления тесной связи ОЗП с Отделением Верховсуда и ИРО губсудов. Между тем, этот вопрос в практической работе ОЗП не нашел своего места.

Еще в большей степени связь эта по указанной линии должна была найти свое место с Отделом Прокуратуры. Учет применения действующего федеративного законодательства в своеобразных условиях народного хозяйства и культурно-общественной жизни коренного населения; степень соответствия и достаточной гибкости этого законодательства в той же обстановке и применительно к основным целям диктатуры пролетариата и, как вывод из указанного учета—изменение в соответствующем порядке тех или иных актов федеративного закона или разработка новых в порядке той же законодатель-

ной инициативы—все это актуальные и далеко не абстрактные, а животрепещущие вопросы плановой практики, правильное и достаточное полное проведение в жизнь которых возможно было при условии установления связи и координации действий ОЗП с Отделом Прокуратуры.

Однако, связь эта находит свое выражение только в форме обслуживания Отдела Прокуратуры, в необходимых случаях, путем дачи справок по действующему законодательству и в других видах той же консультации.

Наконец, нельзя не указать, что деятельность ОЗП в части законодательной инициативы протекает замкнуто, вне связи с пролетарской общественностью.

Самостоятельные акты КЦИК'а и КСНК, проекты законов Союза ССР и РСФСР не выносились на обсуждение широких собраний трудящихся. Не ставились законодательные проекты, имеющие крупное общественное значение и непосредственно затрагивающие интересы широких масс трудящихся и на пленумах советов исполкомов и т. д.

Выводы: 1) В качестве выводов по деятельности ОЗП прежде всего необходимо поставить вопрос о пределах законодательной инициативы. В этом случае, как уже было указано вначале, инициатива шла только по линии неотложных практических вопросов, возникавших в повседневной практике работы высших органов республики и центральных учреждений. И вовсе еще не коснулась ряда кардинальных вопросов хозяйственного, социально-культурного и бытового свойства.

Такое положение вещей находит свое объяснение в том, что вопрос о законодательных функциях автономных республик, в связи со ст. 48 Конституции РСФСР, остается и до сих пор недостаточно ясным.

Между тем, объективные предпосылки к развитию законодательной инициативы в КАССР достаточно реальны.

Исключительные особенности народного хозяйства Казахстана, наличие в нем крайне пестрых хозяйственных укладов, начиная со скотовода-кочевника и кончая полуфеодалом-баем, — родовым начальником, сохраняющим еще и в настоящее время свое влияние в ауле; не менее своеобразные формы действия торгового и ростовщического капитала в ауле, ряд характерных и специфических моментов в классовой дифференциации аула и кишлака, в своей динамике существенно-разнящихся от тех же процессов в русской деревне и мн. др.—все это такие области хозяйства и быта Казахстана, где для законодательной инициативы открыто широкое поле деятельности.

Конечно, развитие законодательной инициативы по этой линии требует органической увязки ОЗП с краеведческими организациями КАССР, Госпланом и рядом других научных и практических учреждений и организаций, а также с Наркомюстом Федерации. Не менее существенная задача стоит перед ОЗП и в области упрощения судопроизводства, приближения его к аульной действительности.

2) В сравнении с предшествующим периодом работа ОЗП за м. г. стала входить в правильные рамки, очерченные ст. 48 Конституции РСФСР и ст. 149 Положения о Судостроительстве, освобождаясь от консультационных обязанностей.

3) Отсутствие надлежащей связи с ИРО губсудов и Отделом Прокуратуры, тенденции к внутренней замкнутости в работе, то же отсутствие обсуждения проектов

законов и постановлений Правительства, имеющих важное значение, на широких собраниях трудящихся.

4) Бесплановость в работе в т. г., а также сокращение штата, которое ставит ОЗП под угрозу его полного распада.

5) Четкость и правильность линии работы по толкованию и разъяснению законов, полное ее соответствие союзному федеративному законодательству.

В заключение нельзя не указать, что Совещание наркомюстов, созданное в мин. году Наркомюстом Федерации, вынесло определенное постановление о необходимости внесения полной ясности в вопрос о законодательных правах автономных республик.

Наше изучение работы ОЗП Казахского НКЮ показало, что это постановление Совещания должно быть в той или иной форме безусловно реализовано. Оставление этого основного, определяющего пути и пределы развития законодательной инициативы в автономных республиках вопроса без надлежащего разрешения особенно сказывается в работе на местах.

Вот почему по докладу нашей ревизии в Казахском Краевом Комитете ВКП (б) и особенно в комиссии по рассмотрению ряда вопросов, связанных с предложениями по ревизии, этот вопрос определенно поднимался и вносился ряд различных практических предложений «подталкивающего» свойства. Среди этих предложений были и такие, которые говорили о необходимости проявления определенной инициативы в этом вопросе и Наркомюстом Федерации.

Нам думается, что в итоге ревизии двух-трех наркомюстов автономных республик целесообразно будет созвать второе совещание наркомюстов, где и затронутый в настоящей статье вопрос должен будет найти свое практическое разрешение.

В. Моисеев.

Распределительные комиссии и прокурорский надзор.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком РСФСР в резолюции от 21/III—28 г. по вопросу о карательной политике и состоянии мест заключения констатировали: 1) «отсутствие достаточного контроля за исполнением приговоров» и 2) «отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах заключения, в частности, допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов исключительно по формальным основаниям». Вместе с этим ВЦИК и Совнарком предлагают НКВД «немедленно принять меры к упорядочению режима в местах заключения», а НКЮсту и НКВД «принять меры к большему обеспечению реальности выполнения приговоров». Единственно правильным ответом на это постановление со стороны работников прокурорского надзора должно было быть усиление надзора за местами заключения и особенно, пока существует данная организационная система, за работой распределительных комиссий, этого основного проводника классово-выдержанной карательно-исправительной политики.

Что же нам говорят материалы, поступающие с мест?

За время с 1-го января по 1-е сентября протесты в ЦРК, на постановления местных (губ., обл.) распределительных комиссий по вопросам об условно-досрочном освобождении и зачете рабочих дней в счет срока, поступили только от 15 прокуроров из 56, имевшихся до районирования, а всего протестов за указанный срок поступило 60. Это при условии, когда распредел. комиссии в течение года разрешают тысячи вопросов. Чтобы не быть голословным, приведем следующие примеры: Оренбургская РК разобрала с 1/I—1/VII—28 г. 3.144 вопросов, из них о досрочном освобождении 487, о зачете рабочих дней 1096; Тульской распредел. комиссией за этот же срок рассмотрено 4000 вопросов, из них о досрочном освобождении 633 и о зачете рабочих дней 689, а протестов прокурорами этих губ. в ЦРК не принесено ни одного. Почти неосознано малое количество поступивших с периферии протестов заставляет сделать два вывода либо местные распределительные работают «без сучка и без задоринки», либо прокурорский надзор на этом участке из рук вон плох.

О том, что распределительные работают не блестяще, видно из того, что Тамбовская Р. К. «зачитывала почти все рабочие дни, независимо от качества работы, несмотря на то, что заказы исправдомом выполнялись скверно, что вызвало потерю заказчиков»; Тобольской РК «условно-досрочное освобождение лицам, имеющим от 2 до 6 судимостей, осужденные за бандитизм, разбой, конокрадство, грабежи, убийство и т. д.» давались месячные отпуска на с.-х. работы лицам, имевшим срок лишения свободы 2—3 месяца»; Ленинградской РК условно-досрочно освобождались взяточники, растратчики и т. д., таких примеров можно привести сколько угодно. Формальный подход в работе распределительной, наконец, подтверждается и тем, что РК часто заседают «по мере накопления вопросов» и работают «успешно», пропускают в заседание по 200—250 вопросов (Орел, Тула).

Изложенное заставляет сделать тот вывод, что прокурорский надзор еще не раскочерился и, вопреки постановлению ВЦИК'а и Совнаркома РСФСР, недостаточно уделяет внимания работе мест заключения. Об этом пишет ряд прокуроров—все эти (противоречащие судебно-исправ. политике) постановления представителями прокуратуры, присутствовавшими на заседаниях не опротестовывались» (из сообщения Ураль обл. прок.).

«Представитель от прокуратуры, присутствовавший на заседаниях РК, со всем соглашался и о ненормальностях не докладывал». (Тамбовск. прок.).

Акмолинская РКИ, обследовав места исправ. труддома, отметила слабость прокурорского надзора.

Все вышесказанное требует усиленного внимания от работников прокурорского надзора местам заключения и особенно работе распределительных. В целях улучшения работ распределительных мы полагаем также своевременно поставить вопрос о разгрузке РК от части вопросов путем непосредственного их разрешения в наблюд. ком., так, напр., о зачете рабочих дней. Ибо невозможно даже предположить, чтобы в одно заседание разрешались и не штамповались по 200—250 вопросов.

Необходимо также в работе РК уделить больше места плановости и строго соблюдать сроки (6 месяцев) при приеме повторных заявлений.

Егоров.

Судебные споры о пользовании жилищно-площадью в домах рабочих жилищно-строительных кооперативов.

На-ряду со значительным ростом рабочего жилищного кооперативного строительства, наблюдающимся в последние годы, и в связи с тем, что в распоряжении лиц, ранее других получивших жилые помещения в домах рабочих жилищно-строительных кооперативов, площадь эта находится значительный промежуток времени, по поводу пользования и распоряжения этой жилищно-площадью стал возникать ряд споров, могущих получить правильное разрешение только в судебном порядке.

Обсудить вопрос, на основе каких законоположений и как должны разрешаться эти споры, представляется нам вполне своевременным.

Члены рабочих жилищно-строительных кооперативов, получившие в домах РЖСК жилые помещения соответственно количеству приобретенных ими паев (§ 9 норм. уст. РЖСК) пользуются этими жилыми помещениями не на основе договора имущественного найма указанных помещений, поэтому отношения, возникающие у членов РЖСК и пользователей помещениями в домах РЖСК с органами управления РЖСК и между собой, отличны от отношений, возникающих по поводу пользования жилыми помещениями в большинстве прочих домов, где помещения предоставляются пользователям на основе договора имущественного найма, а потому и споры, возникающие по поводу пользования жилищно-площадью в домах РЖСК, не могут быть регулируемыми одними общими нормами жилищного права, т.-е. статьями Гражд. Код., включенными в раздел об имущественном найме и постановлениями, изданными подлежащими органами центральной и местной власти в развитие и дополнение этих статей ГК.

Отношения эти отчасти регулируются нормальным уставом РЖСК и постановлениями общих собраний членов РЖСК, выносимыми в развитие и на основании устава.

В связи с этим споры о распределении жилых помещений между членами РЖСК, равно как вопросы о включении в число членов РЖСК и о восстановлении в членстве лиц, считающих себя неправильно исключенными общими собраниями из числа членов РЖСК, в нашей судебной практике считаются изъятиями из ведения гражданского суда (см. п. «В» ст. 17 пост. пленума Мосгубсуда от 10 марта 1928 г. «Об итогах судебной практики по жилищным делам», «Пролет. Суд» №№ 9—10 за 1928 г.).

Вопрос о правильности отказа в судебном разрешении спора о восстановлении в членстве лиц, теряющих право пользования предоставленными этим лицам в свое время помещениями, мы считаем неправильным, т. к. спор этот есть не что иное, как спор о праве гражданском. Практически суду при разрешении вопроса о выселении лица, исключенного из числа членов РЖСК и таким образом потерявшего право пользования соответствующим помещением в доме РЖСК, придется оценивать правильность мотивов, повлекших исключение, и за судом, несомненно, остается право, признав, что для исключения отдельного лица или лиц из РЖСК не было оснований,—отказать в его выселении, фактически тем самым восстановив его в правах члена РЖСК.

Не признать за судом права отказывать в выселении лиц, вопреки правилам норм. уст. РЖСК или вообще неосновательно исключенных из числа членов РЖСК, было бы полным подрывом авторитета суда и использо-

РЖСК и соответствующую паям жилплощадь за одной из спорящих сторон, и необязательно за тем из бывших супругов, на имя которого был приобретен пай, с назначением денежной компенсации выделяемому по правилам ст. 65 Гр. Код., либо с зачетом доли, соответствующей этой денежной компенсации при разделе прочего имущества супругов. В этом случае, получивший компенсацию взамен части пая, на которую имел право, по правилам ст. 10 Код. зак. о браке, должен выселиться из помещения, предоставляемого решением суда противной стороне.

Во втором случае, т.-е. когда пай был приобретен одним из ныне расходящихся супругов еще до вступления в брак, вопрос о праве спорящих на жилое помещение, по нашему мнению, должен разрешаться совершенно так же, как и в первом случае, т.-е. с привлечением представителя РЖСК в качестве заинтересованной в исходе дела стороны, с возможным разделением между спорящими сторонами сумм, внесенных в погашение стоимости пая, и включением нового пайщика в число членов РЖСК. Если такое разрешение дела и не найдет формальной опоры в действующем законодательстве, то при разрешении дела указанным образом надо будет признать его разрешенным в полном соответствии с общими началами советского законодательства (ст. 4 ГК).

Соответственно указаниям примечания к ст. 156а Гр. Код. согласно § 13 норм. устава РЖСК по смерти члена т-ва его пай переходит к наследникам; права же пользования жилищем сохраняются за членами семьи умершего, если они проживали совместно с умершим и обладают избирательными правами в советы, в противном случае т-во обязано выплатить им стоимость внесенных наследодателем пая (в официальном тексте норм. устава по явному недосмотру оказалось напечатано «наследователем» вместо «наследодателем»).

Если наследник умершего члена РЖСК, напр., переживший его супруг—один, вопрос разрешается как-будто просто, т. к. самостоятельное право пользования помещением в доме РЖСК не мыслится вне зависимости от наличия у пользователя помещения, пая, а владельцем пая может быть только член РЖСК, то наследник умершего члена РЖСК вступает вместо вышедшего за смертью наследодателя в члены РЖСК, а возникшее у него право на членство и обладание жилплощадью в доме РЖСК может и в дальнейшем переходить к его наследникам вместе с переходящими по наследству паями РЖСК.

Иначе обстоит дело в том случае, когда наследников несколько, и особенно когда со смертью наследодателя наследники хозяйственно не составляют одной семьи, напр., дети умершего, каждый из которых имеет свою семью. Тогда возникает вопрос о том, кому из наследников быть владельцем пая и распорядителем соответствующего пая помещения. Хорошо, если помещение технически может быть обособлено для каждого из наследников, напр., если комнат несколько или есть техническая возможность отделения соответствующей части или частей жилплощади перегородками. Какую именно жилплощадь получит тот или иной из наследников, и как будут компенсированы недостатки полученной площади, т. к. не всегда есть возможность технически разделить жилплощадь равными частями, как того требовали бы правила 420 ст. Гр. К., при отсутствии между наследниками соглашения об этом,—должен разрешить суд при разборе дела о разделе наследственного имущества.

Судебным же порядком может быть разрешен вопрос о праве наследников на пай наследодателя в РЖСК, и связанным с ним правом распоряжения соответствующей

жилплощадью, когда нет технической возможности поделить между наследниками жилплощадь в натуре. В обоих этих случаях опять-таки обязательно привлечение к делу РЖСК, через его представителя, и обсуждение вопроса о возможности увеличения числа членов РЖСК по числу наследников, о перерасчете на имя каждого из наследников сумм, внесенных наследодателем в погашение стоимости пая и вступительного взноса с возложением на каждого из пайщиков обязанности пополнять следуемые с него недостающие до полной стоимости пая суммы в сроки, установленные по правилам § 8 норм. уст. РЖСК, и обязанности пополнить приходящиеся на долю каждого части вступительного взноса до полной его суммы в срок, определяемый судом.

В случае признания судом невозможности или нецелесообразности разрешить спор описанным способом суду придется признать право на пай и в соответствии с этим право на состояние членом РЖСК и распоряжение соответствующей паям жилплощадью за одним из наследников с назначением прочим наследникам компенсации деньгами или иным наследственным имуществом, подлежащим разделу между наследниками в соответствии со ст.ст. 420 и 65 Гр. Код. При этом надлежит иметь в виду, что идеальная ценность соответствующей доли пая не совпадает со стоимостью этих пая в деньгах, т. к., например, было бы неправильно при разделе наследственного имущества предоставить одному из наследников пай в РЖСК на сумму 200 рублей, а другому отдать, скажем, пишущую машину, стоящую те же 200 рублей, или иное имущество на эту же сумму и обязать его вместе с полученной долей наследственного имущества выехать из дому. Это было бы несправедливо, именно в силу того, что обладание паями в РЖСК помимо реальной ценности этих пая,—пай могут быть реализованы переуступкой их другим лицам с согласия общего собрания (§ 12 норм. уст. РЖСК) или возвратом РЖСК'ом выбывающему из членов РЖСК пайщику стоимости его пая (§ 15 норм. уст. РЖСК,—дает пайщику еще право на занятие помещения. Это обстоятельство имеет особенно существенное значение, когда помещение уже перешло в распоряжение пайщика, а в погашение пая внесена еще сравнительно небольшая сумма денег. Здесь придется учитывать невозможность для выделенного без наделения жилплощадью лица получить в короткий срок на выделенную ему денежную компенсацию новую жилую площадь.

Таким лицам, подлежащим выселению из домов РЖСК, судам надлежит предоставлять возможно длительные отсрочки в порядке 182 ст. ГК, а в тех случаях, когда стороны достигают соглашений о сдаче стороной, получающей по разделу пай в РЖСК и право на жилплощадь, другой стороне жилплощади в наем, суду следует утверждать такие соглашения, если, конечно, они не носят кабального характера.

Известны случаи, когда спор между пользователями жилыми помещениями в домах РЖСК возникал и вне перечисленных выше поводов. Например, в одном из дел, разбиравшихся на суде Красно-Пресненского района, о праве на жилплощадь спорили два лица, одновременно вселенные в одну комнату, при распределении жилплощади во вновь отстроенном доме РЖСК. Каждый из спорящих имел право на то, чтобы получить отдельную комнату, но комнат оказалось меньше, чем было предположено, или претендентов на комнаты сосчитали меньше, чем их было на самом деле, но на последнюю подлежащую распределению комнату осталось два кандидата. Оба они и были вселены в эту комнату. При этом «для удобства» членский вступительный взнос был взят с

обоих пополам, а книжка для удобства же была выдана на имя одного из поселившихся. Около года оба сожителя прожили довольно дружно, но на второй год обладатель членской книжки учел выгоды и «удобство» своего официального положения члена РЖСК и стал теснить своего сожителя: затолкал его со всеми вещами в темный угол комнаты и, несмотря на то, что в течение года причитающиеся по §§ 8 и 11 норм. уст. РЖСК взносы оба сожителя вносили пополам (а записывались эти взносы естественно на имя одного «официального» члена РЖСК), — стал в дальнейшем вносить эти взносы один, а с сожителя своего стал требовать плату за помещение в произвольном размере. Поскольку описанные фактические обстоятельства при разборе дела были установлены, нам кажется, суду и в этом случае надлежало поступить так, как мы рекомендовали в описанных нами случаях раздела паев между прекратившими брак супругами, или наследниками умершего пайщика, т.е. либо обязать РЖСК принять в члены РЖСК и второго пользователя комнатой с перечислением на его имя фактически уплаченных им сумм на цели, указанные в §§ 8 и 11 норм. уст. РЖСК, либо разделить между спорящими сторонами спорное имущество — паи, закрепив их за одной из сторон с выделением другой стороне денежной компенсации согласно ст. 65 ГК. При этом, если бы дело было разрешено таким образом, указанную судом сумму, фактически уплаченную тем из сожителей, который был бы выделен без надления его паями и жилплощадью, следовало, думается нам, взыскать с РЖСК, которому предоставить право регресса по отношению к сожителю, остающемуся на жилплощади в доме РЖСК.

Наконец, особый интерес представляют из себя правоотношения, возникающие на почве сдачи в наем своих помещений членами РЖСК.

Согласно § 12 норм. уст. РЖСК члены его имеют право сдавать в наем свои помещения полностью или частью с согласия правления РЖСК. Так как РЖСК владеет отстроенными им домами на праве застройки, и на том же праве распоряжаются своими помещениями отдельные пайщики — члены РЖСК, то на них не распространяются ограничения, установленные для наймодателей 156 и 166 ст.ст. ГК. Исходя из этого, следует признать, что члены РЖСК, сдающие свои помещения с соблюдением правил § 12 норм. уст. РЖСК, имеют право выговаривать с нанимателей арендную плату за помещение в любом размере независимо от социальной принадлежности нанимателя. Равным образом, следует признать и право членов РЖСК требовать от с'емщиков их помещений освобождения этих помещений по истечении срока договора найма, а при бессрочном найме после предупреждения в сроки, установленные 155 ст. ГК.

Однако, если вспомнить о том, что из'ятия из льготных для трудящихся правил 155 и 166 ст.ст. ГК установлены нашим законодательством для застройщиков исключительно в целях побуждения населения к интенсивному жилищному строительству, будет ясно, что сохранение этих из'ятий для отдельных членов РЖСК нецелесообразно. Создавая в больших городах кабальные условия для трудящихся, вынужденных поселяться в помещениях пайщиков РЖСК, при отсутствии у с'емщиков этих помещений, каких бы то ни было надежд на получение в будущем самостоятельного права на жилплощадь, из'ятия из правил 156 и 166 ст.ст. ГК для пайщиков РЖСК не создают и того эффекта, на который они рассчитаны в применении к индивидуальным застройщикам, т.е. значительная тяга в РЖСК трудящихся убеждает нас в том, что и без применения к членам РЖСК указан-

ных льгот рабочее жилищное строительство не ослабело бы.

Высказанные здесь соображения заставляют нас быть сторонниками ограничения права отдельных членов РЖСК на сдачу в наем своих помещений не только необходимостью получения на эту сдачу согласия правления РЖСК, но и условием сдачи этого помещения только трудящимся, исключительно на обусловленные договором сроки и не свыше как по ставкам квартплаты, установленным для домов, возведенных по госстроительству. Продолжение отношений найма после срока должно влечь за собой последствия по 156 ст. ГК, т.е. создавать нанимателю право на автоматическое возобновление договора найма независимо от желания наймодателя. В этом смысле желательно внесение изменений в норм. устав РЖСК.

Вл. Островский.

Новое в законе о сельском нотариате.

Постановление ВЦИК и СНК от 26/IX—27 г. «о нотариальных действиях волостных (районных) исполнительных комитетов и сельских советов» («С. У.» 27 г. № 100, ст. 668) имело тот дефект, что оно наряду с чисто нотариальными действиями помещало и регистрационное, а именно регистрацию сделок об отчуждении внегородских строений, расположенных в районе волости или сельсовета. С изданием же инструкции НКЮ, НКЗ и НКВД от 3/IV—28 г. за № 46 о договорах купли-продажи и залога строений, расположенных в сельских местностях, противоречие пунктов 7-ых статей 1 и 2 пост. от 26/IX—27 г. как остальному содержанию закона о сельском нотариате, так и изложенному в этой инструкции порядку регистрации и удостоверения означенных сделок, стало еще более выпуклым.

Опубликованное в «Изв. ЦИК» № 203 от 1/IX—28 г. пост. ВЦИК и СНК от 9/VII—28 г. об изменении ст.ст. 1 и 2 пост. от 26/IX—27 г. и о дополнении ст. 2 его примечанием имеет, очевидно, целью, с одной стороны, уничтожение отмеченного нами выше противоречия, а с другой — дальнейшее расширение нотариальных прав виков и сельсоветов. В этих целях п. 7 ст. 1 получил совершенно новое содержание, а п. 7 ст. 2 исключен вовсе и заменен примечанием к этой статье.

Обращаясь к новой редакции п. 7 ст. 1, мы видим, что в нем перечислены теперь все случаи выдачи волисполкомами исполнительных надписей, при чем к упоминавшимся уже в п.п. 1 и 2 старой редакции ст. 1 случаям выдачи таковых по нотариально удостоверенным сделкам и протестованным векселям прибавлена еще выдача исполнительных надписей по документам кредитно-кооперативных организаций, а также по письменным трудовым договорам найма батраков и пастухов и по расчетным листам по этим договорам.

Выдача приказов по документам кредитно-кооперативных организаций не вызовет на практике каких-либо сомнений, так как в примечании к ст. 1 подробно поименованы все те документы, представление коих необходимо для выдачи исполнительной надписи. Несколько в ином положении стоит вопрос о выдаче исполнительных надписей по батраческим и пастушеским договорам. Надписи эти выдаются по «письменным» договорам найма.

Означает ли это выражение, что в данном случае требуется предъявление лишь простого письменного договора, вне зависимости от того, зарегистрирован ли этот договор в сельсовете или нет? Как известно, в сельских местностях правило об обязательной регистрации батраческих и пастушеских договоров сплошь и рядом не соблюдается. С другой стороны, обязанность представления договора на регистрацию возложена не на батрака, а на нанимателя (ст. 4 инстр. СНК от 24/VII—25 г. к «Врем. правилам об условиях примен. наемного труда в крестьян. хоз.») и невыполнение последним этой обязанности может повлечь за собой невыгодные последствия лишь для самого нанимателя, но никоим образом не для батрака или пастуха. Поэтому необходимо прийти к выводу, что вики вправе выдавать исполнительные надписи не только по зарегистрированным в надлежащем порядке батраческим и пастушеским договорам, но и по незарегистрированным, при условии соответствия договоров закону и отсутствия сомнений в просрочке со стороны нанимателя. Однако, во избежание недоразумений, необходимо точное указание по этому вопросу со стороны Наркомюста.

Еще одно замечание по поводу этих же договоров. По нашему мнению, сельсовет, ближе стоящий к сторонам, может с большим успехом и скорее убедиться в бесспорности требования батрака или пастуха о платеже, нежели волисполком. Поэтому в целях достижения большей срочности в деле взыскания и предоставления большей удобств батраку казалось бы полезным предоставить право выдачи исполнительных надписей по батраческим и пастушеским договорам не только викам, но и сельсоветам. Возражение о технической беспомощности последних не может иметь здесь место, так как процедура выдачи исполнительной надписи несомненно менее сложна, чем удостоверение сделок, в особенности со строениями, между тем как последнее, однако, предоставлено сельсовету.

Вновь введенное примечание к ст. 2 постан. от 26/IX 1927 г. расширяет права сельсоветов путем увеличения до 600 рублей суммы удостоверяемых ими сделок отчуждения строения на снос. До этой же суммы получили сельсоветы право удостоверять и сделки об отчуждении строений в тех случаях, когда нотариальное удостоверение таких сделок будет «обязательно по закону». Если первая часть этого примечания не вызывает никаких возражений, то этого нельзя сказать в отношении редакции и содержания второй его части. Прежде всего о редакции. В законе, предназначенном для употребления низовых органов, необходимы, прежде всего, ясность и конкретность. Однако, общая сылочная редакция примечания заставляет призадуматься не одного работника сельнотариата, не искушенного в тонкостях условий, установленных законом для отчуждения строений. Это тем более вероятно, что до сего времени сельсоветы обычно имели дело лишь со сделками об отчуждении строений в сельских местностях не на снос, каковые сделки они не удостоверяли, а лишь регистрировали, так как нотариальное удостоверение их было необязательным, а таковое производилось лишь по желанию сторон, и притом не в сельсовете, а у нотариуса или в вики. Равным образом, и сделки с городскими строениями, как и с правом застройки, до настоящего времени как по своей сумме, обычно превышающей 300 рублей, так и по установившейся практике, удостоверялись не в сельсоветах, а у нотариуса или в волисполкоме. Между тем расшифрованная вторая часть примечания к ст. 2 не оставляет сомнений в том, что она предоставляет сельсоветам право нотариального удостоверения сделок об отчуждении строе-

ний, расположенных в городах, рабочих, дачных и курортных поселках на сумму до 600 рублей. Совершенно непонятно, для чего понадобилось это нововведение, с которым сельсоветы, очевидно, не справятся, тем более, что в их практике случаи отчуждения подобных строений будут, конечно, довольно редким явлением. Помимо того, получается следующая неувязка в работе, крайне вредная при необходимости всемерного упрощения работы предсельсовета. А именно — сельсоветы не вправе удостоверять на какую бы то ни было сумму, столь обычные в деревенском быту сделки со строениями, расположенными в сельских местностях, а обязаны их лишь регистрировать. С другой стороны, сельсоветы вправе удостоверять сделки об отчуждении строений, расположенных в городах, рабочих, дачных и курортных поселках, но на сумму не свыше 600 р., при одном лишь условии, что хотя одна из сторон постоянно проживает в районе сельсовета. Заранее можно сказать, что предсельсоветы не разберутся в этой тонкости, касающейся продажи строений, тем более, что и инструкция к закону от 26/IX—27 г. не содержит на этот счет никаких указаний, отсылая во всех случаях, не предусмотренных инструкцией, к общей инструкции к положению о госнотариате. Этой же последней инструкцией сельсоветы не снабжены, да, очевидно, и не будут ею снабжены, в виду отсутствия таковой в продаже и неимения вообще средств, специально предназначенных для приобретения литературы.

Другой новеллой к закону от 26/IX—27 г. является постановление от 23/VII—28 г. («Изв. ЦИК» № 191 от 18/VIII—28 г.), предоставляющее сельсоветам Северо-Кавказского края право удостоверения сделок хлебозаготовителей по закупке на корню зерновых и технических культур, а также договоров по контрактации их без ограничения суммы сделки. Вызванный к жизни потребностями хлебозаготовок в основных заготовительных районах, закон этот, однако, возбуждает следующий вопрос, разрешение которого в ту или другую сторону имеет значение и для прочих районов РСФСР. Вопрос этот сводится к следующему — имеют ли право сельсоветы неуказанных в постановлении местностей точно также удостоверять подобные сделки, но на сумму, не превышающую 300 руб.? Иными словами, относится ли постан. от 23/VII—28 г. лишь к сумме указанных в нем сделок, или же оно предоставляет только сельсоветам Северо-Кавказского края право удостоверения этих сделок, каковое право не входит в компетенцию прочих сельсоветов? Для разрешения этого вопроса необходимо остановиться на выяснении юридической природы указанных выше договоров. Закупка на корню урожая представляет не что иное, как сделку купли-продажи под отлагательным условием, а сделки купли-продажи все вообще сельсоветы имеют право удостоверять при сумме до 300 р. Сделки же по контрактации посевов представляют из себя не что иное как ссуду, удостоверение договоров о каковой на какую бы то ни было сумму сельсоветам вообще не предоставлено. Из сказанного вытекает, что сельсоветы иных, кроме Северо-Кавказского края, местностей из сделок хлебозаготовительных организаций вправе удостоверять лишь сделки по закупке урожая на корню на сумму до 300 руб., но не договоры по контрактации посевов.

Однако подобная детализация и раздробление нотариальных прав сельсоветов в деле удостоверения ими специальных хлебозаготовительных сделок не вызывается необходимостью. Необходимо или предоставить всем вообще сельсоветам право удостоверения таких

сделок, наряду с сельсоветами Северо-Кавказского края, но на сумму, принимая во внимание масштаб хозяйств, не превышающую 300 руб., или же, учитывая особый характер этих сделок и отсутствие специфических условий, присущих Северо-Кавказскому краю, как основному изготовителю, изъять их вовсе из ведения сельсоветов, предоставив право их удостоверения лишь волисполкомам. В виду неясности вопроса следовало бы получить со стороны НКЮ соответствующие разъяснения.

В. Лучанинов.

Надзор за административными взысканиями.

Надзор за административными взысканиями в 1927 г., так же, как и в 1926 г., частью осуществлялся в плановом порядке, частью по жалобам и рабселькоровским заметкам. В плановом порядке производились периодические обозрения административных производств в губернских и уездных административных отделах и органах милиции, с одной стороны, и обследования деятельности вол(рай)исполкомов и сельсоветов по административным взысканиям, — с другой.

Точные данные о степени выполнения планов периодических обозрений административных производств в 1 и 2 п.п. 1927 г., вследствие причин, указанных в разделе о плановости, имеются только по части прокуратуры.

Судя по отдельным данным, пока достаточной плановости в работе не достигнуто и как в 1, так и 2 полугодия 1927 г. наблюдались резкие невыполнения плана по отдельным прокуратурам. Если взять участковые камеры по 23 прокуратурам, то только по 6 губерниям в 1 п. 1927 г. и по 4 во 2 п. 1927 г. имеем полное выполнение плановых заданий, по остальным же весьма резкое невыполнение, как, например, 136 вместо 241 в Московской губ., 19 вместо 37 в Орловской (2 п. 1927 г.).

Исходя из общего равенства прокуратуры на методы надзора, опирающиеся на непосредственную связь с трудящимися, и вместе с тем на сокращение числа обследований, представляется целесообразным ориентировочную норму периодических обозрений административных производств в дальнейшем снизить с таким, примерно, расчетом, чтобы обозрения эти производились раз в квартал. Некоторые прокуратуры, как, например, Московская, Ленинградская, проявили инициативу в смысле привлечения к обследованиям деятельности по наложению административного взыскания членов административно-правовых секций советов, что давало вполне положительные результаты. Но пока практика такого рода совместных с адм.-правовыми секциями обследований еще не получила широкого распространения, как это желательно в дальнейшем.

Другая часть плановой работы по надзору за административными взысканиями, как указывалось, шла по линии обследований вол(рай)исполкомов, сельсоветов и вол(рай)милиций.

Предложенные циркулярным письмом НКЮ от 5 января 1927 г. за № 6 схемы обследования пизовых органов уделили особое внимание проверке законности практики административных взысканий.

В связи с изменениями в методах деревенской работы и перенесением центра тяжести их с обследований на методы живой связи с массами и деревенским активом, в дальнейшем, естественно, должны будут отпасть систематические и плановые обследования, как метод надзора за законностью наложения административных взысканий в волюсти, что не исключает использования для этой цели эпизодических обследований, поскольку необходимость их будет вытекать из материалов обществено-политической работы, жалоб и заметок.

Следует заметить, что в 1927 г. жалобы и рабселькоровские заметки играли значительную роль в борьбе с различными нарушениями и ненормальностями в практике административных взысканий. К сожалению, неполнота статистического учета содержания заметок не даст

возможности выявить точную цифру тех из них, которые касались указанных нарушений, но, вне всякого сомнения, в числе 19.177 заметок в 1 п. 1927 г. и 14.992 во 2 п. 1927 г., значащихся в графе «на другие темы», значительная часть касается различных проявлений административного произвола.

Всех жалоб на неправильное наложение административных взысканий в местные прокуратуры (за исключением прокур. АССР) поступило в 1 п. 1927 г. — 9.603 (4,3%), во 2 п. 1927 г. — 7.978 (3,3%). Движение этих жалоб по отдельным прокуратурам выразилось за 1927 г.: Архангельская — 49, Астраханская — 216, Брянская — 1.545, Владимирская — 310, Вологодская — 110, Воронежская — 882, Вятская — 241, Ив.-Вознесенская — 149, Калужская — 429, Костромская — 384, Курская — 290, Московская — 920, Нижегородская — 406, Оренбургская — 78, Орловская — 708, Пензенская — 259, Рязанская — 441, Самарская — 108, Саратовская — 263, Сев.-Двинская — 33, Смоленская — 1.080, Сталинградская — 457, Тамбовская — 88, Тверская — 608, Тульская — 226, Ульяновская — 357, Ярославская — 209, Д.-В. край — 272, Ленинград обл. — 2.003, Сев.-Кавк. край — 1.566, Сибирск. край — 1.261, Уральск. обл. — 916, Адыгейск. авт. обл. — 27, Воеская — 183, Ингушская — 38, Каб.-Балкарск. — 45, Калмыцкая — 80, Карачаевск. — 43, Коми — 22, Марийская — 50, Ойратская — 11, Сев.-Осетинск. — 137, Черкесская — 12, Чеченская — 69. Всего — 17.581.

В том числе по губерниям — 10.846, по краев. и обл. объединениям — 6.018, по автоном. областям — 717.

Необходимо заметить, что в прокуратуру поступали жалобы не только по поводу неправильного наложения административных взысканий, но и по поводу различных административных правонарушений для привлечения к административной ответственности. Точное число этого рода жалоб в таблице не отражено, но о нем можно судить по числу привлечений по жалобам к административной ответственности, каковых было 3.245 в 1 п. 1927 г. и 2.686 во 2 п. 1927 г.

По поводу незаконных постановлений о наложении административных взысканий прокуратурой принимались протесты, которые в подавляющей своей части удовлетворялись и вели к отмене соответствующих незаконных постановлений. Характерно, что большая часть протестов на обязательные и протокольные постановления за 1927 г. приходится на протесты в связи с незаконным наложением штрафов. Так, всего на местах прокуратур РСФСР по обязательным и протокольным постановлениям в 1927 г. принесено было 40.934 протеста, из них 20.722 по поводу незаконного наложения штрафов.

Всего протестов на обяз. постановления принесено 1.789, на прочие постановления 99.145, из них по поводу незаконных присуждений принудительных работ — 776, незаконных штрафов — 20.722.

В приведенных цифрах обращают на себя внимание резкие отступления от среднего процентного отношения числа протестов на неправильные штрафы к общему числу протестов в губ. Астраханской (97 из 535), Курской (92 из 312), ДВК (222 из 2.151), Черкесской обл. (2 из 86), где имеем резкое снижение среднего процента, и по губ. Брянской (1.636 из 2.046), Пензенской (1.155 из 1.617), Тверской (4.541 из 5.099), где, наоборот, имеем резкое повышение. Кроме того, обращает на себя внимание громадное число протестов по поводу незаконных штрафов в Тверской губ., на которую приходится больше четверти всех принесенных 27 губпрокуратурам протестов (4.541 из 15.305), Брянской (1.636), Пензенской (1.155). Ревизия Брянской губпрокуратуры установила неточность учета этого рода протестов и недостаточно обоснованное принесение части их. Аналогичные факты выявили ревизии участковых камер губпрокурорами. С подобными формальными уклонами в надзоре за адмвзысканиями Прокуратура Республики вела борьбу. Но такого рода уклоны встречаются в виде исключений. В большинстве случаев протесты приносились вполне обоснованные в связи с существенными нарушениями при наложении адмвзысканий и извращениями классовой линии. Доказательством тому служит факт удовлетворения подавляющей части протестов.

Основная установка надзора в области административных взысканий в 1927 г. оставалась та же, что и в 1926 г., и нет оснований к изменению ее и в дальнейшем. Она заключалась не только, точнее не столько, в наблюдении за выполнением формальных требований закона при наложении административных штрафов или принудительных работ и при проведении в жизнь соответству-

ющих постановлений, но и в наблюдении за существом взыскания и соблюдением классового подхода. Вместе с тем, ведя борьбу с проявлениями административного произвола в области административных взысканий, опровергая незаконные постановления, прокуратура в то же время продолжала установку на усиление реальной борьбы с нарушениями обязательных постановлений и на устранение медленности в реализации наложенных взысканий.

Из административных правонарушений, борьбе с которыми уделялось особое внимание прокуратурой, можно указать на нарушение директив о снижении цен и правил о торговле. Ряд административных преследований за нарушение правил о торговле возбужден был по инициативе прокурорского надзора.

Сказанное об основной установке надзора в области административных взысканий, разумеется, не означает, что в отдельных случаях со стороны тех или иных недостаточно квалифицированных и недостаточно усвоивших свои права и обязанности работников прокуратуры не проявлялось формально-бюрократических извращений в данной работе. Такие извращения наблюдались, выражаясь в одних случаях неопротестованием явно незаконных и грубо нарушающих классовый подход постановлений о наложении административных взысканий, а в других, наоборот, в принесении протестов по одним лишь формальным соображениям, но по существу совершенно нецелесообразных.

Со всеми подобными уклонами необходима решительная борьба и в дальнейшем.

В 1927 г. в большем объеме чем в 1926 г. местные прокуратуры уделяли внимание анализу и обобщению накопившихся в процессе надзора материалов, характеризующих практику административных взысканий, и постановке (на основании результатов анализа и обобщений) докладов перед руководящими органами, в целях устранения организационных и иных недочетов, благоприятствовавших нарушениям революционной законности в области административных взысканий.

В дальнейшем такого рода изучения, анализ и периодические сводки материалов должны являться обязательной частью плана работы всех прокуратур на местах.

Почти все без исключения отчеты с мест констатируют безусловное укрепление революционной законности в практике административных взысканий в 1927 г., сравнительно с предыдущим годом.

Почти все отчеты говорят о снижении среднего размера штрафов за нарушения обязательных постановлений, как показатель дальнейшего изживания бюджетного уклона.

«На основании данных обследований и просмотра дел,—(пишет прокурор Ульяновской губ.),—можно констатировать, что в общем карательная линия административных органов правильна. Так, например, размер штрафа за нарушение обязательных постановлений в среднем на различные группы населения следующий: штрафуют бедняков от 1 р. до 1 р. 50 коп., середняков—от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 коп., кулаков—от 7 руб. до 10 руб., служащих—от 1 р. 50 коп. до 3 руб., рабочих—от 1 р. до 2 руб., торговцев—от 5 руб. до 25 руб.».

— В общем по губернии тяжесть адмвзысканий идет на уменьшение и соответствует правильному распределению по слоям населения (С.-Двинск).

Аналогичные отзывы имеются и в других отчетах с мест.

Тем не менее в 1927 г. продолжали наблюдаться весьма существенные нарушения, которые так же, как и предыдущие годы, преимущественно обуславливались недостаточной правовой грамотностью работников низового советского аппарата, частью же с неизжитой тенденцией рассматривались административные штрафы, главным образом, как средство пополнения местных бюджетов (т. н. «бюджетный уклон»).

В качестве иллюстрации извращений классового подхода в практике административных взысканий прокурор Великолуцкого округа приводит характерные данные о движении средних размеров административных штрафов за 3 и 4 кварталы 1927 г. по Торонецкому участку. В квартале 1927 г. средние административные штрафы по бедняцкой группе выросли в 4½ раза по сравнению с 3 кварталом и по своей абсолютной величине уступают только 2 группам—«крестьяне-середняки» и «зажиточные», будучи выше даже группы «торговцев»

на 0,42 руб. Далее, 4 квартал дал снижение средних размеров штрафов только по одной социальной группе, и этой группой оказались торговцы (снижение 68%). Наконец, группы «рабочие» и «служащие», сходные по средним размерам штрафов (3,53 р. и 3,23 р.), оказались не только ниже группы «крестьян-середняков» (абсолютно почти на 4 р.), но даже ниже «крестьян-бедняков» (абсолютно более, чем на 2 р.). Все эти данные и выводы говорят о том, что торонецкая штрафная политика утратила всякий классовый смысл, и вместо того, чтобы большей частью своего бремени лечь на наиболее мощные социальные слои,—она обрушилась на наименее мощные, в частности, бедняцкие элементы деревни.

По Усть-Медведицкому округу Сталинградской губ. средний размер штрафов по социальным группам во 2 п. 1927 г. составлял: на бедняка—1 р. 71 коп., середняка—2 р. 35 к., торговца—5 р. 58 к. и служащего—5 р. 28 коп. По Николаевскому у. той же губ. имеем соответственно: 3 руб. (середняк), 1 р. 20 к. (бедняк), 1 р. 50 к. (батрак), 2 р. 30 к. (кустарь) и 5 р. 50 к. (торговец). В Тейковском у. Иваново-Вознесенской губ. отмечается рост штрафов на рабочих и крестьян и снижение их на торговцев: так, средний размер штрафа на рабочего здесь по сравнению с 1 п. 1927 г. увеличивается с 3 р. до 3 р. 30 к., на крестьянина—с 3 руб. до 4 р., на служащего—с 4 р. до 4 р. 50 к., а на торговца снизился с 7 р. до 4 р. 33 коп.

Аналогичные факты вскрывают и ревизионные материалы губернских прокуратур, в которых мы находим указания на такие извращения, как, например, оштрафование за одно и то же нарушение противопожарных правил в 5 руб. торговца и батрака-крестьянина, или оштрафование за нарушение одного и того же обязательного постановления двух рабочих по 3 руб., а торговца в 2 рубля, или наложения штрафа в 71 руб. за мелкое лесонарушение на крестьянина-бедняка, все имущество которого оценено было в 700 руб., Сызранский адм.отдел (Ульяновск. губ.) подвергнул штрафу в 3 руб. работницу, весь заработок которой составляет 15 руб. за то, что она из ревности вымазала у подруги ворота.

Бюджетный уклон в ряде уездов выражается и в том, что штрафы за нарушения обязательных постановлений входят в среднем до установленного законом максимума. Бюджетным уклоном преимущественно обременяются и факты наложения штрафов за такие действия, которые никакого ни условного ни административного правонарушения не представляют. Так, например, отчеты сообщают о наложении штрафа в размере 3 руб. на крестьянина за то, что у него при обыске найден был нож. В другом случае оштрафован гражданин как «за нарушение порядка и тишины» за то, что в деревне публично распивал вино; наложен штраф на крестьянина за то, что он дал одну куб. сажень дров в приданое за дочь, и жениха за то, что хотел эти дрова увезти к себе, налагаются штрафы за пение песен днем на улицах и т. п.

Кампания по усилению борьбы с самогонварением во многих местах сопровождалась явными перегибами в административной практике.

Помпрокурора по Ельнинскому у. Смоленской губ. сообщает:

«Просматривая дела в Пригородном и Павлиновском ВИК'ах мною было обнаружено, что последние увлекались остротой кампании по борьбе с самогоном, налагают штрафы, непосильные для самогонщиков, ведущие к полному разорению хозяйств, совершенно не соотносясь с их имущественным положением. Так, например, на гр-на наложен штраф в размере 25 руб. за обнаруженный при обыске у него самогонный аппарат, тогда как все его имущество с надворными постройками оценивается в 200 руб.: или налагается штраф в 20 руб., тогда как у оштрафованного имеется всего одна лошадь, стоящая 40 руб., корова—35 руб. и 2 поросенка в 3 руб. Наоборот, гр-нин, имеющий собственную паровую мельницу и др. имущество, за выгонку самогонки оштрафован в 10 руб.»

Наряду с этим к числу основных недостатков в работе административных органов по наложению взысканий необходимо отнести слабый надзор за проведением в жизнь обязательных постановлений и других законов, имеющих административную практику.

Прокурор Уральской области констатирует, что

В практике применения обязательных постановлений существенным недостатком является то обстоятельство, что значительная часть обязательных постановлений исполкома и окрисполкома на местах неизвестна. Не всегда эти обязательные постановления имеются в сельсоветах и даже в РИК'ах, а население их совершенно не знает, ибо они широко не публикуются, как того требует положение от 26 июня 1926 года.

Вследствие этого обязательные постановления очень редко и применяются. Обычно, привлекаются к ответственности нарушители особо-бесовых обязательных постановлений (например, по борьбе с хулиганством, с лесными нарушениями), а остальная масса обязательных постановлений не применяется. нарушения совершаются (быть может, и по незнанию), но никаких мер воздействия не принимается. Этот недостаток в работе низовых органов отмечается многими докладами и нередко отмечается при ревизионных обследованиях областной прокуратуры. Однако и в настоящее время положение продолжает оставаться неудовлетворительным.

Излишне останавливаться на других непорядках в практике административных взысканий, поскольку они ничем не отличаются от тех, которые более подробно уже освещены в отчете Прокуратуры Республики за 1926 г. В частности, неорганизованность принудительных работ без содержания под стражей фактически не давала возможности в сколько-нибудь значительных размерах в качестве меры административных взысканий применять принудительные работы. По преимуществу они сводились к штрафам, и там, где при наложении штрафов недостаточно учитывалось имущественное положение нарушителей, естественно, приходилось затем складывать или уменьшать наложенные штрафы, а это вносило момент неустойчивости в административную репрессию, во многих случаях делало ее совершенно нереальной в 1927 г. так же, как и в 1926 г.

Зачастую обязательные постановления издаются, но очень слабо проводятся в жизнь (из доклада Рязанского участка го прокурора).

О медленности во взыскании наложенных штрафов можно судить по таким фактам, как, например, взыскание только 25% всех наложенных за 1927 г. штрафов по Козловскому уезду, по Тверской губ. взыскано было во 2 п. 1927 г.—32% наложенных штрафов, но 40% штрафа пришлось сложить, уменьшить или заменить другими мерами взыскания, а 27% остались невзысканными. По Калужской губ. в 1 п. 1927 г. было наложено штрафов около 67 тысяч руб., сложено 50 тысяч, взыскано 38 тысяч и остались невзысканными 119 тысяч. В Адыгейской области из 7.612 руб. штрафов, подлежащих взысканию во 2 п. 1927 г., 4.943 были сняты или частично заменены. Увеличивающееся в ряде мест число случаев сложения штрафов, их снижения, замены свидетельствует о недостаточном выяснении материального состояния нарушителей, об отсутствии четкости в штрафной политике.

Кроме того, обращает на себя внимание редкое применение, в качестве меры административного взыскания, предупреждения, хотя число их во 2 п. 1927 г. заметно возрастает, например, в Тверской губ. сделано было предупреждений в 1 п. 1927 г.—44, во 2 п. 1927 г.—712. Основной мерой адмвзыскания продолжает оставаться штраф.

В некоторых случаях нереальность борьбы с административными правонарушениями исключительно обуславливалась недостаточной урегулированностью и неувязкой действующего законодательства и ведомственных распоряжений.

Так обстояло дело с нарушениями правил судоходного надзора по Астраханской губернии.

Здесь, во-первых, неизбежна и навряд ли чем-либо оправдываемая волокита создавалась тем обстоятельством, что дознания об авариях 1-го разряда должны быть предварительно направляемы на согласование в Н.-Новгороде на имя нач-ка судоходного надзора Волжского бассейна, при чем это направление, за силою § 53 гл. XIV «Правил о порядке расследования, анализа и изучения причин аварий и происшествий на внутренних водных путях СССР», должно выполняться не только по делам, направляемым с обвинением или в дисциплинарном порядке, но и на прекращение.

Иначе говоря, дознаниям по авариям 1-го разряда приходится совершать путешествие примерно в 2.200 километров (до Н.-Новгорода и обратно).

Во-вторых, невыяснен вопрос о направлении дел о нарушениях правил плавания и обязательного постановления НКПС об охране порядка и безопасности движения на внутренних водных путях от 23/VI 1926 г. (С. У. 1923 г. № 1, ст. 148 и «Известия ЦИК и ВЦИК» № 150 от 3/VII—26 года) (приказ этот продлен НКПС прик. № 297 от 20/IV—28 г. до 1/X—28 года). Судебный надзор направляет эти дела в суды, которые не могут принимать к руководству в связи с изменением УК.

В результате деятельности судоходного надзора в Астраханской губ. за 1927 г. по линии дознаний буквально свелась к нулю (точнее, к отрицательной величине,—если иметь в виду затраты времени и сил): 79% общего числа законченных дознаний были направлены на прекращение, прочие же 26% дел, которые были направлены в порядке п. 2 ст. 105 УПК по признакам 75 ст. УК, не получили разрешения в судебном порядке в виду невыясненности вопроса о том, как надлежит квалифицировать нарушения правил плавания по внутренним водным путям, почему все эти дела, как и 121 дело производства 1926 года, были прекращены следственными органами за силою амнистии к X годовщине Октябрьской Революции.

Упомянутые выше существенные нарушения, подлежащие наблюдаться в практике административных взысканий, с одной стороны, значительное расширение прав по наложению административных взысканий вол (рай)исполкомов и сельсоветов, возросшее значение административных взысканий в борьбе с самогоноварением, хулиганством, лесохимизмом,—с другой, определяют и дальнейшую работу прокуратуры по линии надзора в данной области: вопрос может и должен стоять в плоскости расширения и углубления надзора, улучшения методов его, в частности, путем повсеместного систематического привлечения административных правовых секций, по об отодвингании надзора в области административных взысканий на второстепенный план, разумеется, пока не может быть и речи.

А. Н.

Советское законодательство.

(Обзор за время с 15 по 28 октября 1928 г.).

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР.

Труд.

1. Пост. СНК СССР от 8 октября о выходных пособиях, выдаваемых при увольнении в связи с рационализацией производства и рационализацией аппарата («Изв.» 21 октября, № 246) проводит различие между увольнениями по рационализации производства и рационализации аппарата. Выходные пособия рабочим государственных производственных предприятий и таких же предприятий, принадлежащих смешанным акц. обществам, выдаются в связи с проведением мероприятий по улучшению техники и организации производства в размере от полутора до трехмесячного заработка. В том же размере выдаются пособия служащим, увольняемым в связи с увольнением рабочих. Что же касается случаев увольнения служащих вследствие рационализации аппарата, то размер пособия составляет от месячного до полуторамесячного заработка. Постановление не распространяется на временных работников и на лиц, занятых на сезонных работах.

Кооперация.

2. Пост. ЦИК и СНК СССР от 17 октября о дополнении пост. ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. о жилищной кооперации («Изв.» 27 октября, № 251). Общегражданским жилищно-строительным кооперативам предоставлено право закладывать строения и право застройки частным обществам взаимного строительного кредита, членами которых они состоят. Этим обществам предоставлено право обращать взыскание на строения и право застройки и оставлять их за собой в случае безуспешности торгов («С. З.» 1927 г. № 2, ст. 14, 1928 г. № 26, ст. 231, и № 60, ст. 547).

3. Пост. СНК СССР от 17 августа о распределении Положения о торговой регистрации на потребительскую кооперацию («С. З.» № 53, ст. 478). Кроме внесения редакционных изменений в Положение о торговой регистрации («С. З.» 1927 г. № 57, ст. 579) оно дополнено специальной статьей, устанавливающей перечень сведений, вносимых в реестр при регистрации потребительских обществ и союзов, составленный применительно к особенностям потребительской кооперации. Зарегистрированные уже в установленном порядке потребительские общества и союзы непосредственно переносятся в книги торгового реестра в порядке основной регистрации без производства публикаций. Правительство союзных республик устанавливают срок введения в действие постановления.

4. Пост. СНК СССР от 16 августа о вкладных операциях кооперативных организаций, действующих не на основании Положения о кооперативном кредите («С. З.» № 53, ст. 476). Разрешено принимать вклады только от своих членов кооперативным организациям потребительским, сельско-хозяйственным и промышленным, на которые не распространяется положение о кооперативном кредите. Размер процента по вкладам не должен превышать размера, взимаемого в сельских местностях сельско-хозяйственными кредитно-кооперативными товариществами. Во всех остальных случаях размер должен быть не свыше 12%.

5. Пост. СТО от 16 августа о взаимоотношениях между государственными и кооперативными хлебозаготовителями в хлебозаготовительную кампанию 1928—29 года («С. З.» № 53, ст. 480). Государственным хлебозаготовителям запрещено заключать договоры с кооперативами и их объединениями без согласия вышестоящих организаций, если указанные кооперативы и объединения загружены вышестоящими организациями в порядке выполнения генеральных договоров или особых положений, утвержденных кооперативными центрами. Предельный срок действия указанного положения устанавливается НКВБТ. Незагруженные кооперативы и объединения обязаны о всех заключенных ими договорах с госхлебозаготовителями извещать вышестоящие кооперативные организации. Часть хлебозаготовок союзов потребительской и сельскохозяйственной кооперации в производящих районах выделяется для местного снабжения. Воспрещена заготовка кооперацией хлеба через частных лиц и для частных хлебозаготовителей.

6. Пост. ЦИК и СНК СССР от 10 августа об основаниях долгосрочного кредитования кооперации («С. З.» № 52, ст. 451) издано в отмену закона 20 февраля 1928 года («С. З.» № 14, ст. 120). Основные положения нового закона следующие: фонды долгосрочного кредитования, учреждаемые при кооперативных банках каждой союзной республики, предназначаются для удовлетворения потребности кооперации в долгосрочном кредите. Ссуды из них выдаются на капитальные затраты, на увеличение оборотных средств и на образование или увеличение основных и специальных капиталов. В РСФСР фонд учрежден при правлении Всекобанка. Фонды подразделяются на общий и специальные. Общий фонд составляется из ассигнований по бюджету; в него обращаются возвратные ассигнования, суммы задолженности кооперации казне, платежи в кооперативные банки по ссудам, выданным за счет бюджетных ассигнований и ежегодные проценты, причитающиеся казне с кооперативных банков за пользование бюджетными средствами. Средства остаются в фонде в течение всего срока, определяемого в договоре между банком и казной. Материальная ответственность перед казной за своевременный возврат средств общего фонда возлагается на кооперативные банки; они освобождаются от этой ответственности лишь в случае выдачи ссуд по распоряжению НКФ союзной республики. Специальные фонды составляются из средств самой кооперации: обязательных ежегодных отчислений в размере не менее 5% от чистой прибыли кооперативных центров, союзов кооперативов (исключая сельско-хозяйственные кредитные союзы), центральных рабочих кооперативов, городских и транспортных потребительских обществ, отчислений от чистой прибыли кооперативов низовой сети в размере, устанавливаемом кооперативными центрами, капиталов, образуемых кооперативными организациями для выдачи долгосрочных ссуд, отчислений от чистой прибыли кооперативных банков и процентов, причитающихся с коопбанков за пользование перечисленными средствами. Правительства союзных республик издают положения о фондах, регулирующие вопросы, не рассмотренные общесоюзным законом.

Социальное страхование.

7. Пост. ЦИК и СНК СССР 15 августа о тарифе взносов на социальное страхование для коммунальных предприятий («С. З.» № 52, ст. 453). Коммунальные предприятия, независимо от того, находятся ли они на местном бюджете или на коммерческом расчете, отнесены к пункту «з» группы III временного льготного тарифа («С. З.» 1925 г. № 14, ст. 107). Некоторые предприятия: местного транспорта, электростанции, газовые заводы, гостиницы, скотобойни, торговые предприятия и промышленные предприятия, выпускающие продукцию на рынок, уплачивают взносы по соответствующему разряду опасности и вредности нормального тарифа, независимо от того, состоят ли они на бюджете или на коммерческом расчете.

8. Пост. ЦИК и СНК СССР от 22 августа об установлении централизованного порядка начисления и уплаты акциза

(«С. З.» № 53, ст. 469). Устанавливается централизованное начисление акциза за предметы, выработанные государственными промышленными трестами на принадлежащих им производственных предприятиях. Как начисление, так и оплата производится правлением. Для перехода на централизованный порядок необходимо такое состояние отчетности, при котором вполне обеспечивается этот порядок. Наркомфин осуществляет контроль над начислением и устанавливает порядок его проверки. Постановление введено в действие с 1 октября 1928 г.

9. Пост. СНК СССР от 7 августа об изменении ст. 3 пост. СНК СССР от 20 февраля 1928 года о порядке определения и распределения прибылей («С. З.» № 53, ст. 474). К ведению законодательства союзных республик отнесено рассмотрение и утверждение отчетов и балансов госпредприятий местного значения, действующих на началах коммерческого расчета, распределение их прибылей и определение порядка покрытия убытков (см. «С. З.» 1928 г. № 17, ст. 147).

10. Пост. ЦИК и СНК СССР от 24 октября об изменении положения о местных финансах («Изв.» 26 октября, № 250). Союзным республикам предоставлено право повышать предельный размер ставки налога со строений до половины процента материальной их стоимости. Изменен размер налога с грузов, перевозимых и вывозимых по железнодорожным путям сообщения; пятикратная потонная, поштучная или повагонная начальная за 1 километр пробега данного груза ставка тарифа установлена для грузов, перевозимых по схемам специальных тарифов; пятидесятикратная для багажа-товара, грузов пассажирской скорости и грузов первых четырех классов нормального тарифа, а также пассажирского багажа; пятинадцатикратная для всех прочих грузов. В тех случаях, когда тариф выражен в виде платы за все расстояние перевозки, предельный размер налога не должен превышать начальной ставки. Установлены льготы для перевозки строительных материалов. Поступления налога с грузов обращаются исключительно на местное дорожное строительство.

Изменен также размер налога с биржевых сделок.

Таможенный Устав.

11. Пост. ЦИК и СНК СССР от 22 августа о дополнении Таможенного Устава СССР ст. 260¹ («С. З.» № 53, ст. 470). В пределах 100-километровой пограничной полосы в Азии приравнены к контрабанде также хранение и скупка частными лицами золота в сыром виде, а также в слитках и неопробированных изделий. Исключение допущено для хранения и скупки золота частными лицами, производящими их по мандатам государственных золотопромышленных и золототорговых учреждений и предприятий, для хранения золота в сыром виде частными арендаторами на отведенных им площадях, старателями на территории приисков и в приисковых поселениях и т. д.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА Р. С. Ф. С. Р.

Кодекс законов о браке, семье и опеке.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 72 и прим. к ней Кодекса законов о браке, семье и опеке («Изв.» от 17 октября, № 242). Органами опеки и попечительства признаны президиумы краевых и областных исполкомов; президиумы областных, губернских, окружных, уездных и районных исполкомов и горсоветов, а также президиумы горисполкомов в безуездных городах; райисполкомы и сельсоветы. В пределах городов осуществление этих функций возлагается президиумами горсоветов на городские части соответствующих отделов исполкомов.

Лесной Кодекс.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 17 сентября об изменении ст. 48 Лесного Кодекса РСФСР («Изв.» 30 октября, № 245). Договоры, заключаемые Наркомземами на эксплуатацию лесных дач, предназначенных для удовлетворения предприятий промышленности и транспорта, вступают в силу с момента их заключения; при наличии возражений со стороны НКФ РСФСР они утверждаются ЭКОСО РСФСР.

Гражданский Процессуальный Кодекс.

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 1 октября об изменении ст. 226 ГПК РСФСР («Изв.» 24 октября, № 248). Ходатайства лиц, желающих быть освобожденными от военной службы по религиозным убеждениям, подаются в губернский суд. Дела эти слушаются с вызовом заявителя и при обязательном участии представителя прокуратуры.

Жилищное законодательство.

4. Пост. СНК РСФСР от 29 сентября об установлении для города Москвы и Московской губернии минимального числа членов рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ («Изм.» 23 октября, № 247). Норма эта—100 членов, а в уездах Московской губернии не менее 25 членов (См. «С. У.» 1927 г. № 77, ст. 530).

5. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 17 сентября о дополнении ст. 6 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июля 1926 г. об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений («Изм.» от 26 октября № 250). Разрешено выселять с предоставлением пригодной для жилья площади и транспортных средств из школ, домов отдыха и др. учреждений социального обеспечения и социального страхования всех посторонних лиц, в том числе инвалидов, утративших связь с данным учреждением.

6. Пост. СНК РСФСР 5 октября о дополнении пост. СНК РСФСР от 24 марта 1928 г. о мероприятиях по обеспечению жилой площадью работников учреждений и предприятий СССР за границей («Изм.» от 18 октября, № 243). Лица, занимавшие площадь этих работников без соблюдения установленных правил, выселяются в административном порядке без предоставления жилой площади по требованию того госоргана, работник которого командирован за границу, независимо от оснований вселения. Действие закона распро-

странено и на дома, прикрепленные к учреждениям и предприятиям.

Советское строительство.

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 17 сентября об изменении пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля 1928 года об утверждении Положения об управлениях строительного контроля в краях, областях и губерниях РСФСР («Изм.» 24 октября, № 248). Управления строительного контроля учреждаются в качестве отделов исполкомов и осуществляют свою деятельность под общим руководством строительной комиссии РСФСР. В соответствии с последним положением изменена редакция ряда статей закона 27 февраля (см. С. У. 1928 г. № 31, ст. 225).

Труд.

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября о порядке организации и деятельности артелей старателей («Изм.» от 27 октября, № 251) издано на основании пост. ЦИК и СНК СССР от 22 июня 1928 г. («С. З.» № 40, ст. 365). Старательские артели, не имеющие зарегистрированного устава, не пользуются правами юридического лица и выступают в гражданском обороте либо как совокупность членов артели, либо через уполномоченного артели, действующего на основании доверенности.

М. Брагинский.

В институтах и обществах.

Жилищные условия и преступность в г. Москве.

(В Госуд. Институте по изучению преступности и преступника).

С докладом на эту тему выступил тов. Теодорович.

Гор. Москва среди мировых центров занимает весьма видное место. Население ее в данное время достигло солидной цифры—2 026.000 чел., при чем эта цифра еще считается непоказательной, т. к. население Москвы с каждым годом и даже днем заметно увеличивается. Нужно отметить, что с 1921 г. по 1926 г. население Москвы увеличилось почти вдвое, и становится очевидным, что рост жилищ ни в коей мере не поспевает за ростом населения. Так, с 1921 г. по 1926 г. имеется увеличение жилищ лишь на 39,1%. Москва в этом отношении по сравнению с другими промышленными центрами Союза находится в крайне неблагоприятных условиях.

В связи с жилищным кризисом обычно приходится в одной квартире жить нескольким семьям. Мало того, наблюдаются такие комнаты, в которых ютятся по несколько семей. Вычислено, что большая часть населения Москвы живет в одной комнате. Проживавших в одной комнате в 1923 г. насчитывалось 520.000 чел., а уже в 1926 г. насчитывалось 1.160.000 чел. На-ряду с этим т. Теодорович отмечает, что в Берлине в пятером живут в одной комнате 1 миллион человек. Вследствие недостатка жилищ многим приходится искать крова в ночлежных домах, которые, однако, тоже не могут вместить всех бездомных, почему можно наблюдать ночующих людей на вокзалах, в парках, садах. В середине этого года ночлежные дома Москвы пропускали до 7.000 чел. в день, в то время, как число бездомного населения значительно больше.

Вследствие невозможных жилищных условий известное количество населения

уходит преждевременно в могилу, не говоря уже о том, что заболеваемость по причине жилищных условий чрезвычайно высока. Все это подтверждается медицинской статистикой, которая учитывает также и жилищные условия. Жилищные условия также имеют влияние на нравственность человека.

Вопросом связи жилищных условий с преступностью занимались сравнительно недавно. Лишь с 1922 г. впервые начали появляться за границей научные труды по исследованию этого вопроса. У нас, в СССР, этот вопрос является совершенно новым.

Приведенные т. Теодоровичем цифры в отношении квартирных условий осужденных говорят, что в 1923 г. у 67,1% осужденных остались невыясненными квартирные условия, в 1924 г.—66,4%, в 1925 г.—45,6% и в 1926 г.—36,2%. Это говорит за то, что в последнее время квартирному вопросу среди осужденных стали уделять больше внимания.

Какие же виды преступлений падают на живущих в тех или других квартирных условиях? Имущественные преступления и против порядка управления составляют наибольшее количество—94%. Больше всего осужденных, занимавших угол. Преступления против порядка управления более всего приходятся на счет занимавших дом или квартиру; занимавших комнату—преступления против личности, а угол и без определенного места жительства—преступления имущественные.

Современные жилищные условия в Москве в достаточной мере влияют и на настроение человека. Споры, раздоры из-за кухни, ванны, плиты. Из-за пустяков происходят скандалы, драки, ранения и даже убийства. Вынужденное сожительство враждующих людей превращает их жизнь в ад, человек берется за последнее средство—убийство или самоубийство. Только что был всажен в грудь тов. Короваева нож белогвардей-

ца Калганова, который из-за собаки готов был лишить жизни своего классового врага. А сколько таких случаев, как обливание друг друга помоями, кипятком; порча обеда и т. д. Разве можно перечислить все те случаи, которые происходят у нас на кухне. В виду этого преступления против личности показывают рост. Отмечается значительное увеличение преступлений против личности среди женщин. Количество убийств на почве жилищных условий увеличилось по сравнению с 1923 г. чрезвычайно.

М. Кольцов как-то в своем фельетоне указывал, что на первом месте в Москве по количеству преступлений стоит Красно-Пресненский район и на последнем Хамовнический район. Нужно сказать, что это непоказательно, т. к. и по количеству жителей Кр.-Пресн. район является наибольшим, а Хамовнический наименьшим. Увеличение преступности больше всего зависит от скученности населения. Наиболее скучным в Москве является Бауманский район, который имеет наибольшее количество возбужденных дел в порядке частного обвинения, и наименее скученный район Хамовнический, имеет меньшее количество возбужденных дел.

В заключение докладчик указал, что в целях уменьшения или хотя бы приостановления увеличения преступности должны быть приняты срочные меры к неухудшению настоящих жилищных условий гор. Москвы.

В прениях было отмечено, что к приведенным цифрам в докладе следует относиться весьма осторожно, т. к. автором доклада приводятся статистические сведения лишь с 1923 г., и если бы материал был подобран, напр., с 1922 г., то цифры бы резко изменились еще в сторону увеличения преступности.

Отмечена была важность и новизна темы и значимость данных докладчика для дальнейшего исследования и углубления этого вопроса.

А. Долгис.

Х р о н и к а

Трудовые артели.

По новой инструкции НКТруда РСФСР (№ 218 от 27 июля 1928 г.—«Труд» № 201 1928 г.; к инструкции приложен нормальный устав трудовой артели) трудовыми артелями являются объединения граждан для выполнения работ личным трудом своих членов в чужом предприятии или хозяйстве. Трудовыми артелями, признаются также артели, имеющие подсобные мастерские с числом занятых в них членов артели не более 25 проц. общего числа членов артели, а равно трудовые артели, имеющие сложное оборудование, стоимость которого составляет не более 50 проц. общей суммы паевых взносов членов артели.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30/I—28 г. «С трудовых артелях» и настоящие правила не распространяются на бытовые артели, условия труда которых определяются общим законодательством о труде.

Членами трудовых артелей могут быть лица, достигнувшие 16-летнего возраста, не эксплуатирующие наемного труда с целью извлечения прибыли. Учредителями, членами правления (старостами), членами ревизионной комиссии могут быть лица, обладающие избирательными правами в советы.

Трудовая артель может брать на себя выполнение работ в порядке трудового договора и договора подряда. При выполнении артелью работы в порядке подряда цена материала, необходимого для выполнения его, не может превышать 10.000 руб.

Трудовые договоры с артелью заключаются нанIMATEЛЕМ в письменной форме с правлением артели или старостой артели.

В отношении трудовых договоров, заключаемых с трудовыми артелями, соответственно применяются правила ст.ст. 32, 34, 44 п.п. «а», «б» и «в», 45 и 48 (за исключением примечания) Кодекса Законов о Труде, а в отношении работающих членов артели—ст.ст. 84, 85, 93, 129—131 Кодекса Законов о Труде. Все законодательство по технике безопасности и промышленной санитарии, а также по охране труда на тяжелых и вредных работах женщин и несовершеннолетних распространяется в полном объеме на работающих членов трудовой артели.

В трудовых договорах указывается сумма договора. При этом отдельно определяется стоимость материала и стоимость производства работ.

В тех случаях, когда работы производятся не менее чем на 50 проц. из материалов нанIMATEЛЕМ и без представления со стороны артели сложного оборудования, а равно при предоставлении сложного оборудования со стороны нанIMATEЛЕМ или при выполнении артелью работ, не требующих материалов (например, погрузочно-разгрузочные работы), договор между артелью и лицом (физическим или юридическим), для которого производится работа, должен рассматриваться как трудовой договор.

Продолжительность рабочего дня, время начала и окончания работ определяются соглашением сторон. Поряд-

док выполнения работ отдельными членами артели устанавливается артелью с соблюдением правил ст.ст. 109, 112, 132 и 134 Кодекса Законов о Труде.

Случаи и порядок расторжения трудового договора с артелью устанавливаются соглашением сторон. В тех случаях, когда нанIMATEЛЕМ обязан по договору или по закону предупредить артель о предстоящем увольнении, предупреждение должно быть сделано в письменной форме на имя органов управления артели за срок, предусмотренный в договоре, а при отсутствии предупреждения—уплатить выходное пособие в размере, предусмотренном в договоре. В тех случаях, когда договор заключен на неопределенный срок, а порядок расторжения не предусмотрен договором, нанIMATEЛЕМ обязан предупредить артель за 3 дня или уплатить выходное пособие в размере 3-дневного заработка артели. В тех случаях, когда нанIMATEЛЕМ обязан предупредить артель, выполняющую работу по трудовому договору, о предстоящем увольнении, предупреждение должно быть сделано в письменной форме на имя органов управления артели.

Трудовая артель, при выполнении работы в порядке трудового договора, несет ответственность за ущерб, причиненный по вине или небрежности артели или ее отдельных членов имуществу нанIMATEЛЕМ в процессе работы, в том числе за порчу машин, материалов и пр. Кроме того, артель обязана возместить убытки, причиненные нанIMATEЛЕМ невыполнением договора в срок или ненадлежащим исполнением договора. Убытки, причиненные нанIMATEЛЕМ артелью, взыскиваются в судебном порядке с артели в целом, и размер их определяется судом; размер подлежащих возмещению убытков не может превышать половины всей суммы заработной платы, причитающейся артели по договору.

При выполнении артелью работы в порядке подряда ответственность за соблюдение норм по технике безопасности, производственной санитарии и гигиены несет подрядодатель и правление артели солидарно.

Для выполнения работ по обслуживанию артели, которые не могут быть исполнены самими членами артели (канцелярские работы, разработка технических вопросов и проч.), артель может приглашать на службу посторонних лиц с тем, чтобы общее число наемных работников не превышало, во всяком случае, 10% всего состава членов артели.

Члены правления артели или другие лица, уполномоченные артелью на ведение работ, допустившие применение наемного труда в скрытой форме, подлежат уголовной ответственности по ст. 133 У. К.

Оплата труда специалистов.

Особые фонды заработной платы для оплаты труда специалистов, работающих в учреждениях и предприятиях общесоюзного значения (в том числе в учреждениях, подведомственных наркоматам Союза ССР), подпадающих под действие постановления СТО от 2 ноября 1923 г. «О порядке установления персональных

окладов и особых вознаграждений за выполнение специальных заданий работникам государственных органов и акционерных смешанных обществ с преобладающим государственным капиталом («Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР» 1923 г. № 8, ст. 260) и Собр. Зак. СССР 1923 г. № 33, ст. 346), устанавливаются на первое полугодие 1928/29 г. (октябрь—март) в тех же размерах, в которых особые фонды были установлены на 1927/28 г. Представления заявок на указанные фонды не требуются.

Остатки особых фондов зарплаты, не израсходованные в течение второго полугодия 1927—28 г., не переносятся в суммы особых фондов на первое полугодие 1928/29 г.

Правило это не распространяется на следующие учреждения и предприятия: хозорганы, подведомственные ВСНХ СССР (особые фонды для этих хозорганов представляются Наркомтрудом СССР в распоряжение ВСНХ СССР); учреждения и предприятия, в которых предусмотрено государственное нормирование заработной платы, или система должностных окладов по коллективным договорам, или особая тарифная сетка для оплаты специалистов. (Пост. НКТ СССР № 519 от 10 сентября 1928 г.—«Труд» № 219 1928 г.).

Когда допускается применение ненормированного рабочего дня.

В учреждениях, в которых введено государственное нормирование заработной платы, отнесение отдельных должностей к категории работ с ненормированным рабочим днем производится органами НКТруда.

В постановлении об утверждении должностных окладов орган НКТ указывает те должности в штатах данного учреждения, которые отнесены к категории работ с ненормированным рабочим днем.

При отнесении должностей к категории работ с ненормированным рабочим днем органы НКТ должны руководствоваться установленным НКТ РСФСР примерным перечнем таких должностей. Перечень этот, являясь предельным, не может быть расширен местными органами НКТ и должен применяться последними с учетом характера и условий работы по данной должности в каждом данном учреждении.

Для должностей с ненормированным рабочим днем устанавливается в общем порядке твердый должностной оклад, без деления его на основной и доплату. При определении размера оклада учитывается невозможность ограничить данную работу общепринятыми нормами рабочего дня.

Лица, занимающие должности с ненормированным рабочим днем, освобождаются на общих основаниях от работы в дни еженедельного отдыха, праздничные дни и особые дни отдыха. В случае привлечения упомянутых лиц к работе в эти дни им предоставляется взамен неиспользованных праздничных дней или дней отдыха другие выходные дни в течение ближайшей недели или то соглашению с работником проработанное время в указанные дни может быть компенсировано удлинением очередного отпуска, но не более чем до одного месяца в общей сложности.

В учреждениях, где заработная плата выплачивается в порядке соглашения

(по тарифным разрядам или по должностным окладам), применение наемного труда без нормирования рабочего дня, кроме случаев, предусмотренных особыми законами, допускается только в случаях, оговоренных в коллективных договорах и лишь для следующих категорий должностей: для административного персонала, т. е. для руководителей учреждений и предприятий или отдельных их частей, их помощников и заместителей, для лиц, труд которых не поддается учету во времени, для лиц, которые распределяют время работы по своему усмотрению, и для лиц, рабочее время которых по характеру работы дробится на части неопределенной длительности.

Могущие возникнуть при заключении коллективного договора разногласия по вопросу об отнесении той или иной должности к категории работ с ненормированным рабочим днем разрешаются в обычном конфликтном (примирительно-третейском) порядке.

Если в коллективном договоре установлены должности с ненормированным рабочим днем, то в трудовых или коллективных договорах или в правилах внутреннего распорядка должны быть перечислены все основные обязанности лиц, занимающих эти должности.

В случае выполнения работ, не связанных с обязанностями, предусмотренными в трудовых или коллективных договорах или в правилах внутреннего распорядка, эти работы должны оплачиваться особо по соглашению.

Лица, занимающие должности с ненормированным рабочим днем, на общих основаниях освобождаются от работ в дни еженедельного отдыха, праздничные дни и особые дни отдыха, за исключением случаев, особо оговоренных в коллективных или трудовых договорах или правилах внутреннего распорядка, с указанием в них порядка компенсации за работу в эти дни.

При отсутствии такой оговорки работы, производимые в отдельных случаях в указанные дни, должны быть компенсированы на общих основаниях.

В примерном перечне приведена судебно-прокурорская группа должностей с ненормированным рабочим днем: судьи, в том числе народные судьи, председатели и члены губсудов, главсудов, Верхсуда, председатели и члены арбитражных комиссий, председатели и постоянные члены земельных комиссий, председатели комиссий по делам о несовершеннолетних; прокуроры, помпрокуроров; секретари земельных и арбитражных комиссий; судебные исполнители; народные следователи.

(Пост. НКТруда РСФСР № 112 от 20/IV—28 г.—«Изв. НКТ» № 28/26—28 г.).

Правила обеспечения по инвалидности в порядке соц. страхования.

Союзным Сов. Соц. Страх. утверждены новые правила обеспечения в порядке соц. страхования по инвалидности и по случаю смерти кормильца (№ 397 от 4/VII—28 г.—«Изв. НКТ» № 28/29—28 г.).

Условия и нормы обеспечения по случаю стойкой нетрудоспособности (инвалидности) определяются в зависимости: от причин, вызвавших нетрудоспособность; от степени утраты трудоспособности.

В зависимости от причин различается инвалидность, вызванная: несчастным случаем, происшедшим в связи с работой по найму (трудоустройство); профессиональным заболеванием; общими причинами (болезнь, нетрудовое увечье, старость).

Несчастный случай признается происшедшим в связи с работой по найму, если он произошел: при выполнении обычных обязанностей работника, а также при выполнении отдельных поручений на нанимателя или уполномоченных им лиц (в том числе во время командировок); при совершении действий, хотя и без поручений нанимателя или уполномоченных им лиц, но в интересах предприятия или учреждения; при выполнении общественных обязанностей, связанных с данным предприятием или учреждением; на территории предприятия или учреждения или в ином месте работы в течение рабочего времени, включая установленные перерывы в течение времени, необходимого для приведения в порядок орудий производства, одежды и т. п. перед началом или по окончании работы; вблизи предприятия или учреждения или иного места работы в течение рабочего времени, если нахождение там не противоречило правилам внутреннего распорядка; во время пути на работу и с работы домой.

Профессиональными заболеваниями в смысле настоящих правил считаются заболевания, перечисленные в списках, утверждаемых Союзным Советом Социального Страхования при НКТ СССР.

Правом на обеспечение по инвалидности, вызванной общими причинами, пользуются все работающие по найму лица, на которых распространяется полное страхование. Правом на обеспечение по инвалидности, вызванной трудовым увечьем или профессиональным заболеванием, пользуются работающие лица, на которых распространяется полное или частичное страхование.

В зависимости от степени утраты трудоспособности, инвалиды труда делятся на следующие группы: I. Инвалиды, не только неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но нуждающиеся для удовлетворения своих обычных жизненных потребностей в постороннем уходе. II. Инвалиды, неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся для удовлетворения своих обычных жизненных потребностей в постороннем уходе. III. Инвалиды, неспособные к регулярной работе по найму, но могущие добывать средства случайным и притом легким трудом, если их инвалидность должна повлечь за собой, по заключению органов врачебной экспертизы, уменьшение заработка в размере свыше 50%. IV. Инвалиды, способные продолжать работу по найму с пониженной трудоспособностью, если их инвалидность должна повлечь за собой, по заключению органов врачебной экспертизы, уменьшение заработка приблизительно в пределах от 30 до 50%. V. Инвалиды, способные продолжать работу по найму с пониженной трудоспособностью, если их инвалидность должна повлечь за собой, по заключению органов врачебной экспертизы, уменьшение заработка приблизительно в пределах от 15 до 30%. VI. Инвалиды, способные продолжать работу по своей профессии с пониженной трудоспособностью, если их инвалидность должна

повлечь за собой, по заключению органов врачебной экспертизы, уменьшение заработка не более чем на 15%.

Не считаются утратившими трудоспособности лица, которые вынуждены оставить вследствие инвалидности прежнюю профессию, но могут по заключению органов врачебной экспертизы перейти к другой профессии с той же или большей оплатой труда без специального переподготовки.

Правом на пенсию по инвалидности, вызванной общими причинами, пользуются лица, отнесенные к одной из первых трех групп инвалидности,

Правом на пенсию по инвалидности, вызванной трудовым увечьем или профессиональным заболеванием, пользуются: лица, подлежащие полному страхованию,—если они отнесены к какой-либо из шести групп инвалидности; лица, подлежавшие частичному страхованию,—если они отнесены к одной из первых трех групп инвалидности.

Обеспечение по инвалидности представляется: в случае инвалидности, вызванной общими причинами,—при условии работы по найму в течение определенного срока; в случае инвалидности, вызванной трудовым увечьем или профессиональным заболеванием,—независимо от общей продолжительности работы по найму.

Для получения обеспечения по инвалидности, вызванной общими причинами, требуется следующая продолжительность работы по найму, проходящей по полному страхованию, ко дню прекращения работы или наступления инвалидности в период работы по найму: для лиц в возрасте: до 20 лет—1 год, свыше 20 до 25 лет—2 года, свыше 25 до 30 лет—3 года, свыше 30 до 35 лет—4 года, свыше 35 до 40 лет—5 лет, свыше 40 до 45 лет—6 лет, свыше 45 до 50 лет—7 лет, свыше 50 лет—8 лет.

В стаж работы по найму включаются: периоды выплаты пособия по временной нетрудоспособности; время, проведенное безработным в коллективах или предприятиях, организуемых комитетами бирж труда; время, проведенное безработным на общественных работах, если до посылки на общественные работы безработный получал пособие по безработице или имел право на пособие.

Обеспечение по инвалидности представляется, если инвалидность наступила: в период работы по найму или не позднее двух лет со дня прекращения работы по найму; не позднее двух лет со дня прекращения выплаты пособия по временной нетрудоспособности, если работа по найму прекращена в период временной нетрудоспособности; в период обеспечения по безработице.

Если время наступления инвалидности не может быть определено органами врачебной экспертизы, то днем наступления инвалидности считается день ее установления.

Пенсия лицам, отнесенным к полному страхованию, исчисляется, исходя из среднего месячного заработка за последние 12 месяцев работы по найму в течение 2 лет, предшествующих прекращению работы или наступлению инвалидности в период работы по найму.

Лицам, проработавшим за последние два года менее 12 месяцев, пенсия исчисляется, исходя из их среднего месячного заработка за проработанное время.

В этом случае принимаемый в расчет заработок не должен превышать полуторной тарифной ставки данного лица (или лиц одной с ним профессии и квалификации) ко дню прекращения работы по найму.

Лицам, проработавшим на работе высшей квалификации не менее 5 лет и перешедшим на работу низших квалификаций, пенсия исчисляется, исходя из их прежнего заработка, если со дня оставления работы по высшей квалификации прошло не более 4 лет при общем 15-летнем стаже работы по найму и не более 3 лет при меньшем стаже.

Пенсия инвалидам, утратившим трудоспособность вследствие общих причин и имевшим указанные ниже месячные заработки, назначается в следующих размерах в месяц: при заработке не свыше 10 р.—в размере полного заработка инвалидов I, II и III групп; при заработке свыше 10 р., но не свыше 14 р.: инвалидам I и II групп—в размере полного заработка, инвалидам III группы—в размере 10 руб.; при заработке свыше 14 р., но не свыше 20 р.: инвалидам I группы—в размере полного заработка, инвалидам II группы—в размере 14 р., инвалидам III группы—в размере 10 р.; при заработке свыше 20 р., но не свыше в I и II поясах 40 р., а в III и IV поясах 30 р.: инвалидам I группы—в размере полного заработка, инвалидам II группы в размере $\frac{2}{3}$ заработка, инвалидам III группы—в размере $\frac{1}{2}$ заработка;

при заработке в указанных ниже пределах:

	Разм. мес. пенсии		
	I гр.	II гр.	III гр.
В I и II пояс. при зараб.			
от 40 до 60 р.	40 р.	27 р.	20 р.
В III и IV пояс. при зараб.			
от 30 до 45 р.	30 »	20 »	15 »
В V и VI пояс. при зараб.			
от 20 до 45 р.	20 »	14 »	10 »

Инвалидам, утратившим трудоспособность вследствие общих причин, если их месячный заработок превышает: в I и II поясах—60 р., в III и IV поясах—45 р. и IV и V поясах—30 р. (п. «д» ст. 36)—пенсия назначается в следующих размерах: инвалидам I группы— $\frac{2}{3}$ заработка, инвалидам II группы— $\frac{1}{2}$ заработка, инвалидам III группы— $\frac{1}{3}$ заработка.

Инвалидам из числа лиц, отнесенных к полному страхованию, если их инвалидность вызвана трудовым увечьем или профессиональным заболеванием, пенсия назначается в следующих размерах: инвалидам I группы—полный заработок, инвалидам II группы— $\frac{3}{4}$ полного заработка, инвалидам III группы— $\frac{1}{2}$ полного заработка, инвалидам IV группы— $\frac{1}{3}$ полного заработка, инвалидам V группы— $\frac{1}{4}$ полного заработка и инвалидам VI группы— $\frac{1}{10}$ полного заработка.

Порядок перевода из одного профсоюза в другой при переходе на другую работу.

ВЦПС разъяснил (п. № 120 от 24 августа 1928 г.—«Труд» № 212—28 г.), что члены союза, поступающие на постоянную работу в предприятие или учреждение, рабочие и служащие которого объединяются другим союзом, остаются в своем союзе в течение установленного испытательного срока; по истечении такового, с момента зачисления на по-

стоянную работу они переводятся в союз, объединяющий рабочих и служащих данного предприятия или учреждения.

Правила сдачи в наем членами рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ части предоставленной им жилплощади.

Сдача членами рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ в наем части предоставленной им жилой площади допускается только с согласия правления товарищества.

Правление рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества не может отказывать рабочим и служащим с низким заработком в согласии на сдачу в наем части предоставленной им жилой площади, за исключением случаев: если в результате сдачи жилой площади в наем создается чрезмерная переуплотненность помещения, когда жилая площадь на одного человека составит менее 4,5 кв. метра; если по выяснившимся условиям найма будет установлено, что член товарищества преследует цели извлечения от сдачи в наем переданной ему площади дохода, превышающего 150% платежей, вносимых им в правление т-ва за сдаваемую в наем площадь; если член товарищества желает сдать площадь в наем нанимателю не из числа рабочих и служащих; если площадь сдается не по прямому назначению ее, т.е. не для жилых целей.

При сдаче членом т-ва части площади, преимущество на снятие этой площади имеют члены того же т-ва.

При сдаче жилой площади в наем должны заключаться письменные договоры с указанием срока найма и размера оплаты. Указанные договоры составляются в трех экземплярах и должны быть визированы правлением товарищества, при чем один экземпляр договора остается у члена т-ва, сдающего часть своей площади, один передается с'емщику и один остается при делах товарищества.

Договоры найма жилой площади, предоставленной членами рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ, не возобновляются автоматически, и по истечении срока найма сданная в наем площадь подлежит освобождению, если сторонами не будет заключен новый договор. Правление товарищества может требовать досрочного расторжения договора, если во время действия договора возникнут или выяснятся обстоятельства, указанные выше, либо при наличии оснований, установленных законодательством (хищническое отношение к помещению и т.п.).

Отказ в разрешении на сдачу площади в наем может быть обжалован по кооперативной линии в соответствующий союз жилищной кооперации, решение которого по этому вопросу является окончательным.

(Цирк. НКВД № 301 от 30/VIII—28 г.—«Бюлл. НКВД» № 32—28 г.).

Пользование древесиной в лесах местного значения.

НКЗем разъяснил (п. № 219-ЛУ от 18/VIII—28 г.—«Бюлл. НКЗема» № 35—28 г.), что право пользования древесиной из лесов местного хозяйства имеют:

Батраки и пастухи, кузнецы, проживающие на территории общества.

Педагогический персонал, избачи, ку стари и прочие, т.е. такие лица, кои обслуживают своим трудом данное общество.

Участковые агрономы, землеустроители, мелиораторы, лесоводы лесов местного значения, медицинский и ветеринарный персонал, состоящие на работе и проживающие на территории данного общества.

Рабочие и служащие государственных и общественных учреждений и организаций (вызов, кооперации и т. д.), расположенных на территории общества.

Доходы от торговых и промышленных предприятий, принадлежащих членам

Лишение избирательных прав не влечет за собой лишения права на пользование древесиной из лесов местного значения до тех пор, пока данное лицо состоит членом земельного общества, при чем эти граждане получают древесину, по удовлетворении ею всех граждан, принадлежащих к категориям, указанным выше, без применения каких-либо льгот.

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФин РСФСР раз'яснил: при применении ст. 28 положения о едином с.х. налоге от 21/IV т. г. к той части плательщиков, которые пользуются наемным трудом в сельском хозяйстве, необходимо иметь в виду, что под систематическим применением наемного труда в сельском хозяйстве понимается не только наличие постоянных наемных рабочих, но и сезонных, если использование сезонных рабочих носит широкие размеры.

Таким образом, определение облагаемого дохода в индивидуальном порядке может быть допущено и в отношении таких хозяйств, которые, хотя и не имеют постоянных наемных рабочих, но широко пользуются сроковыми или сезонными рабочими как в полеводстве, так и при наличии специальных отраслей сельского хозяйства; садоводства, огородничества и т. д.

Одновременно с этим необходимо строго следить за тем, чтобы индивидуальное обложение применялось исключительно к хозяйствам эксплуататорского типа и ни в коем случае не затрагивало хозяйств, хотя бы и выделяющихся своей зажиточностью, но не занимающихся эксплуатацией ни наемного труда, ни окрестного населения, путем каких-либо торговых операций, сдачи в наем инвентаря и пр. (п. № 592 от 3/VIII—28 г.—№ 592—«Пр. и расп. НКФ» № 27—28 г.).

НКФин СССР раз'яснил (п. № 741 от 20/VIII—28 г.—«Изв. НКФ» № 48—28 г.):

Доходы членов промысловых артелей (товариществ), работающих в общих мастерских артелей (товариществ), входящих в кооперативную систему, облагаются единым сельхозналогом на равных основаниях с заработной платой рабочих и служащих при условии, если эти члены артелей (товариществ) фактически не участвуют в прибылях артелей (товариществ), а получают доход исключительно в виде заработка по ставкам, фиксируемому в расчетных книжках.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Циркуляры НКЮ: №№ 134, 133, 139, 140, 141, 142, 143—Извещение. Раз'яснения Пленума Верх. Суда.

Циркуляр НКЮ № 134
НКФ № 93.

Краевым, областным и губернским судам, краевым, областным и губернским финотделам.

О порядке сдачи в доход казны сумм нотариальных сборов и о порядке финансирования нотариальных учреждений.

В дополнение «Правил № 1 от 8 октября 1928 года о порядке сдачи в государственный бюджет сборов, взимаемых учреждениями, снабженными нотариальными функциями», Народный Комиссариат Юстиции РСФСР и Народный Комиссариат Финансов РСФСР поясняют:

1. Суммы платы за нотариальные действия, поступившие в нотариальные конторы и к народным судьям, исполняющим нотариальные действия, до 30 сентября 1928 г. включительно, переводятся на централизованный текущий счет отдела государственного нотариата НКЮ № 165 в Центральном городском агентстве Госбанка в Москве, для сдачи в доход казны порядком, установленным на 1927/28 б. г.

2. Суммы платы за нотариальные действия, поступившие в нотариальные конторы и к народным судьям, исполняющим нотариальные действия, с 1 октября 1928 г., сдаются в доход казны по § 19, ст. 2 сметы доходов НКЮ непосредственно нотариальными конторами и народными судьями, порядком, установленным правилами № 1 от 8 октября 1928 г. о порядке сдачи в государственный бюджет сборов, взимаемых учреждениями, снабженными нотариальными функциями.

В том случае, если суммы, поступившие в нотариальные конторы после 1 октября 1928 года, переведены уже на централизованный текущий счет отдела государственного нотариата НКЮ № 165, последние зачисляются в доход казны на прежних основаниях.

3. Расходы по содержанию государственных нотариальных контор с 1 октября 1928 года покрываются из кредитов, ассигнуемых по государственному бюджету в распоряжение соответствующих краевых, областных и губернских судов.

Если до получения от соответствующих краевых, областных и губернских судов кредитов по госбюджету имели место расходы с 1 октября 1928 года на содержание государственных нотариальных контор, оплаченные прежним порядком из сумм нотариальных сборов, то позаймствованную сумму надлежит возместить путем перечисления из соответствующих параграфов сметы НКЮ по госбюджету в доход казны по § 19 ст. 2 сметы доходов НКЮ.

4. Расходы по выполнению народными судьями нотариальных действий относятся на местный бюджет.

Народный Комиссар Юстиции **Янсон.**

Народный Комиссар Финансов РСФСР **Милютин.**

Член Коллегии НКЮ **Алимов.**

19 октября 1928 года.

«Утверждаю» Наркомюст Н. Янсон.

«Утверждаю» Наркомфин РСФСР Н. Милютин.

ПРАВИЛА № 1

от 8 октября 1928 г.

О порядке сдачи в государственный бюджет сборов, взимаемых учреждениями, снабженными нотариальными функциями.

Ст. 1. Плата за нотариальные действия, выполняемые учреждениями, снабженными нотариальными функциями, а именно нотариальными конторами, народными судьями, волостными (районными) исполнительными комитетами и сельскими советами, зачисляется в государственный бюджет.

Зачисленная в государственный бюджет плата за нотариальные действия, взимаемая учреждениями, состоящими на местном бюджете (народными судьями, волостными, районными исполнительными комитетами и сельскими советами), перечисляется полностью в местный бюджет.

Ст. 2. Надбавки к плате за нотариальные действия зачисляются непосредственно в местный бюджет.

Ст. 3. Принимаемая нотариальными конторами плата за технические услуги зачисляется в государственный бюджет.

Примечание. Надбавки в местный бюджет к плате за технические услуги нотариальных контор не взимаются.

Ст. 4. Нотариальные конторы и народные судьи, находящиеся в месте расположения учреждений Государственного Банка, сдают собранные суммы (ст.ст. 1, 2 и 3 настоящих правил) в эти учреждения не реже двух раз в месяц, а при достижении предельных норм, а именно—в г. Москве и Ленинграде—300 рублей, в краевых, областных, губернских и

окружных городах—200 руб., в остальных местностях—75 р. в тот же день.

Ст. 5. Нотариальные конторы и народные судьи, находящиеся вне мест расположения учреждений Госбанка, отправляют собранные суммы (ст.ст. 1, 2 и 3) почтовыми переводами в эти учреждения не реже одного раза в месяц, а при достижении этих сумм до 75 рублей—таковые отправляются в тот же день и в случае невозможности—не позднее следующего дня.

Примечание. В талоне перевода надлежит указать, какая сумма пересылается переводом, какая сумма издержана на пересылку денег и какую сумму надлежит зачислить в государственный бюджет, которая является слагаемой первых двух сумм.

Ст. 6. Заинтересованные лица могут вносить причитающиеся с них нотариальные сборы (ст.ст. 1, 2 и 3) непосредственно в учреждения Госбанка.

В этих случаях учреждения Госбанка высылают нотариальным конторам и народным судьям извещения о поступивших суммах с точным обозначением от кого и по какому случаю деньги внесены. Квитанции учреждений Госбанка в приеме указанных сумм должны быть предъявлены нотариальным конторам.

Ст. 7. Суммы, взимаемые за нотариальные действия волостными (районными) исполкомами и сельскими советами, вносятся в кассы волостных (районных) исполкомов и в сельсоветы.

Сведения о суммах, поступивших за нотариальные действия в сельсоветы, сообщаются сельсоветами в соответствующие волостные (районные) финчасти, а последние высылают сведения как о суммах, поступивших в волостные (районные) кассы, так и в сельсоветы подлежащим учреждениям Госбанка, к которым они приписаны по сдаче сельско-хозяйственного налога и других государственных поступлений, в сроки, указанные в ст.ст. 4 и 5 для нотариальных контор и народных судей.

Учреждения Госбанка проводят указанные суммы по кредиту и дебету счета НКФ по госбюджету и присоединяют указанные выше сообщения волостных (районных) финчастей к документам по госбюджету, направляемым в соответствующие финорганы.

Ст. 8. Налагаемые на основании ст.ст. 13 и 15 правил оплаты нотариальных действий («С. У.» 1927 г. № 78, ст. 532) штрафы вносятся только в учреждения Госбанка.

Ст. 9. Счетоводство нотариальных учреждений устанавливается НКЮ по соглашению с НКФ РСФСР.

Налоговое Управление **Шалимов, Протасьев.**

Бюджетное Управление **Каминский, Пасынков.**

Циркуляр № 138.

Всем губернским, областным и краевым судам и прокурорам.
Копия: НКЮ и прокурорам автономных республик.

О сроках литературной и статистической отчетности судов и прокуратуры.

В связи с постановлением СНК РСФСР от 28 августа 1928 г., установившим начальным сроком для отчетности органов милиции, уголовного розыска, следствия, суда, прокуратуры и мест лишения свободы 1 января, Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1. Сохранить для статистической отчетности судов и прокуратуры существующий порядок составления и высылки ее в НКЮ по календарным полугодиям, исчисляемым с 1 января.

2. Очередной литературный отчет по судам и прокуратуре представить за период с 1 января 1928 года по 1 января 1929 г., составив его в порядке сопоставления 2 календарных полугодий.

3. Составляемые применительно к исчислению операционного года с 1 октября полугодовые планы работ местных судов и прокуратуры и сведения по выполнению плана увязать со статистической отчетностью, разбивкой каждой темы работ на два квартальных периода.

При таком порядке данные статистической отчетности, относящиеся к планируемым работам, могут быть легко проверены суммированием цифр за соответствующие кварталы, находящихся в сведениях по выполнению плана.

Постановление СНК РСФСР от 28 августа с. г. устанавливает изъятие из постановления от 25 октября 1927 г.—о начале делопроизводственного года с 1 октября только для отчетности органов юстиции и административных органов, свя-

занной со статистикой преступности, и не затрагивает вопроса о начале делопроизводственного года этих органов в целом. Поэтому в части канцелярского делопроизводства органов юстиции (ведения деловых картотек и нарядов, нумерации дел и т. п.) остается в силе постановление СНК РСФСР от 25 октября 1927 г. о начале делопроизводственного года с 1 октября.

За Народного Комиссара Юстиции **Крыленко.**
Член Коллегии НКЮ **Степнякович.**

30 октября 1928 г.

Циркуляр № 139.

Всем губ., обл., крайпрокурорам.

О вопросах организационного и оперативно-управленческого характера.

Прокуратура Республики на основе опыта проводимой ею работы констатирует, что местные прокуроры нередко уклоняются от точного исполнения директив НКЮ по ряду вопросов организационного и оперативно-управленческого характера.

Так, например, наблюдаются случаи приезда в Москву по делам службы отдельных прокуроров без предварительного ходатайствования об этом разрешения; о предполагаемых к созыву губернских (областных и краевых) совещаниях работников прокурорского надзора Прокуратура Республики в ряде случаев в известность не ставится; различные материалы (как, напр., акты ревизий нижестоящих органов прокуратуры, протоколы камерных совещаний и др.) совершенно не поступают в центр, или поступают с значительными задержками.

В целях устранения указанных ненормальностей вновь категорически предлагается к исполнению следующее:

1) Прокуроры, считающие в силу тех или иных причин необходимым прибыть в Москву по делам службы, обязаны предварительно испросить на это разрешение Прокуратуры Республики. Лишь в исключительных случаях, когда по обстоятельствам того или иного дела (вопроса) приезд в Москву должен быть настолько срочным, что даже телеграфный запрос об этом может представиться вредным или нецелесообразным с точки зрения интересов дела, прокурор может прибыть в Москву и без предварительного ходатайствования соответствующего разрешения.

2) Все намеченные к созыву губернские, областные и краевые совещания работников прокуратуры могут созываться лишь по получению на это разрешения Прокуратуры Республики. Ходатайства должны направляться в центр с таким расчетом, чтобы они поступали туда не позднее, чем за две недели до срока, намеченного к созыву совещания. К этим ходатайствам обязательно должна прилагаться программа (по известка дня) работ совещания.

3) В Прокуратуру Республики должны направляться следующие материалы:

а) полугодовые отчеты о деятельности данной прокуратуры (в сроки, устанавливаемые отдельными по этому вопросу распоряжениями);

б) планы работы губ., обл., крайпрокуратор на предстоящее полугодие (в течение первой половины первого следующего за отчетным полугодием месяца);

в) акты ревизий нижестоящих прокуратур (не позднее, чем в двухнедельный срок по производству данной ревизии);

г) протоколы камерных совещаний работников прокуратуры (немедленно по их оформлении, но не позднее чем в недельный срок со дня их созыва);

д) протоколы совещаний по борьбе с преступностью (в сроки, указанные в предыдущем пункте);

е) циркуляры одновременно с направлением их на места. Действие настоящего циркуляра распространяется также на прокуроров автономных областей, районированных административно-территориальных объединений (краев).

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Прокурор
Республики **Крыленко.**

2 ноября 1928 г.

Циркуляр № 140.

Всем краевым, областным и губернским судам.

О возложении на народных судей инструктирования сельских советов в области выполнения ими нотариальных действий.

Согласно ст. 6 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 сентября 1927 года (Собр. Узак. 1927 г. № 100, ст. 658), бли-

жайшее руководство, инструктирование и направление деятельности волостных исполнительных комитетов и сельских советов в отношении совершаемых ими нотариальных действий, производится местными нотариальными конторами по указанию губернского или окружного суда. Постановлением СНК от 20 октября 1928 г. признано необходимым возложить инструктирование сельсоветов по исполнению ими нотариальных действий также и на народных судей.

Во исполнение указанного постановления СНК от 20 октября 1928 года Народный Комисариат Юстиции предлагает:

1) Народные судьи, имеющие пребывание в поселениях, не имеющих нотариальных контор, инструктируют сельские советы своего района в отношении исполнения ими нотариальных действий. Инструктирование производится путем дачи разъяснений по письменным запросам сельсоветов и по словесным запросам должностных лиц сельсоветов. Народные судьи используют свои выезды для инструктирования сельсоветов, при этом они просматривают делопроизводство сельсоветов по выполняемым нотариальным действиям и дают по поводу замеченных недостатков свои указания.

2) Народные судьи, имеющие пребывание в поселениях, где находятся нотариальные конторы, инструктируют сельсовет только при выездах, остальную работу по инструктированию сельсоветов несут в этих случаях нотариальные конторы.

3) Общее руководство нотариальными действиями сельсоветов принадлежит нотариальным конторам под контролем губернских окружных судов.

4) В руководстве волисполкомами по исполнению последними нотариальных действий, народные судьи участия не принимают.

Зам. Народного Комиссара Юстиции,

Председатель Верховного Суда **Стучка.**

Зам. Зав. Отделом Суд. Управления НКЮ **Уманский.**

5 ноября 1928 г.

Циркуляр № 141.

Всем краевым, областным и губернским судам.

О применении ст. 27 положения о промысловой кооперации.

Ст. 27 положения о промысловой кооперации («С. У.» 1928 г. № 86, ст. 567) устанавливает, что представители промысловых кооперативных товариществ по делам членов этих товариществ и представители союзов по делам как товариществ (и их союзов), объединяемых данным союзом, так и по делам членов этих товариществ могут выступать без особой от последних на то доверенности в судебных и административных органах.

При применении этой статьи надлежит руководствоваться нижеследующими указаниями:

1) Промысловые кооперативные товарищества (артели)—в том числе и промысловые кредитные товарищества, а также смешанные промыслово-сельскохозяйственные товарищества—имеют право уполномочивать своих представителей выступать в судебных органах по делам членов этих товариществ (артелей).

2) Кооперативные промысловые союзы—в том числе промыслово-кредитные союзы, а также и промыслово-сельскохозяйственные союзы—имеют право уполномочивать своих представителей выступать в судебных органах по делам товариществ (артелей), объединяемых данным союзом, а также по делам членов этих товариществ (артелей).

Союзы же, объединяющие кооперативные союзы—сверх того, по делам своих членов союзов, входящих в их состав.

3) Представитель товарищества или союза может выступать по делам членов этих организаций без получения от них на ведение их дела доверенности и допускается к участию в деле по представлении суду удостоверения от кооперативной организации (т-ва или союза), в состав которой входит тягущийся об уполномочии данного представителя на участие в деле.

4) Указанное в предыдущем пункте уполномочие может быть выдано кооперативной организацией своему представителю как вследствие заявленной о том членом союза или товарищества просьбы, так и при отсутствии такой просьбы по собственной инициативе т-ва или союза.

5) Представитель товарищества или союза, выступая в указанных выше случаях на суде, имеет целью выявление перед судом точки зрения кооперативной организации, представителем которой он является, на данное дело.

6) Представители товарищества или союза имеют право на совершение всех процессуальных действий, кроме тех, на совершение которых в силу ст. 18 ГПК необходимо иметь специальную доверенность. Эти действия они могут совершать лишь при наличии специального полномочия, даваемого участвующим в деле в качестве стороны товариществом или членом товарищества в порядке ст. 17 ГПК.

Зам. Народного Комиссара Юстиции,

Председатель Верховного Суда Стучка.

Зам. Зав. Отделом Суд. Управления НКЮ Уманский.

6 ноября 1928 г.

Циркуляр № 142.

Краевым, областным и губернским прокурорам.

Копия: прокурорам АССР.

О плановости в работе следователей.

Принимая во внимание, что 1) плановость в работе следователей имеет не меньшее значение, чем в работе других органов, 2) до настоящего времени в большинстве случаев работа следователей проходит без предварительно составленных планов, что отрицательно отражается на продуктивности и качестве работы, 3) переход следопарата в полное ведение прокурорского надзора не только дает возможность, но создает необходимость как большей увязки плановой работы следователей и прокуроров, так и контроля прокуратуры за планами работ следователей,—предлагается:

1. Обязать народных и старших следователей проработать планы своих работ на текущее полугодие (считая с октября).

2. Впредь следователям планы составлять на те же периоды, на какие составляются планы работ органов прокурорского надзора.

3. Планы работ следователей составлять по прилагаемой схеме № 1 (см. приложение).

4. Отчеты об исполнении планов представлять по той же схеме, но лишь с заполнением графы «отметки об исполнении».

5. Планы работ на предстоящий период народные следователи представляют к 5 числу начального (в плановом периоде) месяца участковым помощникам. Ст. следователи планы и отчеты о выполнении планов представляют непосредственно в краевые, губернские (окружные) управления прокуратур.

6. Участковые помощники составляют сводки планов (и исполнения) следователей по участку и представляют эти сводки в качестве приложения к плану участковой прокуратуры губернским (окружным) прокурорам. Окружные прокуроры сводки по округу представляют краевым (областным) прокурорам. Краевые, областные и губернские прокуроры сводки планов (и исполнения планов) представляют в Прокуратуру Республики в качестве приложения к своим планам. Сводки представлять по схеме № 2 (см. приложение).

7. В отношении количественных норм отдельных видов работы следователей предлагается при корректировании планов учесть необходимость:

а) обязательной ликвидации загрузки дел тех следственных участков, где загрузка имеет место;

б) окончания расследования, как правила, всей массы поступающих за плановый период следственных дел;

в) просмотра дознаний, поступающих в порядке п. 2 и 3 ст. 105 УПК;

г) обследования каждого из органов дознания, поднадзорных следователю, не реже одного раза в 2 месяца;

д) подытоживания дефектов дознания и итогов борьбы с преступностью в участке не реже 1 раза в полугодие;

е) созыва инструктивных совещаний не реже 1 раза в квартал с органами дознания и 1 раза в месяц с общественными обвинителями;

ж) обследования исполнения приговоров к принудительным работам не реже одного раза в 2 месяца;

з) посещения арестных помещений при милиции и угрозыске не реже одного раза в неделю;

и) выступлений, примерно, 2 раза в суде ежемесячно;

к) созыва совещаний по борьбе с преступностью 1 раз в 3 месяца в каждой волости;

л) помещения в печати по 1 статье в месяц на правовые темы;

м) не менее 2 докладов в месяц на широких собраниях трудящихся и не менее 1 доклада в полугодие перед вол., райисполкомами и горсоветами.

8. В дальнейшем, на основе учета опыта работы организовывать совещания со следователями для выработки средних норм отдельных видов работ; периодически эти нормы пересматривать, учитывая как местные условия, так и директивы НКЮ.

9. При составлении плана необходимо принять во внимание возможность внеплановых выездов в связи с отдельными следственными делами.

10. При обследованиях следственных камер обращать внимание на степень выполнения как общего плана, добиваясь реального исполнения его, так и, не в меньшей мере, на плановость и продуманность расследования по отдельным следственным делам.

Прокурор Республики Крыленко.

2 ноября 1928 г.

Приложение к циркуляру № 142.

СХЕМА № 1.

План работы следователя уч. уезда (округа) на период с до 192 г.

Содержание и объекты работ	Срок исполнения		Отметка об исполнении
	начало	конец	
Раздел I.			
Организационная работа.			
1. Проверка делопроизводства камеры	5. XI	7. XI	
2. Составление отчета о выполнении плана за период с до	28.3.28 г.	30.3.28 г.	
3. Составление плана работ на период с до	28.3.28 г.	30.3.28 г.	
4.			
Раздел II.			
Непосредственно следственная работа.			
1. Закончить расследование наличного остатка дел	В течение полугодия		
Раздел III.			
Надзор за органами дознания.			
1. Обследовать:			
а) . . . вол.-раймилицию	10.1.28 г.		
б) . . . волмилицию	10.2.28 г.		
в) Угрозыск	5.3.28 г.		
г) Инспектора Труда	8.12.28 г.		
д) Лесничество и др.			
2. Созвать инструктивных совещаний:			
а) по волости			
б) по волости			
и т. д.			
3. Проверить в порядке п. 2. и 3 ст. 105 УПК дознаний.			
Раздел IV.			
Совещания по борьбе с преступностью.			
1. Созвать совещание по волости для проработки следующих вопросов			
2. Созвать совещание по волости.			
3. Изучение и сводка данных о преступлениях в участке			
Раздел V.			
Судебная работа.			
1. Созвать инструктивные совещания с общественными обвинителями.			
2. Проверить исполнение приговоров по волости			
3. Выступить в суде по делам.			
Раздел VI.			
Общественно-политическая работа.			
1. Сделать доклады:			
а) на заседании вол.-райисполкома			
б) на собрании бедноты вол.			
в)			
г)			
2. Поместить статей на правовые темы:			
а) в стенгазете статей.			
б) в общей печати			
3. Провести консультаций:			
а) в изд.-читальне			
б) на сборном пункте			

Народный следователь

СХЕМА № 2.

Сводка исполнения плановой работы следователей губ.
(уезда, округа, области, края).

За период с до
и плана работ на период с до

Содержание и объекты работы	Предполагается было за истекший период	Выполнено	Предполагается за предстоящий	Пояснительные замечания
Раздел I. Организационная работа. 1. Проверка делопроизводства				
Раздел II. Непосредственно следственная работа. 1. Закончить расследование дел				
Раздел III. Надзор за органами дознания. 1. Обследований: а) органов милиции . . . б) обследований органов угрозыска в) обследований инспекторов труда г) д) 2. Инструктивных совещаний с работниками дознания 3. Проверить дознаний в пор. 2 и 3 ст. УПК . . .				
Раздел IV. Совещания по борьбе с преступностью. 1. Созвать совещания . . . 2. Сводок о состоянии преступности				
Раздел V. Судебная работа. 1. Выступлений в суде . . . 2. Созыв совещаний общественных обвинителей . . . 3. Проверок исполнения приговоров				
Раздел VI. Общественно-политическая работа. 1. Докладов на правовые темы 2. Отчетных докладов . . . 3. Статей в стенгазеты . . .				

Прокурор

Циркуляр № 143.

Всем прокурорам, председателям краевых, областных, губернских и окружных судов.

О мероприятиях по содействию изобретательству.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 15 мая с. г., комиссия ВСНХ внесла проект постановления СНК РСФСР о мероприятиях по содействию изобретательству, каковой проект утвержден в заседании СНК от 20 октября 1928 г. и, с соответствующими поправками, подлежит опубликованию в ближайшее время.

При рассмотрении проекта СНК признал необходимым срочное расследование и рассмотрение уголовных дел, возникающих в связи с прохождением изобретений и постановил:

«Предложить НКЮ дать указания судебным органам и органам прокуратуры о срочном расследовании дел, возникающих по заявлению профорганизаций и бюро содействия изобретательству о нарушении прав, бюрократизма и волокиты в отношении изобретателей».

Подтверждая изложенное к исполнению, Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

органам прокурорского надзора установить контакт с профорганизациями и бюро содействия изобретательству для своевременного возбуждения преследования против указанных на-

рушений и принять меры к расследованию таких дел в кратчайшие сроки;

судебным органам принять меры к срочному рассмотрению поступающих к ним дел уголовного характера.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Прокурор
Республики Крыленко.

6 ноября 1928 г.

Извещение край, обл. и губ. судам и прокурорам.

О порядке страхования в 1928—29 б. г. муниципализированных зданий, занимаемых судами и прокуратурами.

Народный Комиссариат Юстиции сообщает для сведения и руководства, что порядок страхования в 1928—29 б. г. муниципализированных зданий, занятых судами и прокуратурами, согласно отношению Наркомфина РСФСР от 5/X с. г. № 3712/10610/м, остается прежний, указанный в циркуляре НКФ РСФСР от 10/IV—27 г. № 516 (циркулярное распоряжение НКЮ от 12/IV—27 г. за № 15п1313) и в циркуляре НКФ РСФСР от 10/IV—28 г. № 290 (постанов. и распоряж. НКФ РСФСР 1928 г. № 15/139), т.-е. без внесения учреждениями местным конторам Росгосстраха страховой премии в виду производства окончательных расчетов в центре.

Страхование национализированных зданий в 1928—29 б. г. так же, как и в предыдущие годы производиться не будет.

Член Коллегии НКЮ Алимов.
Заведующий Финансовым Отделом Абрамов.

16 октября 1928 г.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 13 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 июля 1928 г.

118 (п. 4). О порядке удостоверения судами факта гибели в рядах Красной армии члена семьи — на получение семей пенсии.

Постановили: по ряду дел народных судов установлено, что суды отказывают в принятии ходатайств о признании лиц, погибших на фронте, либо безвестно пропавших, умершими, или же, наоборот, принимая к своему производству такого рода дела, устанавливают факт гибели лица на фронте без соблюдения правил, приложенных к ст. 12 Гр. Код.

Принимая во внимание, что выдача справок и удостоверений о факте гибели на войне (или безвестного отсутствия) производится административными органами (военное ведомство, ЗАГС) и в компетенцию судов не входит; что в судебном порядке возможно лишь объявление лица безвестно отсутствующим с целью признания его умершим в порядке ст. 12 Гр. Код., Пленум Верховного Суда раз'ясняет:

1) что факт гибели лица на фронте не может быть установлен в судебном порядке иначе, чем в порядке, установленном прилож. к ст. 12 ГК в тех случаях, когда нет очевидцев смерти для применения ст. 128 Кодекса Законов о браке в исковом порядке;

2) что в тех случаях, когда от военного ведомства справка о гибели или безвестном отсутствии лица не может быть получена, оно может быть объявлено судом безвестно отсутствующим, а затем и умершим в порядке, установленном прилож. к ст. 12 ГК, при чем в этих случаях срок, установленный для признания лица, объявленного безвестно отсутствующим, умершим, должен быть в соответствии с применением к п. 19 приложения к ст. 12 ГК сокращен до шести месяцев.

В виду того, что для получения пенсии требуется представление определения суда о признании лица лишь безвестно отсутствующим (но не обязательно о признании его умершим), ограничиться настоящим раз'яснением, одновременно войдя с представлением в законодательные органы об упрощении порядка объявления лица безвестно отсутствующим или умершим.

Из протокола № 14 заседания Пленума Верховного Суда от 13 августа 1928 г.

119 (п. 3). Об освобождении «Крымсельсоюза» от судебных сборов.

Раз'яснить, что налоговые льготы установлены, как видно из постановления ЦИК'а СССР от 29 мая 1925 г., в целях удешевления сельскохозяйственного кредита, поэтому сельско-

хозяйственные кооперативные товарищества смешанного типа, в соответствии с циркулярным разъяснением НКЮ, могут быть освобождены от сборов лишь по тем искам, которые вытекают из кредитных операций. Так как «Крымсельсоюз», как видно из его наименования—«Крымский союз сельскохозяйственных и кредитных кооперативов», а также и из § 1 устава его, является объединением как кредитных сельскохозяйственных товариществ, так и простых сельскохозяйственных товариществ, и права его по уставу вследствие такого объединения различных кооперативных организаций не ограничены совершением кредитных операций, то в силу указанного постановления ЦИК СССР от 29 мая 1925 г. «Крымсельсоюз» должен быть отнесен к категории сельскохозяйственных кооперативных товариществ смешанного типа и потому может быть освобожден от судебных сборов лишь по искам, вытекающим из кредитных операций.

120 (п. 4). О разъяснении ст.ст. 211 и 136 ГК.

(Внесено в связи с делом нарсуда Алексинского района Тульской губернии по иску гр-на Никишина Г. К. к гр. Никишину К. Т. о взыскании 100 руб.).

Согласно 211 ст. Гражданского Кодекса, договор на сумму свыше 50 р. должен быть совершен в письменной форме, и притом оспаривание договора путем свидетельских показаний не допускается, за исключением разбора в уголовном порядке случаев уголовно-наказуемых деяний. Постановлением Пленума Верховсуда от 16 ноября 1925 г. («Е. С. Ю.» № 48—49 1925 г.) уже разъяснено, что допущение свидетелей в подтверждение спороводившихся дел обстоятельство, когда их показания фактически сводятся к опровержению суммы договора займа или к подтверждению уплаты по нему или к оспариванию суммы договора, также является обходом закона и не должно допускаться. Этот закон имеет в виду ограничить допущение свидетелей, как сравнительно менее достоверный способ доказательства по договорам, превышающим определенную сумму, и допускает свидетелей лишь в отношении договора займа на сумму до 50 р. в интересах беднейшей части населения по чисто-бытовым мелким сделкам, имея в виду соответствующий род мелких дел, а не сумму долга. Исходя из этого, Пленум Верховсуда постановлением от 16 ноября 1925 г. разъяснил, что наш закон, однако, не лишает суд права применительно к 4 ст. ГПК или к ст. 5 Вводного закона к ГК в исключительных случаях признать устный договор займа на сумму и свыше 50 р. действительным, но с тем лишь, чтобы суд в подобных случаях приводил достаточные и конкретные мотивы, почему он нашел возможным отступить от требований закона.

В силу этих соображений Пленум Верховсуда разъясняет, что, согласно 211 ст. ГК, договор займа на сумму свыше 50 р. заключенный не в письменной форме, является недействительным в полном объеме, а не только в сумме, превышающей 50 р. В тех же случаях, когда суд приходит к выводу, что в данном конкретном случае нарушение формы не должно повлечь за собой недействительности договора, суд вправе признать договор действительным и в сумме, превышающей 50 руб.

121 (п. 5). О квалификации уклонения допризывников от явки на лагерные или учебные сборы.

Разъяснить, что неявка допризывников в срок, объявленный приказом, на лагерные и учебные сборы по неуважительным причинам должна рассматриваться как уклонение от явки и квалифицироваться по ст. 68 УК. Вопрос об уважительности или неуважительности неявки на призывные пункты должен разрешаться начальником учебного пункта, при чем в суд дело должно передаваться лишь в тех случаях, когда начальник пункта признает причины неявки неуважительными.

122 (п. 6). Об ответственности за кражу крупного скота у трудового земледельческого и скотоводческого населения.

Постановлением от 3 июля 1928 г. Президиум ВЦИК изменил редакцию 166 ст. УК в том смысле, что эта статья распространяется и на случаи похищения крупного скота у трудового скотоводческого населения. Исходя из того, что санкция 166 ст. УК предусматривает лишение свободы на

срок до 5 лет, и имея в виду, что кража скота у трудового земледельческого населения является деянием более социально-опасным, чем кража скота в скотоводческом хозяйстве,—суды при рассмотрении указанных дел должны проводить более строгие репрессии в отношении краж крупного скота у трудового земледельческого населения, чем у скотоводческого населения.

123 (п. 7). О разъяснении вопроса о порядке оплаты жил. площади инвалидами, состоящими членами промысловых и торговых артелей инвалидов, выбирающих патент 4 разр. (Представление Пом. Прокурора Республики при Верховсуде).

Принимая во внимание: 1) что инвалиды, а также и другие лица, состоящие на социальном обеспечении, вступившие в члены кооперативных объединений инвалидов, сохраняют все личные льготы, предоставляемые им законом (п. 40 положения о кооперативных объединениях инвалидов от 5 июня 1926 г.—«С. У.» 1926 г., № 41, ст. 317); 2) что лица, состоящие на социальном обеспечении или социальном страховании, в отношении квартирной платы приравняются к рабочим и служащим (примечание 2 к § 5 декрета ВЦИК и СНК об оплате жилых помещений от 23 августа 1926 г.; 3) что инвалиды и иные лица, которым вместо пенсии предоставлено право торговли на льготных условиях, оплачивают жилые помещения—торгующие по патенту 1 разряда из расчета заработка 30 р., а по патенту 2 разряда—из расчета заработка в 50 руб. в месяц (инструкция НКВД и НКЮ № 360 от 27 сентября 1926 г.) и что разряд выбираемого артелью инвалидов патента не влияет на размер заработка отдельного члена артели,—

Пленум Верховсуда разъясняет, что инвалиды и иные лица, состоящие членами кооперативных объединений инвалидов, имеющих производственные или торговые предприятия, организованные на основании положения о кооперативных объединениях инвалидов от 5 июля 1926 г. («С. У.» № 41, 1926 г., и не получающие в артели за свой труд содержания в виде твердого месячного заработка, оплачивают жилую площадь независимо от разряда патента, который выбирает артель, из расчета заработка 50 р. в месяц.

124 (п. 8). О возможности обращения взыскания на пай членов жилищно-строительных кооперативов за долги членов этих кооперативов.

Принимая во внимание, что, согласно нормальному уставу, члены общегородского жилищно-строительного кооперативного товарищества имеют право с согласия общего собрания перуступать свои права постоянного пользования жилищами другим лицам, имеющим право быть членами товарищества; что отказ товарищества в согласии принять покупателя в состав своих членов может быть допуском лишь по уважительным основаниям, при чем уважительность или неуважительность причин отказа подлежит проверке судебными органами; что, согласно уставу, товарищество имеет лишь преимущественное право на покупку пая, но эти пай могут быть продаваемы и другим лицам,—разъяснить, что взыскание по долгам отдельных членов жилищно-строительных кооперативных товариществ может быть обращено и на принадлежащее им право пользования жилым помещением путем продажи этого права с публичных торгов. В этом случае на приобретателя права пользования помещением переходят все права и обязанности члена кооператива, в том числе и право на пайевой взнос, принадлежавший его предшественнику, а лицо, за долги которого произведено взыскание, утрачивает все свои права, связанные с участием в данной кооперативной организации. В торгах могут участвовать лишь лица, имеющие право быть членами кооператива, т.е. граждане, достигшие 18-летнего возраста и не лишенные по суду прав, и юридические лица, при чем преимущественное право оставления за собой проданных с торгов пая, принадлежит, согласно уставу, самому товариществу. Лицо, купившее это право с торгов, должно подать заявление о приеме его в члены товарищества, при чем отказ в приеме может быть обжалован в суд; если же суд признает отказ в приеме в члены товарищества правильным, то он одновременно выносит определение о признании торгов несостоявшимися. Настоящее разъяснение не относится к рабочей жилищно-строительной кооперации.

Ответственный Редактор: Я. Бранденбургский.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия

Н. Крыленко.
Ф. Нахимсон.
Ф. Нюрин.
А. Стельмахович.